

А. МАРКОВИЧ

С КЕМ

СПОРИЛ

КЛИМ

САМГИН?

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.В. Маркович

С КЕМ СПОРИЛ КЛИМ САМГИН?

Благовещенск 2013

ББК 83.3 (Рос=2Рус) 6-8 Горький
М 26

Рецензенты:

С.И.Красовская, доктор филологических наук,
профессор, старший научный сотрудник
Института содержания и методов обучения РАО;
Н.В.Киреева, доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы БГПУ

Маркович, А.В.

М 26 **С кем спорил Клим Самгин?** / А.В. Маркович. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – 208 с.

ISBN 978-5-8331-0281-7

Горький, описывая 40 лет жизни российского интеллигента, говорит о процессе подготовки к гигантскому провалу коммуникации в масштабах целой страны и показывает, что, несмотря на многолетние поиски взаимопонимания между разными социальными слоями, идеологическими течениями, стабильный канал коммуникации в обществе не налаживается.

Самгин – «герой сознания», для которого слово идентично поступку, но который не может на протяжении всей жизни найти своё слово, не может стать участником успешной коммуникации. В речи своего главного героя Горький запечатлел мучительно-неразрешимый процесс превращения людей в невольников идеи. Это становится особенно очевидным во взаимодействии интеллигенции с «адовой суматохой» XX века.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Благовещенского государственного педагогического университета

ББК 83. 3 (Рос=2Рус) 6-8 Горький

ISBN 978-5-8331-0281-7

© Маркович А.В., 2013

© Издательство БГПУ, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
<i>«Жизнь Клима Самгина»: «грандиозная эпопея» vs «скудная книга».....</i>	6
<i>Новый «ключ» к старому «замку».....</i>	14
ГЛАВА I, В КОТОРОЙ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПОПАДАЕТ В КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, ИЗ КОТОРЫХ НЕ ВСЕГДА БЛАГОПОЛУЧНО ВЫПУТЫВАЕТСЯ, НО (ЖЕЛАЯ ТОГО ИЛИ НЕТ) ОСТАЁТСЯ ИХ СУБЪЕКТОМ.....	17
1.1 Коммуникация как проблема в «Жизни Клима Самгина».....	17
1.2 «Герой сознания» – «провокаатор» коммуникативной ситуации.....	25
1.3 «Деградация» коммуникации в творчестве Горького	36
1.3.1 Шаг первый. Лука vs Самгин: коммуникация и антикоммуникация.....	36
1.3.2 Шаг второй. Макаров: в поисках «героя»	41
1.3.3 Шаг третий. Карамора: «жили во мне два человека, и один к другому не притёрся»	42
1.3.4 Шаг четвёртый. Евсей Климков: страх.....	44
1.3.5 Шаг пятый. Пётр Артамонов: вырождение.....	45
1.3.6 Моральный кодекс, или Ловушка для интеллигента.....	47
1.4 Образ Клима Самгина как коммуникативная доминанта.....	49
1.4.1 Генезис центрального персонажа как «героя сознания»	49
1.4.1.1 Детство Клима.....	51
1.4.1.2 Юность Клима.....	61
1.4.2 Автокоммуникация: коммуникативный провал на уровне индивидуального сознания.....	65
1.4.3 Три вопроса Самгина: три ступени самопостижения героя и автора.....	93

ГЛАВА II, В КОТОРОЙ ГЕРОИ СПОРЯТ О СВОБОДЕ, РАССУЖДАЮТ О НАРОДЕ, ДИСКУТИРУЮТ О ДОЛГЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРЕД НАРОДОМ, НО В ИТОГЕ ТАК НИ О ЧЁМ И НЕ ДОГОВАРИВАЮТСЯ.....	115
2.1 Идеальная модель спора и особенности полемического дискурса. Постановка проблемы.....	115
2.2. Коммуникация в «Жизни Клима Самгина». Кризис сознания – кризис коммуникации – кризис эпохи.....	121
2.2.1. Дискуссии конца XIX – начала XX вв. в книге М. Горького. Враждующие лагеря «борцов за свободу» и кризис коммуникации.....	121
2.2.1.1 <i>Какую правду выбрать? Народники vs. марксисты.....</i>	126
2.2.1.2 <i>Будущие герои революции по-горьковски.....</i>	142
2.2.2. Интеллигенция: «чужие» среди «своих»: итог противоречия между идеей и реальностью.....	153
2.2.2.1 <i>«Временнообязанные» революционеры.....</i>	157
2.2.2.2 <i>Интеллигенты в революции: от Бабеля до Солженицына.....</i>	161
2.2.2.3 <i>Лютков: «личность неизвестного назначения».....</i>	171
2.2.2.4 <i>Народ: «злоумышленники» или «хамелеоны»?.....</i>	176
2.2.2.5 <i>«Дорожные» споры.....</i>	180
2.2.3. Многоголосие как предел коммуникативной неудачи.....	183
2.2.3.1 <i>«Многоголосый» марксизм.....</i>	186
2.2.3.2 <i>«Многоголосое» прошлое и пёстрое настоящее.....</i>	189
2.2.3.3 <i>Различимы ли голоса в «многоголосии».....</i>	191
2.2.3.4 <i>«Итоговое» многоголосие и итоговая речь Самгина.....</i>	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	208

Автор выражает глубокую благодарность

Светлане Игоревне Красовской, другу и учителю, оказывавшую бесценную помощь на всех этапах работы – от оформления концепции до рецензирования монографии.

Александрю Васильевичу Урманову, научному руководителю, доктору филологических наук, профессору, чью роль в появлении на свет этой работы трудно переоценить – за помощь, внимание и поддержку.

Наталии Владимировне Киреевой, доктору филологических наук, рецензенту монографии, за ценные замечания, высказанные по поводу работы в ходе ее прочтения, а также за общую положительную оценку исследования.

Андрею Дмитриевичу Степанову – за его увлекательную концепцию коммуникации, повлиявшую на ключевые положения данной работы.

Сергею Оробию – за содействие и вдохновение.

Родителям – за постоянную поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

«Жизнь Клима Самгина»: «грандиозная эпопея» vs «скучная книга»

Горький – одна из ключевых фигур литературного процесса 20-30 годов XX века. Противоречия в его взглядах отразились как на частной жизни, так и на литературном творчестве. Этот период стал для писателя очередным этапом на пути поиска новых форм и способов познания человека в условиях меняющейся исторической действительности. Его «прощальная» книга «Жизнь Клима Самгина», работа над которой велась целое десятилетие (1926-1936), в этом смысле стала знаковой. Сам Горький придавал ей значение итога своего творчества¹. Литературоведческие же оценки этого произведения никогда не были однозначными.

Отклики на «Жизнь Клима Самгина» появились сразу после появления в печати фрагментов книги. Одним из первых была статья Ж. Эльсберга «Глаза Горького сквозь самгинские очки»². Авторы этой и ряда других статей³ объявили о творческой неудаче писателя, увидели в центральном персонаже произведения ширму, за которой прячется сам Горький. Хотя по первым главам, которые оказались в распоряжении критиков, нельзя

¹ Так, в 1925 г. в письме Р. Роллану М. Горький писал: «Роману придаю значение итога всему, что мною сделано» (Цит. по: Овчаренко, А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1982. С. 190).

² На литературном посту: двухнедельный журнал марксистской критики. 1927. № 15/16. С. 18-31.

³ Вешнев В. Горькое лакомство (М. Горький к 10-летию Октября) // На литературном посту. 1927. № 27; Полякова М. «Жизнь Клима Самгина» // Печать и революция. 1928. Кн. 1 (январь); Горбачёв Г. Современная русская литература. Л., 1929; Родионович Р. Книга о Сером // Комсомольская правда. 1927. № 207 и пр.

было составить целостное представление о произведении как о художественном явлении, были сделаны весьма поспешные выводы о художественном уровне и идейной концепции «Самгина». Отсюда, вероятно, и возникли суждения, подобные этому: «Роман изображает людей, которые сами себя выдумывают, а Клиим смотрит простыми глазами на мир»⁴.

Однако тогда же появились и статьи, оценивающие книгу как значительное художественное явление. Типичными были отзывы о книге как о грандиозной эпопее, показывающей путь от народничества к революционному марксизму. Главный герой эпопеи воспринимался как продукт самых разных влияний, постепенно формирующих его личность. Ещё неоконченное произведение по широте и смелости замысла, чёткой прорисовке персонажей, яркости эпизодов и выразительности языка причисляли к наиболее значительным произведениям Горького.

Узловой проблемой, которую исследовали литературные критики и литературоведы, стал образ центрального персонажа. Клим Самгина рассматривали в своих трудах многие литературоведы тридцатых годов⁵.

Научный итог первым исследованиям «Жизни Клим Самгина» подвёл А. Луначарский. В статье «Самгин» (1932) он определил на много лет вперёд направления научного изучения произведения. Луначарский оха-

⁴ Воронский А. Письмо от 20 апреля 1927 года // Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 53. // Цит. по: Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 25. С. 77.

⁵ Груздев И. М. Горький. Краткий биографический очерк. Л., 1933. 109 с.; Корабельников Г. Конец чеховской темы. М., 1934. 45 с.; Линин А. Литературные очерки. М. Горький, А. Серафимович, А. Чехов. Ростов н/Д., 1935. 122 с.; Лукач Г. «Человеческая комедия» предреволюционной России // Литературный критик. 1936. № 9. С. 13-35; Тарасенков А. О четвёртом томе «Жизни Клим Самгина» // Знамя. 1937. № 6. С. 236-245.

рактизовал его как «огромную хронику», «движущуюся панораму десятилетий», написанную концентрически, то есть в форме событий, группирующихся вокруг определённого индивидуального центра, одного героя. По мнению критика, формально произведение можно назвать Bildungsromanen⁶, но фактически это эпос, «движущаяся панорама важной эпохи, взятая в сильной мере через свидетельство героя»⁷. Его идея двоецентриа (Самгин/народ) и мысль об эпопейной природе «Жизни Клима Самгина» на десятилетия определили пути исследования книги М. Горького.

В 60-е гг., приняв идею А. Луначарского об «эпопейности» романа, советские литературоведы создали несколько монографий, рассматривающих последнее произведение М. Горького в свете его эпопейной природы⁸.

Сам Горький обозначает жанр «Жизни Клима Самгина» как повесть, однако в переписке именуется её исключительно романом. Горьковеды до сих пор по-разному определяют жанр прощальной книги писателя: работы, посвящённые его творчеству, отличаются разнообразием мнений в отношении жанровой природы «Самгина»⁹. По словам одного из исследователей, «в одинако-

⁶ Bildungsromanen, по словам Луначарского – «термин, не очень легко переводимый на русский язык и означающий – роман, посвящённый изображению процесса формирования молодого существа в законченную человеческую личность» (Луначарский А. Самгин // А. Луначарский. Статьи о советской литературе. М., 1958. С. 354).

⁷ Луначарский А. Самгин // А. Луначарский. Статьи о советской литературе. М., 1958. С. 356.

⁸ Волков А. Художественный мир Горького (Советские годы). М., 1978; Жегалов Н. Роман Горького «Жизнь Клима Самгина». М., 1965; Овчаренко А. Роман-эпопея Горького «Жизнь Клима Самгина». М., 1965; Резников Л. Повесть Горького «Жизнь Клима Самгина». Петрозаводск, 1964 и пр.

⁹ **Монографии:** Бялик Б.А. Судьба Максима Горького. М., 1986; Волков А.А. Художественный мир Горького (Советские годы). М., 1978;

вой степени текст располагал к извлечению из него “признаков” романа, эпопеи, хроники и т.д.»¹⁰, а также жития и антижития. Действительно, произведение выбивается из литературной жанровой традиции. Однако мы присоединяемся к мнению исследователей, доказывающих, что жанр «Жизни Клима Самгина» ближе к роману. Во-первых, сам факт споров вокруг жанра указывает на жанровую неоднозначность, размытость границ жанра. А как известно, единственный становящийся жанр – это роман. Во-вторых, в произведении показана становящаяся личность. Именно такой способ изображения человека свойствен роману.

Монографии 60-х годов в большинстве своём дают обстоятельный анализ многообразных художественных особенностей книги, раскрывают образы центральных

Гура В.В. Роман и революция. Пути советского романа. 1917–1929. М., 1973; Луначарский А.В. Статьи о советской литературе. М., 1958; Никулина Н.И. Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Л., 1957; Резников Л.Я. Повесть М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Петрозаводск, 1964; Строков П.С. Эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина». М., 1962; Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992; Трофимов В.М. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького (Жанр, сюжет, композиция, герой). Волгоград, 1984.

Статьи в журналах, сборниках: Беглов В.А. Жанровая природа «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Вестник Московского университета, Филология. 2005. № 3; Вайнберг И. Путь к роману (Заметки о романе «Жизнь Клима Самгина») // Знамя. 1968. Кн. 3; Канаев Ф.Ф. «Жизнь Клима Самгина» как исторический роман-хроника // М. Горький. Материалы и исследования. Т. 4. М.-Л., 1951; Сухих С.И. «Жизнь Клима Самгина» и эволюция романной формы в творчестве М. Горького // Горьковские чтения-1997: Материалы конференции «М. Горький и XX в.». Н. Новгород, 1997; Хабин В.Н. Эпос и ирония в романе «Жизнь Клима Самгина». Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1968. № 3 и т.д.

¹⁰ Беглов В.А. Жанровая природа «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 3. С. 123.

персонажей, не последнее место в исследованиях занимает определение жанровой природы «Самгина».

Сегодня предпринимаются попытки обобщить накопленные за несколько десятилетий размышления о личности и творчестве писателя, теоретически осмыслить поэтику Горького как единую систему изобразительно-выразительных средств и приёмов, «не только обусловленную содержанием творчества, но и обладающую своими внутренними закономерностями, внутренней логикой развития»¹¹. Известность получили работы В. Баранова, В. Барахова, Н. Примочкиной¹², а также биографические очерки журналиста и писателя Д. Быкова¹³ и П. Басинского¹⁴.

Переосмысление творчества М. Горького в свете новой исторической ситуации было начато в начале 90-х годов Горького Т. Беловой, Л. Колобаевой, Л. Спиридоновой, С. Сухих¹⁵. Они открывают «Горького противоречивого, непростого, <...> живого и невыдуманного»¹⁶ (в противовес монолитному образу советской эпохи), переосмысливая творческие успехи и неудачи писа-

¹¹ Красунов В.К. Поэтика художественной прозы М. Горького и пути её изучения // Поэтика художественной прозы М. Горького: Межвузовский сборник научных трудов. Горький, 1989. С. 5.

¹² Баранов В.И. Горький без грима. Тайна смерти. Роман-исследование М., 2001; Барахов В.С. Драма Максима Горького (Историки, коллизии, метаморфозы). М., 2004; Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003.

¹³ Быков Д.Л. Был ли Горький? Биографический очерк. М., 2008.

¹⁴ Басинский П.В. Страсти по Максиму: Горький: девять дней после жизни. М., 2011.

¹⁵ Белова Т.Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890–1910-е гг.) в контексте культурологических исканий эпохи. М., 2004; Спиридонова Л.А. М. Горький: диалог с историей. М., 1994; Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992.

¹⁶ Колобаева Л.А. Горький и Ницше // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 162.

теля, при этом сохраняя лучшее из накопленного исследовательского опыта предшественников.

Так, С. Сухих считает, что Горький при создании «Жизни Клима Самгина» «вторично пережил – в памяти, в сознании, творческом воображении <...> и воссоздал заново свой опыт и опыт истории <...>», будучи уже обогащённым «опытом побед и поражений, взлётов и падений, прозрений и заблуждений»¹⁷.

Имеют место и противоположные точки зрения на «закатный» роман писателя. Так, прозаик В. Пьецух статьёй «Горький Горький» отразил характерное для литературоведов конца 80-х – начала 90-х «священнодействие» сбрасывания советских «писателей-идеологов» «с корабля современности». Автор статьи объясняет известность Горького тем, что в своё время он «подкупил демократически настроенную публику своим босяцким происхождением»¹⁸. В. Трофимов находит, что Горькому не удалось избежать «абсолютизации идей марксизма», что в произведении «нет полярной двучленности повествователя и героя», что писатель допускает в книге «тавтологию персонажей, повторение сюжетных ситуаций, сюжетно-стилевые повторы, провалы художественного вкуса и т.п.»¹⁹. В. Баранов утверждает: «Будем, наконец, откровенны: “Жизнь Клима Самгина” оказалась книгой довольно скучной»²⁰. Одной из главных причин «скуки» исследователь считает бессюжетность повествования: «на

¹⁷ Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992. С. 117.

¹⁸ Пьецух В. Горький Горький: Эссе // Столица. 1991. № 338. С. 52.

¹⁹ Трофимов В.М. Образ автора в романе «Жизнь Клима Самгина» М. Горького // Горьковские чтения-1997: Материалы международной конференции «М. Горький и XX век». Н. Новгород, 1997. С. 194-197.

²⁰ Баранов В.И. Горький без грима. Тайна смерти: Роман-исследование. М., 2001. С. 285.

протяжении десятков и сотен страниц ничего не случается»²¹.

Несомненно, факты биографии и особенности творчества писателя дают исследователям право на самые разные прочтения, однако не стоит забывать о принципе историзма и о закономерностях литературного процесса конца XIX – первой трети XX вв. Своеобразие эстетической позиции Горького во многом определяется характером осмысления им культуры этого времени, когда внутренний мир человека в большинстве литературных произведений стал объектом пристального внимания и изучения.

Принято считать, что М. Горький в публицистических и критических статьях²² сам сформулировал исходные мировоззренческие установки, которыми он руководствовался при создании «Жизни Клима Самгина», такие, например, как разоблачение интеллигенции («...» «интеллигенты – “выдуманые люди”»²³), победа идей большевизма («на всём протяжении романа показываю, как формировались большевистские идеи»²⁴). Однако исследователи выделяют и другой замысел, сугубо эстетический, связанный с созданием художественной структуры, которая «обеспечила бы и полную свободу художественно-образного проникновения в действительность, и предельную степень объективности в её воссоздании, – объективности, в данном случае, не только по отношению

²¹ Там же.

²² Сыркин А. В гостях у Горького // Красная газета. 1925. № 136; письма С.Н. Сергееву-Ценскому, С. Цвейгу // Цит. по: Горький, М. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М., 1979. С. 528.

²³ Примечания к роману «Жизнь Клима Самгина» // Горький, М. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М., 1979. С. 528.

²⁴ Сыркин А. В гостях у Горького // Красная газета. 1925. № 136 // Цит. по: Горький, М. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М., 1979. С. 528.

к объекту изображения, но и по отношению к самому автору, к его собственной неизбежной “субъективности”²⁵.

Новый «ключ» к старому «замку»

Традиционное представление о книге как о величественной эпопее, состоящей из двух центров, «в которой воплощён правый суд художника над той частью интеллигенции, что не приняла социалистической революции, не поняла её исторической закономерности и освободительной миссии пролетариата»²⁶, не позволяло в советские годы отойти от исследовательского стереотипа. Центральный герой рассматривался исключительно как средство этого развенчания, как «главный посредник автора в его взаимоотношениях со всеми другими героями романа и одновременно объект его “скрытой сатиры”»²⁷, как несомненный антипод автора-создателя произведения.

Исследование мировоззренческой стороны в отрыве от эстетической приводило к идеологическим перекосам. Проблемно-тематический анализ вкупе с анализом художественных средств не в состоянии был разрешить сложившиеся в горьковедении исследовательские коллизии, касающиеся проблемы автора и героя, повествовательных форм, речевой ткани прощальной книги писателя. Подходы к произведению были традиционными, в то время как книга традиционной не была. Следовательно, для его анализа требуется выработка индивиду-

²⁵ Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992. С. 122.

²⁶ Колобаева Л.А. «Жизнь Клима Самгина». Автор и герой // Неизвестный Горький. Горький и его эпоха: материалы и исследования. М., 1994. Вып. 3. С. 287.

²⁷ Колобаева Л.А. «Жизнь Клима Самгина». Автор и герой // Неизвестный Горький. Горький и его эпоха: материалы и исследования. М., 1994. Вып. 3. С. 287.

ального подхода, нахождение своего «кода» прочтения, выбора особого аспекта для анализа. Думается, особенность этой книги Горького в том, что главное в ней – не реальные исторические события, а их осмысление, отражённое в разного рода диалогах. Именно коммуникация становится предметом пристального внимания и художественного исследования писателя.

Активно разрабатываемые в современном литературоведении понятия коммуникативной природы литературы, речевых жанров, художественного дискурса позволяют заполнить эти существующие лакуны. На страницах монографий, докторских и кандидатских диссертаций, в статьях о Горьком исследуются самые разные вопросы творческого наследия: своеобразие поэтики, дискуссионные вопросы о так называемом «новом Горьком», проблемы периодизации, становления и развития миропонимания и многое другое.

Непростая общественная ситуация заставила размышлять большинство писателей эпохи «смены вех» – рубежа как XIX-XX, так и XX-XXI вв. – о проблеме человека, о его самоидентификации, воплощённой в тексте на уровне диалога, коммуникации, которая, таким образом, становится формой идентификации человека в меняющемся мире. Поэтому «Жизнь Клима Самгина», изобилующая коммуникативными событиями, будь то диалог, полилог, внутренняя полемика (автокоммуникация), исследуется в данной работе именно через анализ проблем коммуникации. При таком ракурсе прочтения актуализируется концепция самоидентификации человека в меняющемся мире, характерная для творчества писателя.

На сегодняшний день проблема коммуникации приобрела особую значимость во многих сферах постижения жизни общества – психологии, культурологии, лингвистике и литературоведении. Результатом повы-

шенного интереса к данной проблеме явилось многообразие форм и методов её постижения, что породило некоторый разнобой в классификациях и терминологическом аппарате.

Опираясь на труды учёных, стоявших у истоков исследования проблем коммуникации (Р. Якобсона, Ю. Лотмана), мы придерживаемся классификации, предложенной В. Красных. Она обобщила исследовательский опыт предшественников, уточнив и детально разработав многие аспекты теории коммуникации. Коммуникация рассматривается ею как триединство (порождение – речь – восприятие, или передающий – текст/язык – принимающий²⁸), в центре которого стоит речевая деятельность. А в тексте «Самгина», где разные виды коммуникации, воплощённые во всевозможных видах коммуникативных актов, занимают основной объём, исследование специфики речи становится одной из первостепенных задач.

Выбранный подход (учитывающий опыт классической и современной науки, изучающей как конкретные проблемы творчества Горького, так и теоретические вопросы коммуникации) опирается на новые принципы исследования. Анализ романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина», выполненный с точки зрения проблемы коммуникации, позволяет увидеть новые смысловые акценты в итоговом произведении писателя.

В данной работе сделана попытка комплексного анализа изображённой в книге М. Горького «Жизнь Клима Самгина» коммуникации, её функционирования в рамках художественного воплощения драматических коллизий переломной эпохи русской истории (1870-е – 1910-е годы).

²⁸ См.: Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 81.

ГЛАВА 1, В КОТОРОЙ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПОПАДАЕТ В КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, ИЗ КОТОРЫХ НЕ ВСЕГДА БЛАГОПОЛУЧНО ВЫПУТЫВАЕТСЯ, НО (ЖЕЛАЯ ТОГО ИЛИ НЕТ) ОСТАЁТСЯ ИХ СУБЪЕКТОМ

1.1 Коммуникация как проблема в «Жизни Клима Самгина»

«Жизнь Клима Самгина» стала в истории русской литературы одним из тех произведений, где процесс самоидентификации Человека в Истории становится главным объектом художественной мысли. Большинство персонажей книги обречены на поиск общей идеи, которая сориентировала бы их в мире.

Для русской интеллигенции всегда было актуальным соотношение знания о добре и зле со способом жизни²⁹. Возникнув и оформившись как реакция на бюрократизированную государственную систему, интеллигенция, вследствие своей ориентации на духовность, поставила себя в оппозицию к такому государству (в отличие от дворянства, изначально позиционировавшего себя как служилое сословие). Поэтому интеллигенция попала в зависимость от изменчивой государственной идеологии. Принципиальная установка на оппозиционность государственному официальному порядку стала «имманентным фактором, который по-разному реализуется в разных исторических условиях, но неизменно определя-

²⁹ Так, русская секуляризованная классическая литература, взяв на себя функцию духовной, выполняла роль проповеди: «Классическая русская литература так же, как литература древнерусская, учит, как жить, она постоянно говорит о борьбе Добра и Зла, о необходимости выбора между Правдой и Неправдой (<...> проблемы социальные <...> интересны не сами по себе, но именно как область проявления Добра и Зла)» (Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 403).

ет, так или иначе, общий код поведения»³⁰ интеллигенции. Но исторические условия менялись постоянно, а «общий код», несмотря на своё несомненное наличие, ещё нужно было увидеть, разглядеть в изменяющихся условиях, а это и представляло немалую трудность. Именно поэтому в итоге создалась та особенная экзистенциальная ситуация, суть которой состоит в том, что главной задачей человека стало социальное самоопределение, выработка определённого общественного поведения. В случае с Самгиным этот процесс затянулся на 40 лет, происходя на протяжении всей его жизни.

Создавшаяся ситуация ставит во главу угла большинства литературных изысканий именно процесс самоидентификации человека (как правило, интеллигента) в изменяющихся исторических условиях. Продукт самоидентификации – речь, диалог, через которые человек «проговаривает» себя, а успешность этого диалога указывает на её состоятельность. Таким образом, коммуникация становится инструментом самоидентификации, формой её реализации.

Горький, заявляя, что хочет описать 40 лет русской жизни, весь её хаос³¹, по сути, ставит под сомнение возможность достижения взаимопонимания между людьми, и свидетельствует о том, что провал коммуникации ожидает не только определённую группу населения, но целую страну. Если принять во внимание хронологические рамки, в которые заключено действие романа (80-е гг. XIX в. – революция 1917 г.), и рассмотреть все события, происходившие в это время, с точки зрения коммуника-

³⁰ Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 401.

³¹ Горький М. Письмо А. Чапыгину // Литературное наследство. Т. 70. С. 644 // Цит. по: Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 25. М., 1976. С. 47.

ции, то становится очевидным, что история общественной мысли, рождённая в противоречиях между духовным и социальным, властью и гражданским чувством, продвигалась в сторону всё большего непонимания, и противоречия с годами не снимались, а лишь нарастали.

Пассивность и бездействие главного героя «Жизни Климса Самгина» и большинства других персонажей произведения заметны любому читателю. Событийная сторона их жизни проходит за рамками текста. Однако пассивные герои произведения – всегда герои говорящие, живущие в атмосфере мысли, и ситуация встречи, спора, беседы является событием, равноценным любому другому действию. Для героев, смыслом существования которых становится самоидентификация, самопознание (на уровне внутреннего диалога, на уровне полемики с собеседником, на уровне диалога с действительностью), акты коммуникации приобретают статус события, не уступающего любому явлению действительности – будь то война или революция.

Коммуникация³², общение – одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. В рамках теории коммуникации общение есть «процесс циркуляции информации в обществе». Она включена в отношения общающихся, носит социальный характер и «возможна только как совместная деятельность личностей, т.е. “членов общества”, последние же (общества) крайне различны. <...> Именно социальная природа коммуникации во многом предопределяет её существенные чер-

³² «Человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т.е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» (Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 79).

ты, цели и задачи и позволяет говорить о разных типах общения»³³.

Деятельность человека включена в общение даже в тех случаях, когда он внешне остаётся один. Поэтому коммуникация – это не только сиюминутный акт общения, «когда процессы порождения и восприятия практически одномоментны, но и общение, когда восприятие дистанцировано от порождения во времени и пространстве»³⁴. Коммуникация – это процесс, разворачивающийся во времени и пространстве, а так как любой процесс поддаётся сегментации, то фрагментом общения можно назвать **коммуникативный акт**.

Следует разграничивать **речевой акт** и **коммуникативный акт**. В психологических и лингвистических исследованиях, наряду с понятием «коммуникативная деятельность», широко используются понятия «коммуникативное поведение» и «речевое поведение», «коммуникативный акт» и «речевой акт». Обычно эти термины даются как синонимичные или между ними устанавливается соотношение части-целого (коммуникативное и речевое поведение как синонимы; коммуникативный акт – более широкое понятие, речевой акт – более узкое).

Разведём эти понятия. Речевым актом принято считать коммуникативное действие, структурную единицу языковой коммуникации³⁵. Вслед за этим утверждением мы также под термином «речевой акт» будем понимать элемент речевого поведения, речевого потока как процесса обмена сообщениями, оформленными с помощью естественного языка. Иными словами, **речевой акт** – это собственно речевое высказывание, коммуникативный же

³³ Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 77, 94.

³⁴ Там же. С. 80.

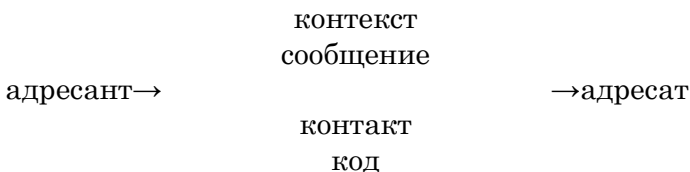
³⁵ Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 41.

акт – единица более сложная и, как правило, более значительная по объёму. Ядро такого акта – текст, представленный монологом, диалогом, полилогом, или невербальное сообщение.

Коммуникативный акт – это элемент коммуникативного поведения, потока коммуникации как взаимодействия между коммуникантами, один из которых является адресантом, а другой адресатом. Коммуникация носит непременно социальный характер, а следовательно, любая ситуация общения включает в себя не только реализацию вербализованной речемыслительной деятельности, но и экстралингвистические факторы. Коммуникативный акт включает в себя речевой акт как структурную единицу. Помимо этого, в него входит пространственно-временная составляющая (хронотоп), участники коммуникативного акта (персонажи), какие-либо дополнительные носители актуальной информации (ремарки автора, описания и пр.). Коммуникативный акт, в свою очередь, входит в качестве структурной единицы в коммуникативную ситуацию (здесь справедливо соотношение части-целого).

Коммуникативный акт – единица, которая является пересечением речевого и сюжетно-композиционного уровней.

Универсальная модель коммуникативного акта «передающий → текст → принимающий», усовершенствованная Р. Якобсоном (в его терминологии – «речевое событие», «акт речевого общения»), выглядит следующим образом:

Эта схема³⁶ легла в основу всех коммуникативных моделей. Однако Ю. Лотман предостерегает от автоматического перенесения этой модели на все сферы коммуникации, поясняя, что в механике культуры коммуникация осуществляется минимум по двум, устроенным различным образом, каналам: «Я» – «Он» и «Я» – «Я»³⁷.

Правда, Ю. Лотман, описывая модель Р. Якобсона, называет её «моделью коммуникативных ситуаций» (а не «коммуникативных актов»), что на первый взгляд не соотносится с вышеназванной сегментацией коммуникативных актов В. Красных. Однако Лотман не занимался специально проблемой дробления речевого акта с точки зрения коммуникации. Поэтому некоторая терминологическая несоотнесённость («речевое событие», «акт речевого общения» у Р. Якобсона, «коммуникативная ситуация» у Ю. Лотмана, «коммуникативный акт» у В. Красных) не означает разноречивости во взглядах на проблему.

Наиболее широкое и всеохватывающее определение коммуникативной ситуации даёт (вслед за П. Браун и К. Фрейзером) В. Дементьев. Под коммуникативной ситуацией он понимает «сложный комплекс различных формальных и неформальных обстоятельств общения (обстановка, включая пространственно-временную характеристику, “наблюдатели” <...>) и внутренних состояний общающихся (интенциональные состояния, межличностные (симпатии, антипатии, знание друг друга) и ролевые (социальный статус, власть, место в группе и вне группы) отношения между общающимися (тип дея-

³⁶ Якобсон Р.Я. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 198.

³⁷ Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 25.

тельности и тема)»³⁸. Понятию «коммуникативная ситуация» близко понятие «фрейм». **Фрейм** – (ситуационная модель, сценарий, схема), по определению М. Минского, это «структура данной ситуации, предназначенная для представления стереотипной ситуации»³⁹.

Итак, речевая деятельность, рассмотренная в качестве вида коммуникации, включается в реальность, где вербальные феномены существуют внутри невербального мира как его часть.

Коммуникативный акт является конкретной формой реализации речевого жанра, конкретным воплощением его. Ни в лингвистике, ни в литературоведении на сегодняшний день нет чёткой, ясной типологии речевых жанров. Единственное разграничение, рассматриваемое в качестве коммуникативных универсалий – это деление речевых жанров на информативные и фатические. Информативных жанров с интенцией сообщения огромное множество – это информативный диалог, «обмен мнениями с целью принятия решения»⁴⁰: (спор, дискуссия), сообщение, запрос, подтверждение, доклад, показания и др. Все они сориентированы на передачу информации и референцию.

В рамках информативных жанров некоторые учёные (например, Т. Шмелёва) выделяют класс императивных жанров, цель которых – «вызвать осуществление/неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения»⁴¹. А. Степанов рассматривает ещё один вид речевых жанров – аффективные, задачей

³⁸ Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006. С. 28.

³⁹ Минский М. Структура для представления знания // Минский М. Психология машинного зрения. М., 1978. С. 250.

⁴⁰ Аругюнова Н. Язык и мир человека. М., 1998. С. 650.

⁴¹ Шмелёва Т. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 91.

которых является «убеждение собеседника, а не побуждение его к прямому действию»⁴². Наряду с императивными и аффективными жанрами он выделяет экспрессивные жанры, выражающие эмоции говорящего и представляющие его «слово» о себе и своих чувствах (признание, жалоба, исповедь и др.). К фатическим⁴³ жанрам относят «праздноречивые разговоры, этикетные жанры, а также жанры, цель которых – установление контакта между говорящими (со знаком плюс – улучшающие отношения между собеседниками, со знаком минус – ухудшающие). В любом случае фатические жанры объединяет цель «установления или регулирования межличностных отношений»⁴⁴.

Вряд ли вероятно в реальной речи выделение «чистых» речевых жанров, поэтому можно говорить лишь об условном разделении, попытаться выделить некие доминанты в том или ином высказывании. Таким образом, вышеназванные жанровые разновидности можно определить как воплощение риторического и информативного дискурса. В «Жизни Клима Самгина» представлены как информативный (в меньшей мере), так и риторический дискурс.

⁴² Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 45.

⁴³ См. у Р. Якобсона: «Существуют сообщения, основное назначение которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно (“Ты слушаешь?”) или, говоря словами Шекспира, “Предоставь мне свои уши!”), а на другом конце провода: “Да-да!”). Эта направленность на контакт, или <...> фатическая функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» (Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975).

⁴⁴ Арутюнова Н. Язык и мир человека. М., 1998. С. 650.

В данной работе из всех мотивов коммуникации мы рассматриваем только мотивы самоидентификации. Переломная ситуация в российском обществе отразилась в изображённой в «Жизни Клима Самгина» коммуникации. Эпоха, изучению которой посвятил последние годы своей творческой деятельности М. Горький, актуализировала в сознании автора необходимость собственной идентификации. Пожалуй, наиболее адекватной формой самоидентификации стали изображённые на страницах произведения коммуникативные действия персонажей. Монолог как выражение проповеднического дискурса уходит на второй план. Основным видом коммуникации становится диалог. Приобретают структурообразующее значение такие его виды, как диалог с самим собой (автокоммуникация), многоголосие, вынужденный обмен информацией (например, допрос) и пр.

Для исследования важны даже не целевые установки речей героев, а успешность/неуспешность коммуникативного акта, причины провалов коммуникации – на всех уровнях, от личностного до общественного.

1.2 «Герой сознания» – «провокатор» коммуникативной ситуации

В произведениях, в которых решающее сюжетообразующее и структурообразующее значение приобретает столкновение идей, воплощённое в событии диалога, где «все персонажи судят, обобщают, нечто проповедают и исповедуют»⁴⁵, олицетворяемая героями идея во многом определяет их специфику. Как в мировой, так и в русской литературе существует богатая история «романов идей», на протяжении веков сформировавшая героя, спо-

⁴⁵ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 188.

собом существования которого являлась рефлексия, процесс осмысления собственного бытия в мире.

Все эти персонажи - от «лишнего человека» 1820-1850-х гг. в России и «сына века» (1830-е гг.) до «потерянного поколения» (1920-е гг.) и «рассерженных молодых людей» (1950-е гг.) на Западе – представляют собой обобщённый портрет поколения той или иной эпохи.

В России этот социально-психологический тип завоевал более твёрдые позиции⁴⁶ по сравнению с западно-европейской литературой: «рефлексирующий герой со времён Онегина и Печорина занял прочное место в русской литературе»⁴⁷. В истории отечественной литературной критики он закрепился под общим именовани-ем «лишний человек»⁴⁸.

Литературоведение XIX-XX вв. дало своеобразный портрет такого героя⁴⁹. Это, как правило, люди «мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но так же час-

⁴⁶ «<...> в России противоречия общественной ситуации, контраст цивилизации и рабства, гнёт реакции <...> обусловили повышенный драматизм и интенсивность его [«лишнего человека»] переживаний» (Манн Ю.В. Лишний человек // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 485).

⁴⁷ Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 122.

⁴⁸ Хотя данный социально-психологический тип воплотился в литературе ещё в первой трети XIX в. (Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин, Лаврецкий, Обломов и др.), само наименование «лишний человек» пришло в 1850 г., после публикации «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева.

⁴⁹ В XIX в.: Дружинин А.В. «Обломов», роман И.А. Гончарова; Добролюбов, Н.А. Когда же придёт настоящий день?, Что такое обломовщина?; Михайловский Н.К. Герой безвременья; Писарев Д.И., Реалисты; Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот; Шелгунов Н.В. Русские идеалы, герои и типы; Овсянко-Куликовский Д.Н. Из «Истории русской интеллигенции» и пр. В XX в.: Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева; Манн Ю.В. Истинно лишний человек: к типологии центрального персонажа повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» и пр.

то бесполезные и осуждённые на неподвижность»⁵⁰. Их основные черты – «отчуждение от официальной России, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела»⁵¹. При этом критика, шедшая вслед за авторами – Пушкиным, Лермонтовым, Гончаровым, Тургеневым, оценивала «выпадение» из среды как личную драму, сквозь которую угадывалась драма общественная.

Демократическая критика, в разгар народнического движения занимавшая ведущие позиции в формировании общественного мнения, усилила деструктивный акцент в термине «лишний человек», рассматривая героя-индивидуалиста утилитарно, с точки зрения степени его участия в освободительном движении. «Лишние» люди позиционировались как герои Мысли, а не Дела, при этом Мысль оказывалась бесплодной, бездеятельной, а в конечном счёте – эгоистичной, хотя и основанной на лучших, гуманистических порывах. При этом личная драма героя оставалась исключительно личной и, по мнению критики, неинтересной обществу, как несвязанная с социальной драмой. Будучи преимущественно позитивистской, критика недооценивала силу Мысли и её роль в историческом процессе.

В изменившихся исторических обстоятельствах, когда Дело (= революция) перешло из категории ожидаемого в категорию совершающегося, вопрос об участии или неучастии в Деле утратил свою актуальность, так как участвовать – вольно или невольно – приходилось всем. Мысль уже не противопоставлялась Делу, она ста-

⁵⁰ Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова: Сборник статей. М., 1989. С. 362.

⁵¹ Манн Ю.В. Лишний человек // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 485.

новилась самодовлеющей, более того – средством скрытой и открытой борьбы. Теперь старый герой давал автору новые возможности видения совершающегося исторического процесса, позволял задать новые вопросы, по иному расставить акценты. Личная драма уже не могла рассматриваться в отрыве от драмы социальной. Этот социально-психологический тип снова становился актуальным, но по-другому, и вызывал к себе другое отношение и автора, и читателя. В его без-деятельности стала видна возможность как социальной опасности, так и спасения.

Таким образом, термин «лишний человек», основанный на деструкции (отсутствии функции героя) и прочно закрепившийся в демократической критике за персонажами литературы XIX в., имел довольно узкий смысл и вряд ли мог бы быть применён к герою новой литературы. Поэтому будет целесообразным попытаться найти для него иное определение, хотя «черты духовного облика “лишнего человека” (подчас в усложнённом и изменённом виде) прослеживаются в литературе второй половины XIX в. – начала XX в.»⁵².

В данной работе используется рабочий термин «герой сознания»⁵³. Это определение лишено оценочности. В отличие от термина «лишний человек», в нём есть возможность для конструктивного определения этого типа, а также заключено определение ведущей функции этого героя – созерцание и рефлексия, то есть *сознание*. Соз-

⁵² Манн Ю.В. Лишний человек // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 485.

⁵³ Обычно термин «герой сознания» используется в качестве противоположного к более популярному и устойчивому термину «герой поступка». См., например: Тamarченко Н.Д. Литература как продукт деятельности: теоретическая поэтика // Теория литературы: Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 304.

вание понимается как взаимодействие между индивидом и обществом и осуществляемое посредством общения (через речевую деятельность)⁵⁴; как *совесть, или нравственное сознание* - соотнесение «знания добра и зла», то есть их различия, со способом жизни.

В сущности, все персонажи любого произведения соотносят «знание добра и зла» со способом жизни. Однако для героев «романа идей», для «героев сознания» такое соотнесение (другими словами, их принципы, идейные убеждения) становится сущностной характеристикой и сюжетной функцией. Во главу угла здесь ставится аксиологический, ценностный аспект сознания. В нём выражается избирательность сознания, его направленность на нравственные, политические, религиозные, философские, эстетические ценности⁵⁵. Таким образом, *герой сознания* – это герой, сущностную характеристику и сюжетную функцию которого составляет его взаимодействие с обществом (посредством коммуникации), в процессе которого определяется тот или иной нравственный выбор; это герой, чьей основой стал тот же социально-психологический тип «лишнего человека», но изображённый с иных авторских позиций.

Генетическая связь социально-психологических типов переходной эпохи с типами прошедшего столетия была очевидной, поэтому Горький не мог уйти от такого героя⁵⁶. Не случайно он задумал в серии «Всемирная ли-

⁵⁴ В самом общем смысле **сознание** «1) есть высшая функция мозга, 2) свойственно только человеку, 3) реализуется с помощью механизмов речи, 4) состоит в целенаправленном отражении объективного мира, регуляции действий и оценке их результатов, в контроле отношения к действительности» (Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 41).

⁵⁵ См.: Спиркин А.Г., Ярошевский М.Г. Сознание // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 622-624.

⁵⁶ На отрефлексированность Горьким этой генетической связи указывает и предполагаемая эволюция его героя: в беседе с писателями на

тература»⁵⁷ проследить историю молодого человека XIX в. В письме Р. Роллану Горький писал: «<...> под моей редакцией издано пятнадцать иностранных романов под общим титулом “История молодого человека XIX столетия”»⁵⁸.

В письме А.К. Виноградову от 1 сентября 1930 года Горький предлагает другим авторам написать «Историю одного молодого человека»: «Человек этот: Жюльен Сорель, Кинельм Чиллингви Бульвер-Литтона, герой А. Мюссе из “Исповеди сына века”, “Ученик” Бурже, герой “Без догмата” Сенкевича, и – родственник Онегина, Печорина. Мне кажется, что этот человек – самая любопытнейшая, да и значительная фигура XIX века. Перечисленные мною его воплощения далеко не все, конечно»⁵⁹. Несомненно, «молодой человек XIX века» интересовал Горького не только как факт социальной и литературной истории, но как непосредственный живой предшественник героев новой эпохи. Обращаясь к недавней истории, писатель стремился найти ответы на вопросы современности⁶⁰.

Писатель «совершал историческую “раскопку” недавнего прошлого, пытаясь постичь закономерность ис-

заседании Редакционного совета ВЦСПС он пояснял, что «этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишённого каких-либо ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века» (Цит. по: Горький М. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М., 1979. С. 528).

⁵⁷ «Всемирная литература» – Петроградское издательство, основанное по инициативе М. Горького и функционировавшее в 1918-1924 гг. при Наркомпросе РСФСР. Издало около 200 произведений мировой художественной литературы.

⁵⁸ Горький М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 284.

⁵⁹ Там же. С. 181.

⁶⁰ Проблемам творческой связи Горького с русской классикой уделено серьёзное внимание в работах Б. Бялика, С. Заики В. Келдыша, Б. Михайловского, К. Муратовой, А. Овчаренко, Е. Тагера.

торических событий, приведших к революционной ломке»⁶¹. И если «лишнему человеку» первой половины XIX в. нельзя отказать в некоторой оправданности ощущения собственного превосходства (он действительно опережал большинство своих современников по степени осознания проблем времени), то подобный герой начала XX в. характеризуется не только потерей воли к изменению мира, но и потерей этого интеллектуального превосходства.

В романах XIX в. запечатлена трагедия уже сложившейся личности, обречённой жить в «стране рабов, стране господ». И личность эта, как правило, недюжинная, потому и претят ей пороки общества. Критика первой трети XIX века, наряду с осуждением их бездеятельности, пассивности и эгоизма, признавала это. Так, В.Г. Белинский заметил, что «в самых пороках Печорина проблёскивает что-то великое»⁶². Онегин, по его же словам, «добрый малой, но при этом недюжинный человек. Он не годится в гении, не лезет в великие люди, но бездеятельность и пошлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется; но он знает и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность»⁶³. И.А. Гончаров утверждал, что «Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно

⁶¹ Примочкина Н.Н. Горький и Бунин: два художника в 20-е годы // Горьковские чтения-2000: Материалы международной конференции «Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения». Н. Новгород, 2002. С. 110.

⁶² Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В.Г. О русских классиках. М., 1986. С. 131.

⁶³ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. Евгений Онегин // Белинский В.Г. О русских классиках. М., 1986. С. 33.

умён. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен»⁶⁴.

Комментируя русскую прозу XIX – начала XX вв., Горький прослеживает определённые закономерности и тенденции, которым подчиняется литературный поток анализируемой эпохи – эпохи осмысления опыта социальных и интеллектуальных потрясений. Соотнося созданный образ главного героя с образами западноевропейской и русской классической литературы XIX века, Горький говорит о нём как об особом типе героя. Выводы, сделанные писателем, используются в работе над «Жизнью Климата Самгина». Горький отказывается изучаемой литературе в наличии героя в традиционном понимании этого слова: «<...> мне кажется, что не хватает именно творящего, оживляющего пейзаж активного начала жизни – человека, странника, пастуха, рабочего, пахаря, созерцателя, вообще – фигуры», – пишет он поэту С.А. Обрадовичу 3 апреля 1928 года⁶⁵.

Такой не совсем обычный окказионально-синонимический ряд позволяет предположить, что Горький по-своему дифференцировал характеристики, присутствующие Мысли/Делу. Из самого общего понятия – Человек – следуют: *пастух, рабочий, пахарь* (типичные «персонажи-деятели»), но и – *странник, созерцатель* (как правило, персонажи-мыслители). И всё это обобщается одним понятием – «фигура». Горький не противопоставляет этих людей, напротив, ставя их в один ряд, он признаёт за каждым из типов героев созидательное начало: и силу Мысли, и роль Дела. Не идя на поводу у демократической критики с её утилитарным подходом, Горький создаёт свой образ человека – творца истории, воплощающего в себе оба начала. Горький при работе над «Самги-

⁶⁴ Гончаров И.А. Миллион терзаний. М., 1956. С. 9.

⁶⁵ Горький М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. М., 1956. С. 90.

ным» признаёт отсутствие такой «фигуры», что, безусловно, накладывает отпечаток на произведение.

Здесь мы говорим не только о том, что объектом наблюдения и художественного изображения автора становится рефлексирующий герой. Клим Самгин – прямой наследник «лишних людей». Однако, несмотря на генетическое родство, он потерял те лучшие свойства, которые выгодно оттеняли чацких, онегинских и печоринских. Он потерял ту недюжинность, благодаря которой, внешне бездействуя, герои XIX в. оказывали благотворное влияние на общество. Сколь угодно справедливые обвинения критики в презрении к проблемам общества и социальной пассивности не затмевали главной роли этих героев – будучи порождением общества, служить зеркалом для пороков времени, высвечивая его подчас абсурдную сущность.

Презрение Самгина к действительности имеет несколько иную природу. От «лишних людей» в нём осталось презрение к людям, чувство превосходства над ними, ощущение избранности. Однако причиной такого отчуждения от общества служило не действительное превосходство, а тайное сознание своей посредственности, дюжинности и попытки сокрыть это обстоятельство как от общества, так и от себя самого, и даже главным образом от себя самого. Дисгармония требовала постоянной пищи для заполнения пустоты в душе и голове. Поэтому рефлексия для него и подобных ему не просто занимает важнейшее место в жизни, но становится единственным способом существования.

В их мироздании доминирует то, что А. Блок называл «необъятной серой паучихой скуки». Человек, загнанный (или загнавший себя) в тупик скуки, неоднократно осознавался и изображался писателями как ориентированный лишь на телесные наслаждения, как чуждый нравственности, терпимый к злу и склонный к его

апологии. Таков, например, Санин, герой одноимённого романа М. Арцыбашева (1907).

Человеком, ценностные ориентиры которого пошатнулись, изображён и Самгин. Первый план романа занимает его «поток сознания»⁶⁶. И хотя Клим стремится к «независимости» от жизни, его «поток сознания» неизменно прикован к реальному миру, бессилён сбросить с себя тяжесть бытия, перешагнуть через историю. «Поток сознания», посягающий на презрительно-высокомерное пренебрежение к жизненным явлениям, невольно следует за потоком действительности. Герой Горького стал моделью раздробленного сознания, столь свойственного литературному типу XX в. Он является одним из элементов видения и изображения автором мира и героя⁶⁷.

Клим служит почти идеальным медиумом, в котором пересекаются все возможные идеи, «системы фраз», философские концепции и бессмысленные обрывки разговоров. Конечно, Самгин – не механический «приёмник» речевых и невербализованных сообщений. Самгин – герой рефлексирующий. Рефлексия, фактически, и стала формой его бытия, доказательством его существования в мире. Именно реакция на события действитель-

⁶⁶ «Поток сознания» (англ. Stream of consciousness), творческий принцип, определившийся в западноевропейской литературе в нач. XX в. Термин заимствован из книги «Научные основы психологии» (1890) У. Джеймса. Как изобразительный литературный приём – прямое воспроизведение процессов душевной жизни, предельная форма «внутреннего монолога» (Зверев А.М. Поток сознания // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 773-775).

⁶⁷ Не случайно у писателя рядом с цельными натурами неизменно соседствовали чудаки, озорники. И даже безликий и «серый» Самгин, по мнению К. Чуковского, – «живее», интереснее не ведающего сомнений большевика Кутузова. Эту черту творчества писателя отметил А. Воронский. В статье «О Горьком» (1926) он писал, что умом Горький «почитает культуру, науку, хороших интеллигентных людей, а сердце его склоняется к дикарям» (Воронский А. О Горьком // Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 42).

ности словом определила специфику коммуникации «Самгина». На поступок Клим решается крайне редко и лишь вынужденно. В тексте есть многочисленные подтверждения тому, что Клим даже не воспринимает себя как человека, от которого ждут волевого действия. В ситуациях, когда требуется оперативная помощь, он остаётся наблюдателем. Самгин не участвует в защите тела своего товарища Туробоева от черносотенцев. Он не помогает раненым, пострадавшим на строительстве казармы. Отказывает в помощи раненой женщине в Кровавое воскресенье и пр.

Совершают поступки другие. Клим – наблюдает, постоянно пребывая «на перепутье», старается «ставить своё мнение между “да” и “нет”», чувствует себя взвешенным в воздухе «широким течением событий», испытывает утомление от собственных навязчивых мудрствований, но приговорён к ним навечно. Он не убеждён в правильности своей линии поведения (например, никак не может определить своё личное отношение к революции, а следовательно – к участию в общем деле её подготовки), поэтому мучающий его вопрос «когда пробьёт мой час?» продолжается до Февральской революции – то есть до финала произведения.

Вопрошает же он себя не «о том, что должен сделать, а о том, что он должен сказать. И в этом тоже суть поисков интеллигенции на сломе эпох. Она ищет не как изменить мир, а как отразить меняющийся мир в слове»⁶⁸. Как уже говорилось выше, для героя, у которого слово – синоним дела, коммуникация не просто приобретает статус события, а становится важнейшим событием жизни, формой и смыслом существования. Иными сло-

⁶⁸ Гудов М.Ю. Об интонационной организации романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Горьковские чтения-2000: Материалы международной конференции «Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения». Н. Новгород, 2002. С. 127.

вами, чтобы жить – нужно говорить/рефлексировать. Именно поэтому такой герой является провокатором коммуникативного акта и, шире, коммуникативной ситуации.

В этом смысле Клим Самгин для Горького – не первый (не уникальный) герой. Персонаж, провоцирующий коммуникативную ситуацию, в той или иной мере присутствует на каждом этапе творчества писателя.

1.3 Деградация коммуникации в творчестве Горького

1.3.1 Шаг первый. Лука vs Самгин: коммуникация и антикоммуникация

Знаковым в плане коммуникации можно считать Луку, героя «На дне» (1902). И хотя общеизвестно, что Горький не высказывал симпатий Луке как социальному типу⁶⁹, но как персонаж, на котором, по сути, держится весь сюжет пьесы, Лука незаменим.

Изначально для адекватной коммуникации необходим общий язык общения, желательна (хотя и необязательно) общее культурно-историческое поле. Однако не все носители одного языка в состоянии стать коммуникативно интересными (и даже понятными) друг другу. Коммуникативный акт возникает, если содержание, вкладываемое коммуникантом в сообщение, соотносится с восприятием этой информации реципиентом в когнитивном и эмоциональном аспектах. Вербальное воздей-

⁶⁹ По мнению Горького, «Лука – жулик. Он, собственно, ни во что не верит. Но он видит, как страдают и мечутся люди. Ему жаль этих людей. Вот он и говорит им разные слова – для утешения» // Цит. по: Горький М. Собрание сочинений: В 16 т. Т. 15. М., 1979. С. 344.

ствие на какую-либо точку когнитивного поля конкретного человека выводит его из эмоционального равновесия, стимулирует мыслительные процессы, тем самым провоцируя коммуникацию. Умение вызвать подобную реакцию и составляет ядро самого феномена «провокации» коммуникативной ситуации.

Лука искусно провоцирует коммуникативную ситуацию с любым персонажем. Только появившись на сцене, он возбуждает внимание обитателей ночлежки своими «прибаутками». Первая фраза, которую слышат от него обитатели ночлежки – воры, мошенники и нищие: «Доброе утро, народ честной!» [VII, 120]⁷⁰. В обществе, где честность – обсуждаемое, но не приветствуемое качество, традиционное вежливое обращение с уже стёршейся семантикой высвечивается в первоначальном значении: «честной» – «уважаемый», «почтенный». Поэтому оно сразу же вызывает реакцию: «Был честной, да позапрошлой весной» [VII, 120].

К этому времени читатель из экспозиции знает всех героев пьесы, знает и общее настроение обитателей ночлежки, их «философию». Финал каждого из них продиктован, пожалуй, не «ложным гуманизмом» и «шарлатанством» Луки⁷¹, а логикой развития их характеров. Актёр, если бы не покончил жизнь самоубийством, окончательно был бы «отравлен алкоголем»; Васька Пепел и до конфликта с Костылёвым ждал, когда его отправят в Сибирь «на казённый счёт» [VII, 139], так как он «вор» и «воров сын» [VII, 158] и т.д. Лука в пьесе фокусирует

⁷⁰ Здесь и далее тексты М. Горького (кроме специально оговариваемых случаев) цитируются по изданию: Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. – М., 1968-1976; в квадратных скобках римскими цифрами указан том, арабскими – страницы.

⁷¹ Так, Л.А. Смирнова приходит к выводу, что «трудно представить другой столь же сильный исход опасной деятельности Луки» (Русская литература. XX век: Справочные материалы. М., 1995. С. 228).

внимание героев на самих себе, на собственной сущности.

В пьесе путь каждого героя пересекается так или иначе с Лукой. В момент «встречи» – созданной Лукой коммуникативной ситуации – и происходит некое «открытие» героем самого себя. В качестве «свежего», по определению «несведущего» человека Лука создаёт условия для контакта с каждым. Воздействуя на каждого из героев – будь то спившийся Актёр, вор Васька Пепел или «бедная родственница» Наташа, Лука безошибочно определяет ту точку в их «когнитивном поле», воздействие на которую влечёт за собой саморефлексию героев, а вслед за саморефлексией – и решение изменить жизнь. Для Актёра это – лечебница для «организмов, отравленных алкоголем», для Васьки – свободная Сибирь, для Наташи – замужество. Все советы Луки – практичны и вполне реализуемы. Но, как считают некоторые исследователи, они не были воплощены в жизнь «не потому, что советы были плохие, а потому, что обитателям “дна” не хватало энергии и воли для их претворения в жизнь»⁷².

Однако герои не остаются такими же, какими были в начале пьесы. Лука подействовал не только на Сатина, но и на остальных как «кислота на старую и грязную монету» [VII, 173], служа своеобразным «фокусом», высвечивающим персонажам самих себя. При этом нельзя забывать и об основном оппоненте Луки – Сатине. Если Лука фокусирует определённые мысли в собеседнике, то Сатин помогает героям, не очень привычным к мыслительной деятельности и не поднаторевшим в умении от-рефлексировать плоды размышлений (*Настя*: «Ей богу... было это! Всё было!.. студент он... француз был... Гастошей звали... с чёрной бородкой <...>» [VII, 152]; *Пепел*: «<...> Сестра твоя... я думал, она... не то...<...>» [VII,

⁷² Жегалов Н.Н. Искра жизни // Горький М. На дне. М., 1981. С. 6.

159]; *Актёр*: «<...> Люди без сердца! Вот увидите – он уйдёт! “Обжирайтесь, мрачные умы”... стихотворение Беранжера... да! Он – найдёт себе место... где нет... нет...» [VII, 172] и пр.).

Именно Сатин является самым адекватным собеседником для Луки. Доказательством их коммуникативной совместимости является «виртуальный спор»: Лука уже ушёл, но спровоцированная им ситуация осталась, и спор между ним и Сатиным продолжается. Знаменитый монолог Сатина о Человеке – суть диалог с виртуальным собеседником – Лукой. Этот монолог «навеян Лукой, во многом продиктован Лукой, и даже, когда Сатин спорит со стариком, он, в сущности, соглашается с ним»⁷³. В этом споре герои, хотя противопоставляются друг другу, скорее союзники, по крайней мере, точек соприкосновения у них можно обнаружить немало:

Сатин: «Человек! Это звучит гордо! Это великолепно! Не жалеть, не унижать его жалостью, а уважать человека надо!..» [VII, 177].

Лука: «Человек должен уважать себя» [VII, 158], – что вполне укладывается в сатинскую «формулу».

Таким образом, Лука, несомненно, являющийся одним из самых репрезентативных в наследии Горького, становится, видоизменяясь и эволюционируя, постоянным персонажем писателя. Созданный на раннем этапе творчества, Лука, совмещающий в себе признаки и персонажа Мысли (странник, мыслитель и созерцатель), и персонажа Дела (активная жизненная позиция, стремление к социальным преобразованиям, пусть и в рамках общества обитателей ночлежки), быть может, и является той самой «фигурой», которой в 1920-1930-е гг. недоставало Горькому при работе над «Жизнью Клима Самги-

⁷³ Ребель Г.М. К чему жалость? Размышления о пьесе А.М. Горького «На дне» и изучении её в школе // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1990. № 3. С. 20.

на». Пожалуй, больше такого «идеального» коммуникатора в произведениях Горького не встречается.

На следующем этапе своего творчества, после кризиса периода революций (когда Горький в течение нескольких лет не написал ни одного художественного произведения), во время создания «Рассказов 1922-1924 годов» писатель вновь вернулся к рефлексизирующему герою. В письме В. Зазубрину от 25 марта 1928 г. о своих рассказах 1922-1924 гг. он заметил, что они представляют собой «ряд поисков иной формы, иного тона для “Клима Самгина”, – работы очень трудной и ответственной»⁷⁴. Пожалуй, одним из таких рассказов, имеющим множество точек соприкосновения с будущим «Самгиным», является рассказ «Карамора» (1924).

Писателя на новом мировоззренческом витке интересует онтологическая двойственность сознания, следствием которой является нравственная ущербность, различие добра и зла (Карамора: «Разум не подсказывал мне, что хорошо, а что дурно. <...>. Он у меня любопытен, как мальчишка, и, видимо, равнодушен к добру и злу, а постыдно ли такое равнодушие – этого я не знаю. Именно этого-то я и не знаю»; «Почему, называя, сознавая себя преступником, я, по совести, не чувствую себя преступником?»; «<...> отчего я так несоединимо и навсегда расклеился?» [XVII, 373, 399] и пр.). В отличие от цельного Луки, герои послереволюционной эпохи утратили эту «монолитность» сознания. При этом «цельность» горьковских героев – неодинакового качества.

Есть цельность Луки, Савёла Пильщика («Отшельник», 1923) – людей «многомерных», неоднозначных, не свято-праведных, но нашедших «свою» правду, правду

⁷⁴ Архив Горького. Т. 10. Кн. 2. С. 351 // Цит. по: Горький М. Полное собрание сочинений Художественные произведения: В 25 т. Т. 25. М., 1976. С. 45.

любви к людям, утешения их в горе и ненавязчивого получения. Их монолитность обусловлена именно многообразием сторон сознания. И есть цельность людей «одномерных», не только не ищущих, но и не испытывающих потребности в поиске правды для себя и мира. Такой цельный человек «похож на вола – с ним скучно», хотя «практически более полезен» [XVII, 379]. Ряд таких «скучных» героев у Горького огромен: это целая галерея ненавидимого им мещанства – от обитателей городка Окурова до персонажей публицистических очерков.

1.3.2 Шаг второй. Макаров: в поисках «героя»

В ряд «предшественников» Самгина можно поставить Макарова – центрального персонажа «Рассказа о герое» (1924), детство которого, как и у Клим, началось с выдумывания самого себя: «<...> мать и дядя продолжали хвастаться пред знакомыми пытливостью моего ума. Развивая этим моё самолюбие, мать и дядя в то же время охлаждали моё отношение к ним. Я уже чувствовал себя умнее своих сверстников, и у меня не было товарищей среди них» [XVII, 310].

Повзрослев, Макаров стал жаждать «сильной руки», человека, который посмел бы сказать бунтарям-социалистам «Цыц!»⁷⁵, и на вопрос: «Чего хотите, что защищаете вы?» отвечал: «Я защищаю себя от всего, что враждебно мне» [XVII, 327]. Такое сходство неслучайно. Горький уже много лет вынашивал замысел произведения о человеке, «который сам себя выдумал».

Макаров и Самгин стали персонажами одного ряда. Однако в главном эти персонажи расходятся. Самгин

⁷⁵ Ср. в «Самгине» две лейтмотивные фразы: «Смирно!» и «Да – что вы озорничаете?!».

претендует на звание героя, видя себя властителем дум и оригинальным мыслителем. Макаров же, сознавая, что на роль героя он не годится, имел целью найти героя в другом, «чтоб честно служить ему, чтоб спрятать около него <...> жизнь» [XVII, 325]. В его интенции изначально не входили амбициозные самгинские желания. Поэтому и жизнь, на которую он смотрит с точки зрения верного слуги выдуманного героя (=деспота), не вступает с ним в диалог. У Макарова нет вопросов – у него есть ответ: он ищет покоя, и он знает, где его искать. Покой для него – это свобода, и «человек тем свободнее, чем дальше от людей» [XVII, 331].

Такое органическое неприятие людей, образ жизни человека подчинённого (ученик гимназии, студент, секретарь) не дают возможности стать коммуникативно востребованным. Даже служа несколько лет у человека, играющего «в монархических кругах весьма значительную, и, видимо, независимую роль» [XVII, 331], Макаров заслужил лишь репутацию молчаливого и усердного исполнителя. Он попытался нарушить молчание, лишь когда патрон пошатнулся в его глазах, но эта попытка вызвала неприятное изумление: «Вы – кажется – намерены учить меня?» [XVII, 334].

1.3.3 Шаг третий.

Карамора: «жили во мне два человека, и один к другому не притёрся»⁷⁶

В центре повествования ещё одного рассказа из цикла «Рассказы 1922-1924 гг.» – «Карамора» – не обретший «монолитности» рефлексирующий герой, революционер/провокатор по прозвищу Карамора. Горький пы-

⁷⁶ Горький М. Карамора. Любое издание.

тается объяснить феномен двойной игры, столь популярный в годы революционного подъёма⁷⁷, внутренней раздробленностью сознания, отсутствием нравственного стержня. В свою очередь, раздробленность сознания усугубляется почти патологической склонностью к анализу, к постоянной саморефлексии: «Живут во мне <...> два человека, и один к другому не притёрся, но есть ещё и третий. Он следит за этими двумя, за распрей их и – не то раздувает, разжигает вражду, не то честно хочет понять: откуда вражда, почему?» [XVII, 372].

Весь рассказ «держится» на одном герое, ведущем записи о своей жизни. Эта автокоммуникация, осуществляемая посредством саморефлексии, разговора с самим собой, принципиальна. Герой не желает делиться с другими мыслями о причинах его предательства: «Едва ли они [тюремщики – революционеры], увидят и прочитают эти записки, я успею истребить бумагу или пересуну её в другие руки, чужим людям» [XVII, 373]. Это рождает фатальное взаимонепонимание между бывшими товарищами по партии: следователь Басов «ужаснулся, разводил руками, бормотал:

– Поверить невозможно, что это – вы, старый партиец, организатор восстания, один из самых энергичный работников наших» [XVII, 371].

В данном случае политический провокатор отказывается провоцировать коммуникативную ситуацию сознательно. Не умея договориться с собой (то есть не сумев осудить себя), он отказывает в праве судить его другим. Такое внимание к герою сознания, но сознания раздроб-

⁷⁷ В 1908 г. был разоблачён Евно Азеф, один из основателей и лидеров партии эсеров, её Боевой организации, провокатор, секретный сотрудник Департамента полиции с 1893 г.; в 1917 г. разоблачён Роман Малиновский, российский деятель социал-демократического движения, агент охраны с 1910 г.; Георгий Гапон разоблачён в 1905 г., и т.д.

ленного, для которого невозможность договориться не только с другими, но и самим собой, становится причиной трагедии – разрушения личности, – говорит о попытках Горького найти глубинные основания трагедии уже на уровне общества.

1.3.4 Шаг четвёртый. Евсей Климков: страх

«Карамора», кстати, не первое произведение, посвящённое теме человека-предателя. Ещё в 1907 г., была создана повесть «Жизнь ненужного человека» (первоначальное название – «Шпион»). В ту пору для Горького вопросы «свой» – «чужой», «герой» – «предатель» в идеологическом и общечеловеческом плане виделись довольно ясными. Это было время написания и романа «Мать» (1906-1907), где, как и в «Жизни ненужного человека», расставлялись очень чёткие оппозиции добра и зла: добро, героизм и правда на стороне революционеров, зло и предательство – на стороне охранителей монархии.

Горький по окончании работы над этим произведением писал: «Тема моя – психология шпиона, обычная психология запуганного, живущего страхом русского человека <...>»⁷⁸. Главный герой произведения – Евсей Климков – необразованный слабовольный мещанин, плывя по течению жизни, попадает в Охранное отделение волей случая, не отличая службу в торговой лавочке от службы в «охранке».

Пассивность, органическая неспособность к самостоятельному выбору, психическая незрелость – вот чер-

⁷⁸ Горький А.М. Письмо В.Л. Львову-Рогачевскому. // Цит. по: Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 9. М., 1976. С. 523.

ты, которые характерны для рядовых сотрудников Третьего отделения, для людей, которые занимаются деятельностью, требующей либо нравственной неразборчивости, либо принципиальной уверенности в правильности проводимой линии. Евсей Климков – своеобразная пародия на Карамору, его выродившийся двойник, не способный отрефлексировать не только диалектику общественных процессов, но и мотивы своего участия в них. Такой герой не отказывается от коммуникации сознательно, как Карамора – он просто неспособен к ней. Даже сформулировать мысль – непосильная для него задача. Тревожные попытки Климкова разобраться в себе, в общественных механизмах, найти проводника в жизни, узнать ответы на свои неясные вопросы разбиваются, тонут в глубинах тёмного сознания.

1.3.5 Шаг пятый. Пётр Артамонов: вырождение

Непосредственным предшественником Самгина стал герой «Дела Артамоновых» Пётр Артамонов. Роман вышел в 1925 г. Некоторые исследователи⁷⁹ даже называют Петра двойником Клина. В «Деле...» намечается «мотив двойничества, который также используется при характеристике Петра и делает этот образ родственным поэтике “Жизни Клина Самгина”»⁸⁰. Артамонов, неспособный на какую бы то ни было активность (даже «дело – фабрика, построенная Артамоновым-старшим – «облапило и держит, как медведь»), растворившись в рефлексии, теряет ощущение реальности.

⁷⁹ Подробнее об этом см.: Баранов В.И. Горький без грима. Тайна смерти: Роман-исследование. М., 2001. С. 62-69.

⁸⁰ Там же. С. 65.

Неуверенность, идущая от вынужденного занятия не своим, неинтересным делом, от осознания своей «вторичности» по отношению к более умным отцу и брату Алексею, раздвоенность сознания, пожизненный спор с самим собой делают хозяина большого успешного дела невольником собственных противоречий («кто же прав, он или эти люди?» [XVIII, 302]). Желание выяснить истину не реализуется: Артамонов, глядя на людей и «не желая соглашаться ни с кем из них, хотел бы спорить со всеми», но «говорить он не умел и лишь изредка, натужно, вставлял своё слово <...>» [XVII, 218]. Поэтому вопросы его остаются незадавленными, хотя возникают и требуют разрешения постоянно, на протяжении всей жизни.

Итак, Макаров, Карамора, Пётр Артамонов представляют собой «поиски иного тона, иной формы для «Самгина». Каждый из них – в чём-то – Самгин, какая-то черта, присущая Самгину, свойственна и этим героям. Внутренняя «раздробленность» и душевные колебания персонажей напрямую связаны с онтологическими проблемами, которые так и останутся неразрешимыми и для них, и для главного героя итогового произведения Горького. Пётр, Карамора, Макаров, как и Самгин – представители буржуазии, вышедшей из социальных «низов», получившей образование и тем самым оторвавшейся от них, всей предшествующей традицией разночинной интеллигенции подготовлены к позиционированию себя как «героев сознания». Однако они (по разным причинам) не способны стать полноценными провокаторами коммуникативной ситуации. Так, Пётр все дела фабрики, связанные с общением с партнёрами, конкурентами и прочими, перепоручил брату Алексею; с любимым сыном, ради которого он не бросал «дело», Артамонов ни разу не смог построить конструктивный диалог.

1.3.6 Моральный кодекс, или Ловушка для интеллигента

Такой феномен – герой сознания, стремящийся спровоцировать коммуникативную ситуацию, но не способный к полноценному продуцированию вербализованных сообщений, и стал главным объектом исследования в «Жизни Клима Самгина». Горький исследует, как в сознании нескольких поколений интеллигенции выработался своеобразный кодекс чести, стереотип мышления, поведения: о долге интеллигенции перед народом, об отношении к самодержавной власти и революционному насилию.

Этот моральный кодекс каждый интеллигент «примеряет» на себя, будь он революционер или контрреволюционер по натуре. Так случилось и с Климом Самгиным. Будучи консерватором по своей сути, он с детских лет привыкает думать, что интеллигенции – Исааку – нужно приносить себя в жертву народу – Аврааму. Драма интеллигенции – в расколотости, раздвоенности личности, истинных мыслей с чувством долга. О деструктивном начале такого отношения к народу приходят к выводу уже постфактум. Русские писатели, например, А.И. Солженицын в «Красном Колесе» (1937, 1969-1990) устами Варсонофьева⁸¹: «А вдруг эта жертва – не та? А скажите – у народа *обязанности* есть? Или только одни права? Сидит и ждёт, пока мы ему подадим счастье, потом вечные интересы? А что, если он сам-то *не готов*? То-

⁸¹ То, что Варсонофьев является «рупором» идей Солженицына, убедительно доказывает в своей диссертации В.В. Гуськов. Подробно об этом см.: Гуськов В.В. Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо» как форма воплощения эстетических принципов и мировоззренческих позиций автора: дисс. ... кандидата филол. наук. Благовещенск, 2006.

гда ни сытость, ни просвещение, ни смена учреждений – не помогут?»⁸² (курсив – А.И. Солженицына).

В этом и причина неспособности героя сознания стать инициатором коммуникации. Такая неспособность в «Жизни Клима Самгина» работает как своеобразный «минус-приём», по-новому обрисовывающий и героя, и время, позволяющий сделать новые выводы о героях сознания в целом. Спектр моделей этого героя очень широк, модификации его различны и многообразны, но, в общем, это универсальный герой, человек «с пустырём в душе», по определению Горького. Отчуждение человека от мира и самого себя, подмена гармонии – выдумкой, интерпретированной у различных авторов по-разному, стали почвой для возникновения этого литературного героя. Окружённый «миражным, распадающимся миром»⁸³, этот парадоксальный «герой сознания» является как «человек раздробленный»⁸⁴, как фигура глубоко драматическая.

⁸² Солженицын А.И. Красное Колесо // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырёх Узлах. Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 1. М., 2006. С. 371.

⁸³ Гавриш Т.Р. «Жизнь Клима Самгина» А.М. Горького в литературном процессе 1920-начала 1930 годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.Р. Гавриш. – М., 1999. – 42 с.

⁸⁴ Герой рассказа «Карамора» (1924) пишет: «Жизнь человека раздробленного напоминает судорожный полёт ласточки. Разумеется, цельный человек практически более полезен, но – второй тип ближе мне. Запутанные люди – интереснее. Жизнь украшается вещами бесполезными» (Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 17. М., 1973. С. 379).

1.4 Образ Клима Самгина как коммуникативная доминанта

1.4.1 Генезис центрального персонажа как «героя сознания»

Комплекс нерешаемых проблем, поставленных в «Жизни Клима Самгина», является актуальным для писателей первой трети XX в. Об идейных исканиях интеллигента рассказывали произведения начала 20-х гг. – «Сентиментальное путешествие» и «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923) В. Шкловского, «Конец мелкого человека» (1924) Л. Леонова и пр.

Тогда же возникла потребность переосмыслить произошедшие изменения на качественно ином уровне, и вновь оказался востребованным роман, ведь «ни один рассказ, ни одна драма не могут претендовать на такую полноту процесса развития характера и полноту его связей с окружающими, как это делают Стендаль с Жюльеном Сорелем, Толстой с Наташей Ростовой и Пьером Безуховым, Мопассан с героиней романа “Жизнь” Жанной»⁸⁵. Уже к началу 20-х гг. были написаны романы В. Зазубрина, Б. Пильняка, И. Эренбурга. В середине 20-х появились «Города и годы» К. Федина (1924), «Вор» Л. Леонова (1927).

Роман раздвигал границы личности, расширял сферу факторов, влияющих на её формирование. «Жизнь Клима Самгина», как и «Тихий Дон» (1927-1940) М. Шолохова, «Хождение по мукам» (1919-1941) А. Толстого стали наиболее последовательным проявлением этой тенденции. Все эти романы-эпопеи – попытка осмысления «драмы идей», сопутствующей эпохе разлома традиционного и становления нового сознания. В поле

⁸⁵ Кузнецов М.М. Советский роман. Очерки. М., 1963. С. 55.

зрения романистов в эти годы попадают главным образом критические аспекты этого процесса, конфликтные моменты в отношениях личность/общество. Для этих произведений актуально внимание «к судьбе личности, чуждой уходящему миру или утрачивающей с ним связь, но вместе с тем стоящей “боком” к рождающейся действительности»⁸⁶.

Читатели 30-х годов ждали от нового романа «настоящего героя современности, героя для народа и из народа, героя демократии»⁸⁷. Предыдущие произведения Горького – роман «Мать», пьесы «Дети солнца», «Враги», «Егор Булычов и другие» и прочие, – попытка найти такого героя. Но в «Самгине» он не был дан. В итоговом своём романе писатель выводит на первый план не идеального «нового героя» (например, персонажа того же романа Кутузова), а героя, как бы вышедшего из романа прошлого – Клима Самгина, тем самым пытаясь проникнуть в причины «раздробленности» сознания, объяснить роль последней в деформации личности.

Клим Самгин родился в 70-х гг. XIX в., когда, как известно, народничество изживало себя, и на смену ему приходили иные идеи, диктовавшие иные способы коммуникации. Процессы, естественные для эпохи «смены вех», оказались губительными для многих умов. Так и Клим Самгин, по авторскому замыслу⁸⁸, – весьма распро-

⁸⁶ Скороспелова Е.Б. Русская проза XX в.: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. С. 27.

⁸⁷ Кузнецов М.М. Советский роман. Очерки. М., 1963. С. 99.

⁸⁸ Из высказываний Горького: «Вот напишу про них [буржуазных интеллигентов]. Озаглавлю так: “Человек, который сам себя выдумал”. Напишу такое, что они проклянут меня навсегда и во веки веков...» (Прожектор. 1928. № 17. С. 18.); «Я должен изобразить все классы, “течения”, “направления”, всю адову суматоху конца века и бури начала XX» (Письмо А.К. Воронскому от 23 марта 1926 г. // Архив А.М. Горького. Т. 10. Кн. 2. М., 1965. С. 29); «Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который про-

странённый образчик эклектичного соединения нового сознания и старых идей.

Истоки такого «губительного влияния» идей можно увидеть уже в начале первого тома романа. В целом первый том – своеобразная экспозиция, образующая смысловое и композиционное единство (в семейно-бытовом и историческом плане) и дающее представление о начале процесса деформации индивидуальности центрального персонажа произведения, рисующее причины формирования раздробленного сознания именно через изображение противоречий на всех уровнях – бытовом, экзистенциальном, интеллектуальном и пр.

1.4.1.1 Детство Клима

Начало жизни Клима описано в ключе «семейной хроники». Однако традиционная семейная хроника нередко ограничена кругом персонажей, связанных родственными отношениями. В «Жизни Клима Самгина» с первых глав вводится гораздо большее количество действующих лиц, не только формирующих сознание Клима, но и иллюстрирующих общественно-политические процессы периода его детства. В первом томе изображён процесс социализации Клима – ход становления его личности, вхождение в социум, в этнос, национально-лингво-культурное сообщество, в родную культуру. Как правило, это происходит в период детства и взросления.

Через воспитание человеку задаётся определённая система знаний, норм и ценностей, позволяющая ему

ходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне» (Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. М., 1953. С. 93.); «В сущности, эта книга о невольниках жизни, о бунтаре поневоле, и ещё по какому-то мотиву, неясному мне, пожалуй» (Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. М., 1955. С. 32).

вступать в диалог с обществом, осознавать свою роль в нём, так или иначе позиционировать себя. Эти так называемые коллективные представления (то есть система верований и чувств данного общества) транслируются из поколения в поколение вне зависимости от воли воспринимающего индивида и становятся «продуктом не рассуждения, а веры»⁸⁹. Отсюда и особенности коммуникации в этот возрастной период: коллективные представления, как правило, именно воспринимаются, то есть ребёнок – реципиент, а не активный (и равноправный) участник коммуникации.

Так и в «Самгине» – коммуникация, изображённая в начале первого тома, воссоздаёт объёмную картину среды, в которой формировалось сознание Климаребёнка. Она может быть условно разделена на два типа: коммуникативная ситуация «*взрослый – взрослый*» (через восприятие ребёнка) и «*взрослый – ребёнок*».

Коммуникативная ситуация «*взрослый – взрослый*» представляет собой традиционную для 70-х гг. XIX в. картину: споры народников, либералов и «поумневших». С раннего возраста Клим становится свидетелем борьбы практически всех идеологических течений, существующих в 70-х годах девятнадцатого столетия: народников и толстовцев, сторонников террора и благоразумных «поумневших», критиков «значения личности в процессе истории» и будущих ницшеанцев.

Столкновения этих идеологий в условиях избранной автором формы повествования могут выражаться только в диалоге или полилоге, то есть прямой речи. Эти формы дают возможность безоценочного выражения чужих, внешних (по отношению к главному «реципиенту» – Климу) точек зрения, мировоззрений. Форма диалога

⁸⁹ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 20.

«представляет собой сильнейший противовес самгинской интерпретации и даёт читателю материал и возможности для сравнения и самостоятельных выводов»⁹⁰. Центральный персонаж книги участвует в этих коммуникативных актах в качестве реципиента. Положение «лица без речей», обусловленное возрастом, создаёт Климу удобную площадку для наблюдений, а читателю – своеобразный угол восприятия текста.

Коммуникативные акты «взрослых-со-взрослыми» изображены не цельными диалогами, а лишь их фрагментами. Например, спор Настоящего Старика, Варавки, Марии Романовны и доктора о пути России изображён несколькими эмоциональными репликами:

– [Настоящий Старик]: «У России один путь <...>

– [Варавка]: Европа мы или нет? <...>

– [Доктор]: Это уж, знаете, чёрт знает что! <...>

– [Мария Романовна]: Одумайтесь, Варавка! Вы стоите на границе предательства!» [XXI, 20].

Такая фрагментарность психологически оправдана: дети запоминают лишь то, что особенно их привлекло, удивило. Ребёнок воспринимает сказанное взрослыми в первоначальном, не-метафорическом значении, повествованию присущ так называемый «наивный реализм»: «Он [Варавка] говорит, что на мужике далеко не уедешь, что есть только одна лошадь, способная сдвинуть воз, – интеллигенция. Клиим знал, что интеллигенция – это отец, дед, мама, все знакомые и, конечно, сам Варавка, который может сдвинуть какой угодно тяжёлый воз» [XXI, 20]. Читатель понимает, что речь идёт о судьбе России и о силах, которые выведут её из кризиса, однако ребёнок воспринимает эти слова буквально.

⁹⁰ Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992. С. 145.

Принимая авторитет взрослых за абсолют, Клим стал жертвой противоречивых коллективных представлений интеллигенции 1870-х гг., изображённых в первой главе первого тома. Эти коллективные представления – суть отражение социальной природы общества. Каждый член общества является носителем как индивидуального сознания (содержащего «идеи и образы, которые нам присущи и которые мы получили с помощью опыта или рассудка»⁹¹), так и коллективного, включающего в себя верования и представления, которыми мы владеем вкуче с другими по традиции или по соглашению.

Горький в самом начале первого тома даёт общую характеристику «коллективных представлений», которые Клим воспринял в первые годы жизни. Клим – из среды разночинцев-интеллигентов, из среды, представители которой наиболее активно участвовали в освободительном движении. Представлениям русских интеллигентов (как и культуре в целом) изначально свойственна ориентация на чужую культуру (сначала – на византийскую, затем – на западную). Отсюда – «двойное самосознание», «двойная точка отсчёта»⁹² русской культуры, отрыв интеллигенции (с ориентацией на запад) от народа (традиционно ориентированного). Парадоксальным сочетанием европеизма и архаики определяются промежуточность, своеобразная двойственность российской цивилизации.

Начиная с первых строк, герои «Самгина» «грешат» противоречиями. Так, отец главного персонажа, решив дать сыну «редкое имя», перебирает в памяти библейских и античных завоевателей и царей («народ нуждается в героях» [XXI, 9]), в «последнюю минуту» даёт ему «му-

⁹¹ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 129-130.

⁹² Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 395.

жицкое» имя Клим («простонародное имя, ни к чему не обязывает...» [XXI, 10]).

Диалоги в начале первого тома – тоже свидетельство такой двойной точки отсчёта:

[Иван Самгин]: «С одной стороны, конечно, интеллигенты-практики, влагая свою энергию в дело промышленности и проникая в аппарат власти... с другой стороны, заветы недавнего прошлого...

[Тимофей Варавка]: «Со всех сторон плохо говоришь <...> – и «Клим соглашался: да, отец плохо говорит и всегда оправдываясь, точно нашаливший» [XXI, 20-21].

Типичные для 70-х годов XIX века диалоги (намеченные повествователем лишь контурно) Клим понимает абсолютно, так как в силу возраста он «не в контексте» этих диалогов, в отличие от автора, читателя и самих героев. Это касается и «удивительно ёмкого слова “народ”»: ему завидовали, называли страдальцем и губошлёпом. Тот народ, который видел Клим, не стонал «по полям, по дорогам, по тюрьмам, по острогам, под телегой ночуя в степи» [XXI, 23]. Взрослые в своих разговорах, естественно, не ориентировались на сознание детей. Учитель Томилин, читая лекцию об Александре Невском, а потом спрашивая урок, получал от учеников такой ответ: «Святой, благоверный князь Александр Невский призвал татар и с их помощью начал бить русских» [XXI, 44]. И хотя позже говорил, что «это не нужно помнить» [XXI, 44], первичное восприятие информации влияло на сознание. Самгин воспринимает реплики диалога как отдельные фрагменты одной истины, и – отчасти поэтому – в будущем окажется не в состоянии определить имманентный себе вектор развития.

Такая двойственность сознания, не всегда осознаваемая самими интеллигентами, улавливалась чутким ухом ребёнка, для которого весь смысл высказывания заключался в произнесённом слове, то есть слово для него

равно высказанной мысли (и, в идеале, делу). С одной стороны, ребёнок, склонный к рефлексии, не мог не замечать этого равенства, а с другой – не мог не ловить разные истины на противоречиях.

Мировоззренческие противоречия в обществе, озвученные на первых страницах произведения (названных литературоведами «публицистическим отступлением») диктуют и последующее восприятие текста как организованное на неснимаемых противоречиях. Автор объясняет природу противоречий в коллективных представлениях принятием на себя интеллигенцией органически несвойственных, надуманных (хотя и искренно) общественных ролей.

Людям «передовых», по тем временам, взглядов увлечённость собственным «я», «самосовершенствование для самосовершенствования» казались безнравственными, а радикалам – «реакционной выдумкой». Они находили источник самоутверждения в служении идее всеобщего равенства, так как готовность пожертвовать своими социальными преимуществами ради слияния с народом обеспечивала им моральное превосходство над теми, кто не отказывался от этих преимуществ.

Коллективные представления, как социальное явление, способны организовать ориентацию в окружающей действительности, а также установить систему кодов для успешной коммуникации. Однако в случае с Климом происходит не механическое принятие этих представлений (и их коммуникационных кодов), а столкновение разных идейных полей ближайшего окружения Клина, которое преломляется сквозь его сознание, формирует мировосприятие. Сознание его уже изначально содержит изрядную долю противоречий, не уходящих, но становящихся имманентными по мере взросления.

В коммуникативной ситуации «взрослый – ребёнок» Клим уже становится участником диалогов. Пока он не

позиционирует себя как равный собеседник, но уже способен воспроизводить воспринятое ранее. Он, привыкший к усиленному (в ущерб остальным детям) вниманию родственников и знакомых, ведёт себя так, чтобы «похвастаться взрослым». Именно эту особенность – выделять себя по отношению к сверстникам за счёт взрослых – можно считать одной из причин возникновения внутренних противоречий в сознании Самгина.

Отношение к Климу как к ребёнку, но ребёнку особенному («...» у домашних «...» были причины – у каждого своя – относиться к новорожденному более внимательно, чем к двухлетнему брату Дмитрию» [XXI, 10]), рождало в его сознании чувство исключительности. Это сознание влекло за собой и особый тип отношений с взрослыми, внимание к их беседам, попытки понять их, основанные не на стремлении постигнуть суть вещей, а на привлечении внимания взрослых. Коммуникативное поведение Клим в детстве характеризуется несвойственной ребёнку игрой воображения. Изначально воображение, фантазия для Клим – это труд, цель которого – признание в обществе («Выдумывать было не легко, но он понимал, что именно за это «...» любят его больше, чем брата Дмитрия» [XXI, 19]). Желая укрепить авторитет, Клим охотно демонстрирует свой ум. За вечерним чаем Клим «усаживался лицом ко взрослым и, внимательно слушая их говор, ждал, когда отец начнёт показывать его» [XXI, 15].

Климу нравилось убеждаться в своей исключительности: «из рассказов отца, матери и бабушки Клим узнал о себе немало удивительного и важного: оказалось, что он, будучи ещё совсем маленьким, заметно отличался от своих сверстников» [XXI, 16]. Доверяя авторитету взрослых, ребёнок верил, что «отец не выдумал, ведь и мама говорит, что в нём, Климе, много необыкновенного», хотя подспудно и понимал, что отец рассказывал «всегда что-

то такое, чего мальчик не замечал за собой, не чувствовал в себе» [XXI, 16]. Рассуждая наедине с собой, Кли́м делает вывод, что «всё хорошее выдуманно», и «всегда нужно что-нибудь выдумывать, иначе никто из взрослых не будет замечать тебя и будешь жить так, как будто тебя нет или как будто ты не Кли́м, а Дми́трий» [XXI, 18].

На формирование мировоззрения Кли́ма в каждом из возрастных периодов оказывают влияние разные люди. В детстве это абстрактное понятие «взрослые»: он воспринимает мир так, как описывают его родители, знакомые, слушает рассказы о народе-страдальце, о жертвах, принесённых народу интеллигенцией и пр. Однако непосредственное восприятие действительности не совпадает с услышанным. На это указывает, например, первая встреча маленького Кли́ма с представителями народа, о котором он так много слышал дома: «Кли́м довольно рано стал замечать, что в правде взрослых есть что-то неверное, выдуманное. В своих беседах они часто говорили о царе и о народе. Вскоре Кли́м узнал и незаметно для себя привык думать, что царь <...> “обманул весь народ”» [XXI, 22].

«Однажды летом Кли́м, Дми́трий и дед ездили в село на ярмарку. Кли́ма очень удивила огромная толпа празднично одетых баб и мужиков, удивило обилие полупьяных, очень весёлых и добродушных людей. <...> Кли́м спросил дедушку: “А где же настоящий народ, который стонет по полям, по острогам, под телегой ночуя в степи?”» [XXI, 23]. Услышав, что это и есть народ, Кли́м не поверил, так как он «не стонал по полям, по острогам», не выглядел страдальцем, – а именно такое представление о народе внушили мальчику. Кли́м постепенно осознаёт, что «<...> чем дальше, тем труднее становилось понимать взрослых, – труднее верить им» [XXI, 25], «всё было не такое, как рассказывали взрослые» [XXI, 27].

Это понимание становится шагом на пути к изменению приоритетов в жизни Клима. Ещё одна причина переоценивания своих позиций – отношение к нему ровесников. В коммуникативной ситуации «Клим – сверстники» Самгин тоже не ощущает себя равноправным членом детского общества. Он чувствовал, «что внимание взрослых несколько мешает ему <...>, а дети всё откровеннее не любят его» [XXI, 29-30].

В этой части текста (первая глава первого тома) почти нет диалогов как таковых. Скорее, характер диалога приобретают разрозненные реплики разных героев, вступая в переключку с высказываниями (порой даже мысленными) того или иного героя. Так, осознавая порой, что его «выдумывают» взрослые, Клим старается найти следы такого же выдумывания в других. Дети, казалось Климу, тоже пытаются выдумать себя, чтобы казаться интереснее, значительнее, чем они есть на самом деле: так, одна из сверстниц Клима – Люба Сомова – «была весёлая, но Клим подозревал, что весёлость эта придумана некрасивой и неумной девочкой. Выдумывала она очень много и всегда неудачно» [XXI, 34]. Клим узнаёт, что его товарищ – нянькин внук Дронов, рассказавший ему историю своей семьи, на самом деле всё выдумал, нафантазировал. Мать сообщила Климу: «тётки-ведьмы не было у него; отец помер, его засыпало землёй, когда он рыл колодезь, мать работала на фабрике спичек и умерла, когда Дронову было четыре года, после её смерти бабушка нанялась нянькой к брату Мите; вот и всё» [XXI, 42-43]. Даже мать Клима, которой он привык доверять и о которой «почти нечего думать, как о странице тетради, на которой ещё ничего не написано» [XXI, 48], лукавит перед ним, и мальчик старается, чтобы «она не увидела по глазам его, что он ей не верит <...>» [XXI, 51].

Ему впервые приходит в голову мысль о странности своего положения: «взрослые находят, что он выдумывает именно тогда, когда говорит правду» [XXI, 51]. Клим вскоре начинает чувствовать себя обязанным думать о подобных несоответствиях, и «эта обязанность становилась всё более трудной. Всё вокруг расширялось, разрасталось, теснило его душу <...>» [XXI, 53]. На этой стадии к голосам Любы, Дронова, Мити (по большому счёту, безразличных к мироощущению Самгина) присоединяется голос Бориса Варавки, который Клим сразу ощущает как враждебный. Борис стал самым значимым его антиподом в детстве, носителем диаметрально противоположной «точки зрения» на мир. Сразу же, при первом знакомстве повествователь настраивает читателя на это противопоставление: «Он [Клим] пробовал командовать, учить – и вызывал сердитый отпор Бориса Варавки. Этот ловкий, азартный мальчик пугал и даже отталкивал Клина своим властным характером. <...> Климу казалось, что Борис никогда ни о чём не думает, заранее зная, как и что надобно делать» [XXI, 30].

Активная жизненная позиция Варавки противопоставляет пассивности Самгина. Не случайно первая глава заканчивается гибелью Бориса, а «неверующая» фраза, произнесённая случайным свидетелем его смерти («Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» [XXI, 87]), как бы подводит итог детскому восприятию мира Самгиным и становится лейтмотивной для всего произведения: для Самгина характерно сомневаться во всём, даже в очевидном, что, возможно, объясняется стремлением уйти, спрятаться не только от других, но и от себя.

1.4.1.2 Юность Клима

Во второй главе коммуникативная ситуация «Клим – сверстники» перерастает в коммуникативную ситуацию «взрослый – взрослый», но если в первом случае Клим был реципиентом, то сейчас он стал участником диалога, получил возможность «продуцировать» мысль на правах равного члена общества. Однако несовпадение непосредственного восприятия действительности и чужих, навязываемых Климу идей постепенно приводит его к мысли, что человек – это «система фраз», «стремление вороны украсить себя павлиньими перьями» [XXI, 92], и он должен придумать свою систему, которая служила бы прикрытием от «враждебных» мировоззрений и была бы удобна и комфортна при любых обстоятельствах. Уже в отрочестве он «легко усваивал чужие мысли, когда они упрощали человека. Упрощающие мысли очень облегчали необходимость иметь обо всём своё мнение» [XXI, 92], хотя даже благодаря им Самгин не смог сформулировать свою «систему фраз». Количество противоречий в его сознании нарастало. Чувствуя, что он «не в силах разобратся в этом хаосе, Клим с негодованием думал: “Но ведь не глуп же я?”» [XXI, 453].

Таким образом, стремление Самгина участвовать в диалогах «на равных» не реализуется. Пытаясь скрыть свою коммуникативную «неполноценность», Клим в ситуациях, где он является непосредственным участником, чаще всего принимает позицию таинственного и всезнающего человека, тем самым завоёвывая репутацию по меньшей мере революционера. Именно такое реноме заслуживало если не любовь, то уважение: так, во время одной из случайных встреч с Лютовым последний заявляет Самгину: «Я, брат, не люблю тебя, нет! Интересный ты, а не сим-па-ти-чен. И даже, может быть, ты больше выродок, чем я. <...> С какой крыши ты смотришь на

людей? Почему – с крыши?» [XXII, 126]. Такой вывод Лютов сделал не только из своих воспоминаний о Климе. Они познакомились ещё в бытность Самгина в Москве, затем встречались на дачах Варавки, где вместе участвовали в ловле сома (*подробно об этом см. § 2.2.2.*), прятали «знакомую барышню» Лютова – революционерку Нионову и пр. Их вторая встреча произошла в то время, когда Клим мучился от безответного чувства к Лидии и «с горя» кутил в доме купца. Ещё тогда Лютов заинтересовался Самгиным, будучи уверен, что тот знает ответы на терзающие его вопросы, хотя почему-то не торопится с их озвучиванием.

При следующей встрече он пытается получить эти ответы: «Как думаешь: скоро взорвётся мужик?». Самгин же, мысленно занятый предыдущей репликой Лютова («Мне Лидия писала») и обиженный тем, что она «находит время писать этому плохому актёру, а ему – не пишет» [XXII, 125], невнимательно слушает речи собеседника. Оттого и отвечает как бы мимоходом, неэмоционально: «Революция неизбежна» [XXII, 125]. В сознании Лютова это равнодушие принимает вид уверенности в своём заявлении. Ему кажется, что Самгин скрывает свою истинную деятельность и свой истинный ум: «Ты, Самгин, держишь себя в кулаке, ты – молчальник, и ты не пехота, не кавалерия, а – инженерное войско, даже, может быть, генеральный штаб, чёрт!» [XXII, 125]. Самгин кроме фразы «революция неизбежна» не произносит ничего, предоставляя тем самым собеседнику возможность сделать вывод о его отношении к действительности: «Ты хладнокровно, без сострадания ведешь какой-то подсчёт страданиям людским, как математик, немец, бухгалтер, актив-пассив, и чёрт тебя возьми!» [XXII, 126]. Это видение не совпадает с самоощущением Клина, хотя и приятно ему: «Вот как он видит меня» [XXII, 126].

Этому мнению Лютов не изменяет ещё некоторое время: через несколько лет Дуняша Стрешнева, подруга Самгина, передаёт Климу слова купца: «<...> [Лютов] сказал Макарову при мне: “Самгин смотрит на улицу с чердака и ждёт своего дня, копит силы, а дождётся, выйдет на свет – тут мы все и ахнем!» [XXIII, 156]. Сама Дуняша также принимает равнодушие Самгина к социальным вопросам за особое знание: «Я знаю, что тебе трудно, но ведь это – ненадолго, революция – будет, будет!» [XXIII, 156].

Таким образом, происходит своеобразная подмена «знаков» – там, где Самгин не может ответить на интересующие собеседника вопросы, или за общими, всем известными фразами пытается скрыть отсутствие твёрдой позиции по интересующему вопросу, или просто находится в состоянии задумчивости, – её собеседники принимают за «генеральский» ум, принадлежность к революционному движению и прочее.

Однако скрывать отсутствие своей «системы фраз» долго не удаётся, и те же Лютов и Макаров через несколько лет меняют своё мнение: Самгин – «аппарат не столько мыслящий, сколько рассуждающий» [XXIV, 42].

Вторая модель поведения Самгина в случаях открытого диалога с окружающими – искренность, обусловленная некоторой аффектацией. Таковы его споры в доме родственников в Петербурге, спич на Новогоднем вечере и т.д. (*Подробнее об этом – во второй главе.*)

Таким образом, Самгин выпадает из любого общения, не ощущает себя участником диалога ни в одной из коммуникативных ситуаций. Дисгармония, вошедшая в его душевную организацию в детстве, определила обречённость его поисков. Внутреннее сиротство Клина, проецируясь на его сознательную жизнь, программирует весь дальнейший трагический путь поисков «дома» для души. Сам Клим в конце жизненного пути признаётся

себе: «Дома у меня – нет <...> нет не только в смысле реальном: жена, дети, определённый круг знакомств, приятный друг, умный человек, приблизительно равный мне, нет у меня дома и в смысле идеальном, в смысле внутреннего уюта...» [XXIV, 119-120]. Органическая неспособность к истинной интеллектуальной и духовной работе, с одной стороны, и стремление путём той же интеллектуальной и духовной работы занять высокое положение в обществе обусловили обречённость его рефлексии.

Когнитивный диссонанс Самгина с возрастом выливается в неумение построить конструктивный диалог. При том, что ведущими функциями Самгина как персонажа являются рефлексия и созерцание (Клим в тексте ни разу добровольно не выступает как герой-деятель), которые, как правило, являются достаточным «двигателем» коммуникации, самгинская рефлексия выступает в качестве «тормоза» последней.

Лишь потом пришло понимание невозможности быть «достойным» сыном века (в понимании самого Самгина), ибо деятельная сила мысли, хотя и была понята Климом именно как сила (мечтал быть властителем умов и т.п.), но из его рефлексии и созерцания не следовало конструктивных решений. Созерцание стало самоцелью, сублимацией деятельности, видимостью животворящей мысли. Мысль не работает, а создаётся видимость работы мысли. Отсюда – долгая «неразгаданность» Самгина.

Главное противоречие, заключённое внутри Самгина – это созерцание и рефлексия как имманентные функции интеллекта при недостаточности *сознания* (то есть соотнесения знания добра и зла со способом существования). При этом возможность конструктивного выхода из ситуации всё время обыгрывается Горьким. Читатель постоянно ощущает себя на грани открытия в Самгине новых сторон, более привычных ему по классической ли-

тературе. Ибо в тексте соблюдены (и даже скрупулёзно соблюдены) все условия, при которых герой должен сформироваться в «достойного» сына века – либерального интеллигента (как минимум) или профессионального революционера (как максимум). Только такой образ воспринимался как положительный. Такого исхода ждут от «Самгина» читатели, такого же – окружение Клима, но больше всего этого ждёт сам Самгин. Именно поэтому так горько ему не оправдать собственных надежд. Стремление к «индивидуальности» на деле оказывается стремлением быть «как все». Осознание же того, что он – «как все» приводит к онтологическому конфликту.

1.4.2 Автокоммуникация: коммуникативный провал на уровне индивидуального сознания

В «Самгине» довольно большой объём занимают средства передачи внутреннего дискурса персонажа – внутренний монолог, спор с самим собой и пр. Иначе эти явления можно назвать автокоммуникацией. По Лотману, это одна из форм коммуникации, которая замкнута на одном субъекте, являющимся как создателем, так и получателем сообщения⁹³.

Как уже говорилось выше, коммуникация происходит по двум основным каналам: «Я» – «Он» и «Я» – «Я». Модель Якобсона идеально работает в случае наиболее типового направления передачи сообщения: «Я» – «Он». В случае же, когда субъект передаёт сообщение самому себе («Я» – «Я»), и сообщение имеет не мнемоническую, а какую-либо иную культурную функцию, акценты в схеме

⁹³ Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

могут быть смещены. Передачу сообщения по схеме «Я» – «Я» мы имеем, например, при обращении к самому себе посредством дневниковых записей, которые делаются не для запоминания определённых сведений, а «имеют целью уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит»⁹⁴. В «Самгине» такую функцию выполняют несколько видов так называемой автокоммуникации.

Если сравнить обе эти схемы коммуникативного акта, то в первой переменными величинами являются адресат и адресант, кодифицированное же сообщение остаётся неизменным. В случае коммуникации по схеме «Я» – «Я» носитель информации остаётся тем же, а трансформируется и приращивает смысл сообщение, так как в него вводится добавочный код – ключ к прочтению/трансформации сообщения. Соответственно, «Я» как адресат получает новое сообщение, а так как информация передаётся от человека к самому себе, то такое смещение смысла перестраивает сущность личности. При этом сущность «можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется»⁹⁵.

Подобные ситуации изображены и в «Жизни Клим Самгина». К ним, в первую очередь, можно отнести многочисленные «парады воспоминаний», которые любил производить Клим для упорядочивания своих жизненных впечатлений, размышлений. Акты автокоммуникации Самгина становятся своеобразным итогом идейных, духовных исканий. Неосуществлённая потребность в самовыражении выливается в потребность спорить с вооб-

⁹⁴ Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 25.

⁹⁵ Там же. С. 26.

ражаемыми собеседниками. Иногда он «записывает» в памяти впечатления прожитого дня. Причём это «записывание» теряет чисто мнемоническую функцию, приобретая значение духовных и интеллектуальных поисков. В этих случаях разговоры из системы «Я» – «Он» переводятся в систему «Я» – «Я». Такая внутренняя полемика – суть итог исканий своей «системы фраз», в постоянном поиске которой находился как Самгин, так и многие его современники.

Самоопределение, причисление себя к какому-либо идейному кругу, течению, было практически необходимо для молодого интеллигентного человека рубежа веков. Это было предопределено прошлыми поколениями мыслящих людей. Известно, что большинство российской интеллигенции принадлежало к так называемой «кружковой интеллигенции»⁹⁶. Общее дело (борьба за освобождение народа, свержение самодержавия и пр.), практически подпольное, нелегальное положение приверженцев свободного общества обусловили такое специфически-коллективистское духовное развитие интеллигенции. Такой коллектив всегда нацелен не на продуцирование, а на получение информации в готовом виде. Иными словами, ориентирован на коммуникацию по каналу «Я» – «Он».

По наблюдению Ю. Лотмана, классическим примером подобной культуры может считаться европейская культура XIX в. Такой тип культуры носит более подвижный, динамичный характер, но есть у него и обратная сторона: «резкое разделение общества на передающих и принимающих, возникновение психологической

⁹⁶ Ср. у Горького: «В каждом кружке своя мораль, свои симпатии и вкусы – невидимые, но прочные верёвочки, которые, связывая всех членов кружка в одно целое, отграничивают его от других кружков» (Горький М. Мужик (Очерки): // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 5. М., 1970. С. 370).

установки на получение истины в качестве готового сообщения о чужом умственном усилии, рост социальной пассивности тех, кто находится в позиции получателя сообщения»⁹⁷. Коммуникация же, осуществляющаяся по каналу «Я» – «Я», более свойственна культурам (а, следовательно, и художественным текстам), направленным не на передачу информации, а на возрастание уже имеющейся.

Самгин, причисляя себя к интеллигенции, считал необходимым для себя определиться и с «источником» информации – каким-либо идейным, духовным течением. Хотя эта потребность была «головной», обусловленной внешними причинами (считая, что каждый человек похож на ворону, «умными» фразами желающую украсить себя павлиньими перьями, и «<...> живя в тревожной струе [этого] стремления, он хорошо знал силу и обязательность его» [XXI; 92]), тем не менее, она позволила бы ему определить себя наиболее полно, и потому заставляла Клима «пробовать на вкус» каждое из течений. Результатом такой «пробы» стали изображённые в произведении события автокоммуникации.

Первой «проверку на прочность» прошла идея «долга интеллигенции перед народом», «народолюбие», «борьба за свободу народа». Культ служения народу формулировался профессиональными активистами. Так, врач В. Португалов писал: «Стомиллионный русский народ <...> много вынесший, испытавший всё, своими вековыми страданиями купил себе право желать и надеяться, что интеллигенция явится действительным охранителем и настоящим врачом его недугов»⁹⁸. Именно

⁹⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 44-45.

⁹⁸ Португалов В.О. Врачебная помощь крестьянству. СПб., 1883. С. 8 // Цит. по: Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 92.

идея служения народу вдохновляла многих земских деятелей.

Ещё в юности, во время споров в доме писателя-народника Катина, Клина не могла увлечь «истина» народников, несмотря на то, что вера в эту истину «звучала почти в каждом слове, и, хотя Клима не увлекался ею, всё же он выносил из флигеля не только кое-какие мысли, меткие словечки, но и ещё нечто, не совсем ясное, но в чём он нуждался; он оценивал это как знание людей» [XXI, 107]; «Клима выслушивал эти ужасы [словесные картины вселенского одиночества, которые рисовал Томилинин] довольно спокойно <...>. То, как говорили, интересовало его больше, чем то, о чём говорили» [XXI, 123]; «<...> размышления не мешали Климу ловить медные парадоксы и афоризмы» [XXI, 130]; «Клима почти не вслушивался в речи и споры [народников], уже знакомые ему, они его не задевали, не интересовали» [XXI, 141]; «Климу было скучно. Он не умел думать о России, народе, человечестве, интеллигенции, всё это было далеко от него» [XXI, 144]. Такая насыщенность текста замечаниями об отношении Самгина к господствующей тогда теории народников, настойчивый акцент Горького на равнодушии Самгина к этой «религии» интеллигенции, показывает некоторую надуманность идейных исканий Клина, попытку примирить себя с идейной парадигмой 70-80-х гг. XIX в. Присутствуя в качестве зрителя, он наблюдает борьбу мнений, философских систем, а порой и просто выяснение личных отношений под прикрытием идеологических разногласий.

Сколь бы то ни было серьёзной рефлексии у Самгина по поводу народничества не было (потому, вероятно, нет и опосредованных споров, автодиалогов), он изначально не нашёл точек соприкосновения ни с идеей народничества, ни с людьми, её воплощавшими: у него «возникало смутное сомнение в праве и попытках этих

людей решать задачи жизни и навязывать эти решения ему. Для этого должны существовать другие люди, более солидные, менее азартные и уже во всяком случае не полубезумные <...>» [XXI, 144].

Колебания Клима были, пожалуй, закономерны, ведь даже искренность их веры постоянно ставится под сомнение не только им. В одном из диалогов Клим с Лидией девушка сказала ему: «Странно, что существуют люди, которые могут думать не только о себе. Мне кажется, что в этом есть что-то безумное. Или – искусственное» [XXI, 142]. Клим не отреагировал вслух на её реплику: он всегда молчал, когда собеседник озвучивал близкие ему мысли. А уже через несколько дней «он снова почувствовал, что Лидия обокрала его <...>»: она сказала о собраниях в доме писателя-народника: «Я думаю, все их речи и споры – только игра в прятки. Люди прячутся от своих страстей, от скуки; может быть – от пороков...» [XXI, 142].

Вообще, на протяжении всего текста можно встретить формулировки типа: «Опять <имярек> высказал то, о чём давно думал Клим, но не успел сказать», или «то, о чём думал Клим, но не успел сформулировать», и каждый раз чувствовал себя несправедливо обиженным (например, видел, что его наблюдения «всё более твёрдо ставят его среди людей. Но – плохо было то, что почти каждый человек говорил нечто такое, что следовало бы сказать самому Самгину, каждый обворовывал его» [XXI, 143]).

Такое поведение Клима вполне соответствует его психотипу. Он не формулирует «вовремя» не потому, что не может оформить собственные мысли, а потому, что не решается признать свою истинную «систему фраз» имеющей право на «законное» существование. Он понимает, что мыслит иначе, но только тогда, когда его единомышленник озвучивает его мысли. Самгин и себе признавался в инакомыслии только в редкие минуты откры-

венности, в обществе же он старался придерживаться норм, которые считались правильными.

Тем не менее, пусть и озвученное другими лицами, сомнение в праве проповедовать народническую истину у Клима возникало. Несмотря на несомненное благородство идеи, высокие цели, благие намерения, ценность народнической мысли на страницах произведения постоянно дискредитируется. Несомненно, что в этой дискредитации слышится голос автора.

Юность Клима выпала не на первоначальный этап народнического движения, а на тот этап, когда оно для многих превратилось в профессию, обязанность, образ жизни и т.п. Хотя во времена расцвета народничества «для многих мода на опрощение была суровой реальностью и вынужденной необходимостью, а не результатом сознательного выбора данного стиля жизни – материальные и правовые условия их деятельности были довольно суровыми. И в этом случае идентификация “интеллигента” была важна – она выполняла известную компенсаторную функцию, помогала преодолеть тяготы, давая чувство принадлежности к жертвенному “ордену” избранных»⁹⁹. Наблюдательный Клим не мог не заметить этого, а Лидия довольно удачно сформулировала: «<...> у них всё как-то перевёрнуто. Мне кажется, что они говорят о любви к народу с ненавистью. А о ненависти к властям – с любовью» [XXI, 142].

Кстати, собственно диалогов в этой части текста мало, почти нет. На высказанную реплику персонажа иногда следует ответ собеседника, чаще – комментарий автора, из чего можно заключить, что вопрос о народничестве для Горького – вопрос, скорее всего, решённый, и полемический дискурс оказался бы искусственным, на-

⁹⁹Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (К анализу интеллигентского дискурса) // Лотман М.Ю. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 125.

думанным: пристрастному писателю сложно было бы держать нейтралитет.

Таким образом, опосредованное знакомство с народом и его «защитниками» ни в коей мере не преисполнило Клина энтузиазмом и не подвигло на принятие их «системы фраз».

Перемещение идейного поля в сознании Самгина связано с топонимическим передвижением Клина: поступлением в университет и переездом из родного приволжского городка в Санкт-Петербург. Дом характеризуется «моноидейностью» – в детские и гимназические годы всё окружение Клина составляли народники. Исключение составлял лишь гностик Томилин – учитель Самгина, который первым заронил зёрна недоверия к народнической «системе фраз». Недаром Томилина нигде не любили: среди «верующих» или пытающихся верить он один осудил себя «на тревогу независимой работы мышления» [XXI, 152]. Петербург же – центр не только как столица страны, но и как своеобразное средоточие новой мысли – марксизма, декадентства¹⁰⁰, религиозной философии и пр. Центростремительная сила города – полифония событий, мыслей, противоречивых и неоднозначных, в которой Клима оказался, представила возможность выбора из огромного количества «систем фраз».

Следующим звеном цепи, приведшей Клина к авторефлексии, воплощённой в «опосредованном споре», стали его встречи не с книжным, а с реальным народом, с «философией нищеты» [XXI, 447]. Странная смесь из индивидуализма, религиозности, монархизма и социальной нетерпимости не могла привести размышления Клина к единому знаменателю. Московский знакомый

¹⁰⁰ О бытующем в советском литературоведении представлении об отношении М. Горького к декадентству см. статью: Громова Н.М. Борьба А.М. Горького с декадентской поэзией // Русская речь. 1973. № 5. С. 32-38.

Самгина-студента Семион Диомидов, сам являясь носителем такой смеси убеждений, верований и заблуждений, ввёл Самгина в круг философствующих представителей народа. Клим услышал «лекцию» доморощенного проповедника Якова Платоновича (погибшего впоследствии во время Ходынки), который исповедовал в упрощённом виде классовую философию: «Все мы живём по закону состязания друг с другом, в этом и обнаруживается главная глупость наша» [XXI, 431]. Самгину даже «было оскорбительно наблюдать, как подвальный человечико уродливо и дерзко обнажает знакомый, хотя и враждебный ход мысли Кутузова» [XXI, 431].

Сравнивая книжный народ с увиденным в действительности, Клим окончательно убеждается, что народничество – не его «система фраз». Второй «проверку» прошла новая для него идея – марксизм. Марксизм, давший новый толчок поискам Клим, строит свои идеи не на эмоциональной составляющей – абстрактной «любви к народу» и «комплексе вины» интеллигенции перед ним, а на изначально объективных политэкономических факторах.

Хотя Клим, так же, как и при исследовании народничества, «не чувствовал потребности проверить» истинность утверждения о том, что «вся история человечества есть история борьбы классов» [XXI, 452], не испытывал желания принять или не принять эту идею за истину, всё же он после ряда встреч с марксистами самого разного толка: от «легальных марксистов» (Прейс, Стратонов, Тагильский) до профессиональных революционеров (Кутузов, Спивак), переосмысливает это учение, видя в нём ценное им упрощение действительности. И хотя знакомство с марксизмом подытоживается скептически-равнодушной мыслью Самгина: «А на что мне Туробоев, Кутузов?» [XXI; 274], всё же ясно, что марксистское уче-

ние произвело на него большее впечатление, чем народничество.

Герои Горького, которые номинально не встречаются на страницах книг, фактически участвуют в диалоге¹⁰¹. Не будучи приверженцем ни одной из господствующих теорий, Самгин, однако, испытывает потребность верить в какую-нибудь из них. И по завершении спора (либо во время него) он анализирует доводы противников. Неосуществлённая потребность в выражении своего мнения выливается в потребность спорить с воображаемыми собеседниками. Порой довольно стройная картина, нарисованная каким-либо «верующим», не имеющим в данном конкретном диспуте достойных оппонентов, разбивается о доводы противников, которых он не видит, но которые живут в сознании центрального персонажа произведения.

Так происходит всегда, когда Клим слышит привлекательную «систему фраз» и пытается примерить её на себя. Примеряя утверждение марксистов «истина <...> проста: вся история человечества есть история борьбы классов» [XXI, 452], он находит в нём ценное упрощение жизни: «Если каждый человек действует по воле класса, группы, то, как бы ловко не скрывал он <...> свои подлинные желания и цели, всегда можно разоблачить истинную суть его – силу групповых и классовых повелений» [XXI, 453]. Но виртуальные персонажи сразу же видят противоречие «удобной» концепции, и заочно спорят с Самгиным, который один не в состоянии найти достойных контраргументов. Возражения возникают от самых разных оппонентов.

¹⁰¹ Ср. у Достоевского: «глубокая существенная связь или частичное совпадение чужих слов одного героя с внутренним и тайным словом другого героя – обязательный момент во всех существенных диалогах <...>» (Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М., 1994. С. 156).

«Но – здесь возникал ряд смущающих вопросов и воспоминаний:

“Интересами какой группы или какого класса живёт Прейс, чистенький и солидный?”

Вспоминался весьма ехидный вопрос Туробоева Кутузову:

“А что, если классовая философия окажется не ключом, а только отмычкой, которая портит и ломает замки?”

Гудел устрещающий голос дьякона:

“Приходится соглашаться с моим безногим сыном, который говорит такое: раньше революция на испанский роман с приключениями похожа была, на опасную, но весьма приятную забаву, <...> а ныне она становится делом сугубо серьёзным, муравьиной работой множества простых людей”.

Количество таких воспоминаний и вопросов возрастало, они становились всё противоречивее, сложнее. Чувствуя себя не в силах разобраться в этом хаосе, Клим с негодованием думал:

“Но ведь не глуп же я?” [XXI, 453].

Вопросы возникают у самого Клима, который не может найти места в классовой системе «выломившимся из среды» дьякону Ипатьевскому, купцу Лютову, религиозному философу «из народа» Диомидову, сыну фабриканта легальному марксисту Прейсу и т.д. Привносит долю скептицизма «психически деклассированный» дворянин Туробоев, считающий классовую философию «не ключом ко всем загадкам жизни, а только отмычкой, которая портит и ломает замки» [XXI, 453]; вмешивается голос Дьякона об изменении статуса самого понятия революции – от романтического в прошлом до «сугубо серьёзного», ремесленного в настоящем.

Здесь в сознании Клима сталкиваются два начала. С одной стороны, стремление найти себе удобную и гиб-

кую «систему фраз», с другой – невозможность уложить жизнь в чёткую схему. Ещё один эпизод такого «опосредованного» спора связан с тем же марксизмом. Те же лица – Кутузов, Спивак – в пространстве родного дома Самгина видятся Климу с другой стороны. Высказывание Кутузова о том, что настоящий революционер – это герой на всю жизнь (необходим героизм на всю жизнь, «героизм чернорабочего» [XXII, 48]), повело за собой невольное сравнение с народниками, которые несколько лет назад проповедовали в этом же доме, но другие истины. Они виделись Самгину именно героями «публичными», героями на час.

Эта мысль натолкнула Самгина на новый виток размышлений. Постепенно он чувствует приближение уверенности в праве «быть совершенно независимым человеком» [XXII, 51]. Ложность вывода, к которому приходит Самгин (Я – «ни жрец, ни жертва, а – свободный человек!»), подчёркивается автором использованием оценочных комментариев: Горький проводит Клима «сквозь необыкновенное обилие утешительных мыслей», в итоге которых он «додумывается» до столь приятного для него «афоризма».

Подобные противоречивые «парады мыслей», не формируясь в сознании Клима в стройную «систему фраз», дают читателю объёмную многомерную картину русской мысли рубежа веков. Они создают впечатление не линейного диахронического повествования, а синхронического воссоздания действительности, так как перед мысленным взором Самгина встают картины прошлого и настоящего, которые он и пытается привести в систему. Клима составляет типологию встреченных им в разное время людей. Тех, кто не укладывается в это прокрустово ложе, Самгин осознаёт как опасных, сравнивает их с виденной в детстве сценой – раки, рассыпанные по полу неловким рыбаком, расползаются в разные стороны. Ма-

ленький Клим при виде этой картины «испуганно прижимается к стене». «Раки – это Лютовы, дьякона и вообще люди ненормальные... Туробоевы, Иноковы. <...> Они и должны погибнуть... как же иначе?» [XXI, 490]. Классифицировать же их нужно было, чтобы «встать выше их» [XXI, 490].

Самгин не может уложить жизнь в классовую схему, да и вообще в любую схему. Конечно, он видит ущербность любых схем. Это следует уже из того, что он, размышляя о марксизме, сразу вычленяет из своей памяти то, что в классовую схему никак не вписывается. С другой стороны, тысячи интеллигентов приняли эту схему в разных её вариантах. Закрыть глаза на «нюансы» им помогла изначальная цельность натуры или тот же комплекс вины перед народом, а исповедание марксизма в этом случае стало одной из форм «оплаты» его духовными сыновьями западников.

Самгин не может подвести под единый знаменатель всё то, что противоречит любой идейной и/или духовной схеме. В нём нет цельности людей, которые приняли учение на веру, и потому – безапелляционны и уверены в себе и в своей вере. Ярчайший пример тому – способность примирять противоречия у Кутузова. Например, в одном из эпизодов беседы с Самгиным Кутузов рассказал об охоте на волка. Рассказ закончился такой полемикой:

«– Перебил волку позвоночник, жалко стало зверюгу, отчаянно мучился. Пришлось добить, а это уж совсем скверно <...>.

– <...> Волков – жалко вам, а о людях вы рассуждаете весьма упрощённо и безжалостно <...>.

– А вы, индивидуалист, всё ещё бунтуете? <...>. Что ж – люди? Они сами идиотски безжалостно устроились по отношению друг к другу, за это им придётся жесточайше заплатить» [XXII, 444-445]. Степан утверждает,

что «Маркса нужно принимать целиком или уж лучше не беспокоить» [XXIII, 162].

Почти каждая мысль Самгина «имеет свою тень, своё эхо, но и та и другое как будто враждебны ему» [XXIII, 138]. Жизненный и мыслительный опыт уже не позволяет Климу выдумывать себя как прежде. Истинное лицо чаще стало проглядывать сквозь навязчивые мысли о собственной уникальности. Получается, что Самгин выдуманный спорит с собой настоящим.

Структура этих внутренних борений с самим собой выглядит следующим образом: на событие действительности следует реплика Самгина (как правило, это внутренний монолог), затем – ремарка повествователя, сообщающая, что Самгин ощущал (чувствовал, замечал и пр.) надуманность своей реакции. «Моя жизнь – монолог, а думаю я диалогом, всегда кому-то что-то доказываю, – размышляет Клим Самгин. – Как будто внутри меня живёт кто-то чужой, враждебный, он следит за каждой мыслью моей, и я боюсь его. Существуют ли люди, умеющие думать без слов? Может быть, музыканты...» [XXIV, 9].

Далее происходит полилог нескольких разных голосов Самгина: Самгина скрытого (способы его эксплицирования: авторские ремарки; Клим «проговаривается»; Клима «расшифровывают» другие; Клим самораскрывается); Самгина, как он видит себя сам; Самгина, как его видят другие и пр. «В конце концов Самгину казалось, что он прекрасно понимает всех и всё, кроме себя самого. И уже нередко он ловил себя на том, что «наблюдает за собой как за человеком, мало знакомым ему и опасным для него» [XXI, 455].

Всё намеренно высказанное Климом «работало» на то, чтобы его увидели «значительным человеком, который живёт устойчиво, пользуется известностью, уважением; обладает хорошо вышколенной женою <...>» [XXII, 158], является законодателем в кружке людей, «серьёзно

занятых вопросами культуры, и где Клим Самгин дирижирует настроением, создаёт каноны <...> [XXII, 158]. Скупые и тщательно продуманные фразы, брошенные Самгиным, нацелены на то, чтобы не высказать истинного мнения, либо прикрыть «общими» фразами отсутствие чёткого мнения по поводу обсуждаемой ситуации. Он старается опираться на авторитетное мнение, тем самым снимая с себя ответственность за высказанную мысль (о красоте: «Спенсер определяет красоту...»; об интеллигенции: «есть и другое мнение...» и т.д.). Чаще всего ему удаётся поставить себя на «нужную высоту»: «вы – умный, искреннее слово! Это ясно хотя бы из того, как вы умело молчите» [XXII, 155].

Через несколько лет общения с Самгиным его видят совсем иначе:

Варвара: «Ты не сделаешь карьеры, потому что бездарен <...>» [XXIII, 35];

Лютов: «Мне кажется, ты не меня, а себя убеждаешь в чём-то <...>» [XXIII, 316];

Макаров: Самгин – «аппарат не столько мыслящий, сколько рассуждающий» [XXIV, 42].

Конечно, так называемый «естественный» коммуникативный акт и коммуникативный акт в любом тексте не идентичны. В художественном мире произведения нельзя обойти вниманием присутствие автора – создателя текста. Оба возможных варианта передачи сообщения усложняются присутствием автора художественного мира произведения: искусство «<...> использует наличие обеих коммуникативных систем для осцилляции в поле структурного напряжения между ними»¹⁰². Поэтому многие мысли приобретают новое звучание благодаря авторским ремаркам. Чаще Самгин раскрывается бессозна-

¹⁰² Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 40.

тельно, и даже во время своих внутренних диалогов он пытается уйти от этих непосредственных мыслей, объяснить разумно-приличными доводами искренность спонтанных ощущений. («Нет у меня своих слов для голоса души, а чужими она не говорит», – придумал Самгин» [XXII, 407]; «Эта неприятная поправка потребовала объяснения, – Самгин тотчас нашёл его <...>» [XXIII, 138].

В этом и подобных эпизодах определяющую роль играет авторский комментарий. В реальной коммуникативной ситуации по схеме «Я» – «Я» дополнительным кодом, меняющим не только объём, но и качество информации, является рефлексия человека, прямые и косвенные ассоциации и т.п. В художественном тексте таким кодом становится авторский комментарий. Он характеризует мыслительные, психические, эмоциональные и прочие процессы, происходящие внутри сознания «автокommуниканта». Автор акцентирует внимание читателя на некоторых эпизодах, маркирует определённые состояния коммуниканта, делает явным то, что не может быть видным из «чистого», некомментируемого автодиалога. Переоценка смысла возникает в момент, когда код начинает использоваться как сообщение, а сообщение как код, то есть когда «текст переключается из одной системы коммуникации в другую»¹⁰³. Так автор направляет восприятие читателя в соответствии с собственным художественным замыслом. Благодаря авторским ремаркам и определённой композиции эпизода, читатель понимает механизм размышлений Самгина, и понимает, как «диалог» о народе с самим собой последовательно привёл его к выводу о том, что класс – это «мальчик, которого не было», так как «ничего своеобразного в этих людях – нет, просто [он] несколько отравлен марксизмом» [XXII, 381].

¹⁰³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 40.

Один из таких споров происходит у Самгина после наблюдения им шествия рабочих-зубатовцев к памятнику царю Александру II Освободителю. Самгин впервые воочию увидел не толпу, а класс как устойчивую социальную группу, имеющую общие интересы и ценности: «“Класс”, – думал он, вспоминая, что ни в деревне, когда мужики срывали замок с двери хлебного магазина, ни в Нижнем Новгороде, при встрече царя, он не чувствовал раскольничьей правды учения о классовой структуре государства» [XXII, 378].

В этом эпизоде и в эпизодах, упомянутых им, Клим присутствует в качестве зрителя. Эта деталь уточняет не только нахождение Клина в пространстве, но и указывает на мироощущение. Так, например, фраза «Самгин стоял в группе зрителей на крыльце Исторического музея» подчёркивает – историю он не делает, а лишь наблюдает. Авторские ремарки усиливают это ощущение: Самгин «всматрива[лся] в бесконечное мельканье лиц», «уговаривал себя, <...> глядя [на толпу]». Эмоционально завершает картину панорамное описание шествия, где «у монумента спасителям Москвы тоже сгрудилось много зрителей, Козьма Минин бронзовой рукою указывал им на Кремль, но они стояли неподвижно» [XXII, 380]. Такая недвусмысленная расстановка акцентов (Спасители Москвы – деятели vs. зрители – созерцатели) обнаруживает авторское отношение к феномену «зритель».

В 1917 году Горьким был написан небольшой по объёму очерк «Зрители», где резко отрицательное отношение к равнодушию, жестокости и трусливости зрителей-созерцателей чётко обозначено. Ещё более резко негативная оценка зрителей звучит в статье «О “зрителях”»¹⁰⁴ (1933): «Существует международное племя чело-

¹⁰⁴ Литературная газета. 1933. № 50 (29 октября) // <http://gorkiy.lit-info.ru> – 12.11.2009.

векоподобных – зрители». Вообще, Горький неоднократно употреблял это понятие в подобном контексте: «Между прочим» / Мелочи, наброски и т.д. (1895-1896), «Несвоевременные мысли» / Заметки о революции и культуре (1918), рассказ «Пожарь» (1924), воспоминания «О войне и революции» (1924), цикл очерков «По Союзу Советов» (1928-1929), очерк «День в центре культуры» (1930), статья «О пьесах» (1933), рассказ «Шорник и пожар» (1934). «Зрители» в понимании Горького – символ всяческой пассивности. Писатель неоднократно упоминает как зрителей на страницах «Жизни Клима Самгина» разных героев: Лютова, Лидию Варавку, Дмитрия Самгина, Ивана Дронова, Варвару, Кумова и других. Все эти герои – «выломившиеся» из своей среды люди – схожи с Самгиным в этой вольной или невольной пассивности. Все они предпринимая попытки осуществлять какую-либо деятельность – и все терпят в этом стремлении поражение. Зрителями, созерцателями эти герои (наряду с Самгиным), становятся и в бытийном, и в социальном, и в коммуникативном планах.

«Зрителями» были и родители Самгина. С детства он находился в среде, нацеленной не на продуцирование истин, а на их получение: в доме Самгиных за новыми мыслями и веяниями следовали, но не создавали их. Споры всегда отражали состояние текущей жизни в стране, и всегда были попытки найти среди донесшихся в городок идей правильную, истинную, и ей следовать. У Самгина было стремление рационально построить себе «систему фраз», получить истину в готовом виде, но без иррациональной уверенности в идее он не смог этого сделать.

«Зрительство», наблюдение становится почти профессией Клима. Самгин почитает своей обязанностью бывать на разного рода собраниях. Он посещал «два-три таких дома, именуя их про себя “странноприимными до-

мами”». В этих «гнездилищах словесных ужасов» бывали «молодые адвокаты, земцы из провинций, статистики; горячились студентки и курсистки, мелькали усталые и таинственные молодые люди» [XXII, 405]. Проведя день на Красной площади, вечер он застаёт в одном из таких домов «мыслящей интеллигенции».

Самгин – зритель, а не действователь истории. В эпоху назревания социальных катаклизмов действовать – значит не только производить какие-то физические, волевые действия, но и продуцировать Мысль, Идею. Самгин не воспринимал себя как действователя первого типа, но имел претензии на статус мыслителя. То, что он не создаёт принципиально нового, не *действует*, он начинает осознавать в одном из таких «странноприимных домов», где у него происходит разговор с Варварой, когда-то боготворившей Клима, а теперь утверждающей: «Ты становишься недостаточно личным человеком, ты идёшь на убыль» [XXII, 399]. Эта беседа вкупе с увиденным днём шествием дала Самгину толчок для размышлений, во время которых и происходит один из первых наиболее откровенных споров с самим собой.

“Вся наша интеллигенция больна гипертрофией критического отношения к действительности”.

“Возможно, что я тоже заразился этой болезнью, – подумал Самгин. – Заразился, и отсюда – всё”.

Подумав, он быстро нашёл “но”.

“Но если я болен, то, в отличие от других, знаю – чем”.

А в следующий момент он подумал, что если он так одинок, то это значит, что он действительно исключительный человек.

Автокоммуникация направлена на расширение информационного поля не за счёт получения новых сведений, а за счёт внутренних факторов – мыслительной и эмоциональной работы. Автокоммуникация продуктив-

на, когда основной интенцией автокоммуниканта является выяснение истины через честный разговор с собой. В данном случае такой интенции нет. И это позволяют увидеть не только авторские ремарки: Самгин «быстро нашёл “но”», «он действительно исключительный человек», но и организация логики мыслительного процесса Клина.

Самгин размышляет: интеллигенция больна – Самгин, безусловно, интеллигент – соответственно, он тоже болен – но в противовес другим, сознаёт это – сознаёт и своё одиночество – одиночество плохо вообще – но плохо для обычного человека – для него хорошо – потому что он исключительный – поэтому можно утешиться.

Таким образом, реплики-мысли Самгина, взятые «в чистом виде», без авторских комментариев, также дают картину запутавшегося в самом себе человека, который пытается привести к одному знаменателю свой мыслительный и эмоциональный опыт. Однако эти попытки в данном случае обречены на провал, так как здесь страсть к истине заслоняется страхом истины.

В силу уверенности в своей исключительности, Самгину казалось, что адекватного ему собеседника среди людей – нет. В реальных спорах Самгин был просто безмолвным присутствующим. А в спорах с самим собой не нашёл голоса, которому бы мог довериться. От каждой реплики, произнесённой в его памяти тем или иным героем, он отмахивался, чувствуя, что «в чём-то перерос [людей здравого смысла]» [XXII, 349], старался забыть, дискредитировать (О Марине Зотовой: «В старости она будет такая же страшная, как Анфимьевна... И жалкая такая же...» [XXIII, 139]) и т.п.

Клим не мог найти равного «внутреннего» собеседника, поэтому его автокоммуникация не состоялась. Самгин не пришёл к логичному выводу о том, что «болезнь» нужно «лечить», так как его интенцией изначально был

не поиск истины, а поиск оправдания своей «болезни», болезни исключительности.

Самгин, изначально имевший ценностную установку на социализацию, и не решавшийся мыслить свободно и самостоятельно, не смог и полноценно строить коммуникацию внутри себя. Такая «исключительность» (отсутствие качества) – следствие неорганичности сознания, своеобразный «минус-приём». Приобрести веру рациональным путём невозможно. Однако любая пустота требует заполнения, и Клим не оставляет попыток заполнить её. Такие стремления неоднократно описывались в художественной литературе.

Здесь можно провести параллель даже с таким далёким от проблематики «Самгина» романом П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (1985), герой которого, Жан-Батист Гренуй, будучи исключительным именно в силу отсутствия у него одного «обязательного» для человека качества – запаха – получает способность впитывать в себя все запахи мира. Осознавая свою «неполноценность», он пытается стать «как все»/социализироваться, и для этой цели пытается создать *свой* запах. Не останавливаясь даже перед человеческой жизнью, он создаёт идеальный запах, привлекающий к нему людей. Однако люди, испытывая непреодолимое желание прикоснуться, взять себе частицу идеального запаха, в конце концов растерзали его обладателя. Таким образом, попытка искусственно заполнить лакуну заканчивается полным крахом. Так же Самгин, не имея внутренней необходимости быть носителем или создателем Мысли, не оставляет попыток хотя бы казаться таковым.

Через несколько лет Самгин вновь пришёл к необходимости решить вопрос о своём месте в обществе. За эти годы он пережил несколько серьёзных духовных кризисов, связанных и с личными неурядицами (смерть отца

в Выборге; любовная связь с Варварой Антиповой, её аборт; любовная связь с Никоновой, которая оказалась жандармским осведомителем), и с социальными проблемами (арест Самгина, допрос в полиции и предложение стать осведомителем; студенческие волнения возле Манежа; сцены крестьянских грабежей и страх перед мужиками во время поездки в деревню и Кровавого воскресенья; и, наконец, революция 1905 г., в которой Клима стал невольным участником).

Такую необходимость на протяжении десятилетия исподволь озвучивали разные герои: прислуга Анфимьевна о Самгине и его окружении – «Чужого бога дети» [XXII, 273]; сам Самгин во время революции 1905 года – «Пускай вспыхнут страсти, пусть всё полетит к черту, все эти домики, квартирки, начинённые заботниками о народе, начётчиками, критиками, аналитиками...» [XXIII, 13]; Макаров в диалоге о большевиках: «Так вот, Самгин, мой вопрос: я не хочу гражданской войны, но помогал и, кажется, буду помогать людям, которые её начинают. Тут у меня что-то... неладно» [XXIII, 17]. Таким образом, ощущение духовного и мировоззренческого кризиса интеллигенции «витало в воздухе», и уже начинало формулироваться как проблема не только самой интеллигенцией, но и более широкими слоями общества.

Поэтому следующий виток рассуждений Климита схож с мыслями десятилетней давности:

«Думать о мыслях легче и проще, чем о фактах».

Эта неприятная поправка требовала объяснения, – Самгин тотчас нашёл его:

«Таково свойство интеллигенции вообще. Вернее – это качество интеллекта... не омрачённого, не подавленного впечатлениями бытия».

А вместе с этим он думал:

«Устал я и бездарно путаюсь в каких-то мелочах <...>» [XXIII, 138].

Однако последняя реплика показывает, что определённые сдвиги в сознании Самгина произошли. Это связано и с накопленным жизненным опытом («Возраст охлаждает чувство. Я слишком много истратил сил на борьбу против чужих мыслей, против шаблонов» [XXIII, 138]), и с полуосознанным разочарованием в своей нравственной чистоплотности («Жандармы всем предлагают служить у них, предлагали и мне» [XXIII, 138]).

В противовес вышеописанному акту автокоммуникации с его бравурным выводом о собственной исключительности, в последнем разговоре присутствует осознание своей заурядности. Тем не менее, автокоммуникация срывается, так как разговор не превращается в полноценный диалог с самим собой: среди произнесённых Самгиным реплик нет ни одной, к которой бы он отнёсся как к авторитетной. Авторитетность же собеседника необходима для успешной коммуникации, для продуцирования ответных реплик. Самгин подспудно понимает это, понимает, что ему нужен собеседник, которому он может довериться, *поверить*. Скорее всего, поэтому спор подытоживает возглас Диомидова, прозвучавший в памяти Самгина: «Ничему не верите, а – чего ради не верите? Боятесь верить, страха ради не верите! Осмеяли всё, оголились, оборвались, как пьяные нищие...» [XXIII, 138]. Думается, что такой подсознательный итог, который Самгин не формулирует как вывод, неслучаен.

Именно в неверии заключается суть его проблемы: Клим чувствовал, что не может найти в жизни точку, которая бы притягивала [его] всего целиком» [XXIII, 166]. Неверие как проблему осознавали и другие писатели эпохи слома времён. Так, герои романа «Циники» (1928) А. Мариенгофа – Ольга и Владимир – остро ощущают безверие как отсутствие «точки», пустоту. На излёте оттошений – и в разгар революции – между ними происходит следующий диалог:

«– Владимир, верите ли вы во что-нибудь?»

– Кажется, нет.

– Глупо. <...> Самоед, который молится на обрубок пня, умнее вас... <...> ... и меня»¹⁰⁵.

В конце диалога – вывод: верить нужно обязательно, «во что угодно, но только верить! <...> Иначе...»¹⁰⁶. Однако осознание проблемы уже не спасает: героиня кончает жизнь самоубийством.

Самгин накануне революции, ещё не познав опасность безверия, распада личности, принял его за интеллектуальную и духовную «сложность», «свойство людей исключительно одарённых, разнообразно талантливых» [XXIII, 166]. И он действительно исключителен – именно в силу своей заурядности, отсутствия «точки». Клим воспринимал её как нечто внешнее, как «систему фраз», как условие востребованности в обществе. Время, в котором жил Самгин, диктовало свои условия, и для успешной социализации человек должен был стать носителем какой-то Идеи, Мысли. Сначала это было народничество, потом – марксизм, декаданс, ницшеанство и прочее. Но все эти идеи требовали одного: служения. Точка, которая должна была притягивать «всего целиком» – это вера.

Эта мысль высказывается прямо некоторыми из героев: например, философ Томилин говорит: «У нас все стремятся веровать. Всё равно во что, хотя бы в спасительность неверия. Во Христа. В химию. В народ. А стремление к вере – есть стремление к покою. У нас нет людей, осудивших себя на тревогу независимой работы мышления. <...> Нет людей, которым истина была бы нужна ради неё самой, ради наслаждения ею. Я повторяю: человек хочет истины, потому что жаждет покоя. Эту жажду вполне удовлетворяют так называемые науч-

¹⁰⁵ Мариенгоф А.Б. Циники. М., 1991. С. 99.

¹⁰⁶ Там же.

ные истины<...>» [XXI, 167]. Эта мысль сквозит и в разговорах о идейных течениях: в народ *верят*, марксизм *исповедуют*, идею принимают на веру – *всю целиком* и пр.

Следующая (и, по существу, последняя) попытка автокоммуникации произошла вскоре, но за это время Клим ещё приблизился к духовному кризису. За это время он испытал несколько новых «уколов» действительности: его окружение считало его революционером, то есть тем, кем он на самом деле не являлся. Случайно встреченный старый знакомый Дронов высказывал эту уверенность: «Приехал агитировать, да? За эсдеков?» [XXIII, 145]; «Разумеется, я понимаю: конспирация!» [XXIII, 160]. Вторит ему и Дуняша Стрешнёва: «Я знаю, что тебе трудно, но ведь это – ненадолго, революция – будет, будет!» [XXIII, 156]. Не испытывает иллюзий по поводу его политических пристрастий лишь Марина Зотова: в одной из бесед она сказала Климу Ивановичу о Глебе Успенском (но имея в виду и Самгина), что тот «чувствовал себя жертвой миру» [XXIII, 164].

Произошло за это время ещё одно значимое для осознания Самгиным своего духовного кризиса событие. Он стал свидетелем сцены с участием обезумевшего поручика Трифонова, попутчиком которого Клим был незадолго до этого, и который испытывал острую боль от своего положения подневольного: он вынужден был подавлять народные волнения, производить массовые наказания, чего не чувствовал себя вправе делать. Душевный кризис довёл поручика до сумасшествия, и он устроил сцену в буфете театра, где собрались те, кого он вынужден был защищать. И это собрание не могло не поразить своим пустословием, что и озвучил Трифонов: «Защищать такую шваль, а она...» [XXIII, 149]; «Делают революцию, потом орут, негодяи, – защищай!» [XXIII, 150]. Эта сцена оказала глубокое эмоциональное воздействие

на Клима: «Поручик пьян или сошёл с ума, но он – прав! Возможно, я тоже закричу. Каждый разумный человек должен кричать: “Не смейте насиловать меня!”» [XXIII, 150]. Здесь Самгин формулирует мысль о «виновнике» своего кризиса: общество, действительность, давления которых он не может вынести без ущерба для себя. Причины же он пока найти не может, хотя в разговоре с собой приближается к мысли об отсутствии веры. Он даже бессознательно использует религиозные термины, сравнения (далее – выделено курсивом. – А.М.).

«Что может быть нелепее, смешнее *атеиста*, который ходит в церковь и *причащается?*», «О *причастии* говорила Дуняша...», «*Причаститься* – значит признать и почувствовать себя частью некоего целого, отказаться от себя. Возможно, что это воображается, но едва ли чувствуется. Один из самообманов, как “любовь к народу”, “классовая солидарность”», «[Степан Кутузов] – делает, “делающий – это *верующий*”» [XXIII, 167].

Пожалуй, это одна из удачных попыток автокоммуникации в том смысле, что Климу удалось подойти к наиболее честному выводу. Итог спора однозначен, хотя и неутешителен: «Ты делаешь, не *веря*. Едва ли даже ты ищешь самозабвения. Под всюю путаницей твоих размышлений скрыто живёт страх пред жизнью, детский страх темноты, которую ты не можешь, не в силах осветить. Да и мысли твои – не твои. Найди, назови хоть одну, которая была бы твоя, никем до тебя не выражена!» [XXIII, 167]. Климу удалось выявить причину своих неудач. Однако, осознав проблему, он вновь не смог определить её, «диагностировать» болезнь: «Заболеваю или выздоравливаю?» [XXIII, 167]. Поняв, что проблема – в отсутствии веры, он не пришёл к её конструктивному решению: «Безмолвная ссора продолжалась...» [XXIII, 167].

Таким образом, кризис автокоммуникации, невозможность разговора с собой происходит из-за кризиса веры – из-за отсутствия авторитетного собеседника, которому можно довериться. В этой роли могла выступать Идея, и Бог как Создатель Идеи. Общение в тексте «Самгина», так же, как и у Достоевского, как бы лишается своего «реального тела и хочет создать его произвольно из чистого человеческого материала»¹⁰⁷. Это стремление суть форма социальной дезориентации интеллигенции, у которой нет прочной основы и которая вынуждена ориентироваться в мире «в одиночку за свой страх и риск»¹⁰⁸. Осознав для себя актуальность поиска нового Бога – Идеи, основанной в большей мере не на объективном знании, а именно на вере¹⁰⁹, он уже не мог найти такую Идею.

Привычная ориентация на коммуникацию по каналу «Я» – «Он» (поиск Идеи – поиск нового источника информации) затрудняла творческое начало, обрекая на поиск мысли вовне. Дробление личности, её сознания и осознания себя становится элементом нормального бытия горьковского героя. Внешняя, «головная», традиционная установка на коммуникацию типа «Я» – «Он» и направляла на поиск готовой «системы фраз». Внутренняя же, невысказанная потребность Клима в продуцировании своей «системы» (автокоммуникация, канал «Я» – «Я») была нетипична для массового сознания в XIX веке.

¹⁰⁷ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М., 1994. С. 171.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Широко известны попытки Горького дать миру новую религию, основанную на вере в Человека. Он не был пионером в этом вопросе: Г. Спенсер, И. Фихте, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше дали великолепную философскую основу для создания новых богостроительских концепций. Воззрения этих философов сыграли большую роль в завоевании умов общественности задолго до революции, оказали влияние и на формирование собственной системы взглядов Горького, гуманизм которого нёс в себе бунтарские и богостроительские черты.

Проблема Самгина, и, шире – интеллигенции – в утрате духовно-нравственных, национальных ориентиров, которые заменялись беспрестанно сменяемыми социально-политическими и экономическими доктринами. Обращение лишь к социальной составляющей жизни обедняло её, выхолащивало, что не могло не сказаться на всём облике интеллигенции, на её «коллективном портрете», типическим воплощением которой стал Самгин.

Перед каждым вставал вопрос самоопределения, который задавали себе и Андрей Старцев (центральный персонаж романа К. Федина «Города и годы»), и интеллигент – боец Красной армии (герой «Конармии» И. Бабеля), и герои ранних Б. Пильняка и Вс. Иванова.

Этот вопрос стал итогом противоречий внутри каждого человека. Неверие и поиск веры, поиск позитивной основы для построения своего «Я» и отрицание «старых» истин выходят за рамки личного и становятся тотальным общественным кризисом. Отрицание происходит в самых разных сферах – литературе («Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч., с парохода современности»¹¹⁰), в государственном устройстве («Отречёмся от старого мира») и пр. Коммуникация по каналу «Я» – «Он» исчерпала себя, переход на другой тип коммуникации был затруднён излишней социализированностью российского общества. Провал коммуникации происходит на всех бытийных и бытовых уровнях – на индивидуально-личностном, семейном, общественном. Коммуникативный кризис начинается с невозможности договориться с самим собой. Попытки создания новой религии, нового Бога, Бога-человека, привели к потере веры вообще.

¹¹⁰ Бурлюк Д., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. Литературный манифест футуристов. Пощёчина общественному вкусу // Соколов А.Г., Михайлова М.В. Русская литературная критика конца XIX – начала XX века: Хрестоматия. М., 1982. С. 347.

1.4.3 Три допроса Самгина: три ступени самопостыжения героя и автора

Официальное самодержавие, обладавшее властью, но не обладавшее «правом проповеди»¹¹¹, не имело популярности в среде интеллигентов, подобных Самгину. Между двумя революциями нелюбовь к самодержавию воспринималась как «старинная будничная привычка, как чай пить» [XIV, 267]. Для того чтобы показать носителей идеи «самодержавия-православия-народности», автору приходится изображать ситуации общения, становящиеся, как правило, вынужденными для одной из сторон. Горький в этом случае несколько раз использует жанровую форму допроса, в котором дискредитируется сама идея свободного обмена информацией.

Всего эпизодов допроса в тексте «Самгина» три, и все они представлены во втором томе, посвящённом преимущественно изображению процесса нарастания революционной ситуации в стране. Первые два допроса происходят примерно в одно и то же время – в конце 1890-х гг., во время интенсивной политической борьбы. Это был период, когда многие решали, «с кем» они, то есть определялись с общественно-политической позицией. Этот период совпал с периодом становления личности Клина – молодого студента, которому также пора было «определиться».

Два первых допроса имеют сходную схему. Самгин попадает в тюрьму и на допрос не благодаря своей деятельности революционера (которой не было), а из-за топонимической близости к революционерам (общий дом –

¹¹¹ Под «правом проповеди» здесь (вслед за А.Д. Степановым) понимается признаваемое другими право (моральное, интеллектуальное, этическое и пр.) на «проповедь» своей точки зрения, своей идеи. Подробнее об этом см.: Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.

в Петербурге и на родине Клина) или родственных/приятельских отношений с ними. Позиционирование себя как революционера «не по натуре, а по долгу чести» заставляло Самгина оказывать помощь «мастеровым революции» (помощь заключалась преимущественно в передаче корреспонденции, информации и т.п.). Клима выглядел в глазах обывателей близким к революционным кругам благодаря подобной деятельности и природной скрытности, осторожности.

Коммуникативной целью допроса¹¹² (как и других юридических речевых жанров) всегда является «восстановление фактов, реконструирование ситуации в прошлом или выяснение частных обстоятельств, которые могут прояснить эту ситуацию»¹¹³. Становится ли «выяснение фактов» и «прояснение ситуации» главной коммуникативной целью в эпизодах с допросами Клина?

Если даже просто перечислить вопросы, задаваемые Самгину на допросе, становится ясно, что допрашивающие обладают достаточным количеством фактов, чтобы «ситуация» (на первом допросе – поиски большевика Кутузова, на втором – революционная деятельность Любаша, на третьем – выступления Самгина с докладами по поводу Кровавого воскресенья) была для них достаточно ясной. Из того же ряда вопросов можно заключить, что истинной целью как самого допроса, так и создания подобной коммуникативной ситуации является нечто другое.

На первых двух допросах можно проследить примерно одинаковую логику беседы, несмотря на то, что ве-

¹¹² «Допрос – опрос на следствии или суде (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) для выяснения обстоятельств дела, преступления» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 171).

¹¹³ Степанов, А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 90.

дуются они разными людьми и в разных городах (первый допрос состоялся на родине Клима, второй – в Москве).

Сначала следуют так называемые «фатические» вопросы и реплики, призванные установить контакт между собеседниками. Предметом таких разговоров служит погода («Осень-то как рано пожаловала» [XXII, 83]), вопросы о самочувствии и настроении («Скучали?» [XXII, 203]), предложение присесть и закурить.

Далее следуют маленькие «речи» о личных мотивах службы в охране (ротмистр Попов «пошёл в жандармы по убеждению в необходимости охранять культуру, порядок» [XXII, 85]; полковник в московской жандармерии: «Я, по совести, делаю любимое мною дело охраны государственного порядка <...>» [XXII, 204]). Можно увидеть и другие, почти идентичные друг другу высказывания обоих жандармов. Так, они почти одинаково противопоставляют себя как носителей власти и революционеров в отношении к интеллигенции: «<...> не в наших интересах раздражать молодёжь, да и вообще интеллигентный человек – дорог нам. Революционеры смотрят иначе: для них человек – ничто, если он не член партии» [XXII, 85]; «<...> власть – гуманна, и не в её намерениях увеличивать количество людей, не умеющих устроиться в жизни, и тем самым пополнять кадры озлобленных личными неудачами, каковы все революционеры» [XXII, 205].

Также оба допрашивающих высказывают симпатию по отношению к изъятым запискам Клима:

«<...> оч-чень интересно! Зрелые мысли, например: о необходимости консерватизма в литературе», «<...> особенно и приятно порадовала меня замечка о девчонке, которая крикнула “Да что вы озорничаете”. И ваше суждение по этому поводу – очень, очень интересно!» [XXII, 83].

На втором допросе: «По долгу службы <...> прочитал заметки ваши <...> и, признаюсь, удивлён! Как это

выходит, что вы, человек, рассуждающий наедине с собою здраво и солидно, уже второй раз попадаете в сферу действий офицеров жандармских управлений?»; в записках «совершенно ясно выражено ваше отрицательное отношение к политиканам <...>» [XXII, 204].

Обоими жандармами используются определённые каноны, включающие в себя психологические приёмы воздействия, моделирование коммуникативной ситуации, направленной на достижение цели. Можно заключить, что допрос, по своей сути являющийся информативным жанром, выполняет в тексте «Самгина» иные коммуникативные функции.

Приёмы, применяемые жандармами по отношению к Самгину, работают и в ситуациях с другими допрашиваемыми. Современные авторы, изображающие в своих произведениях события прошлых веков, с успехом используют тот же жанровый канон. Такова сцена допроса чиновника Александра Ларионова в романе М. Шишкина «Всех ожидает одна ночь»¹¹⁴. Ситуация допроса в этой книге почти одинакова с ситуацией допроса Самгина. Ларионов – человек, которого безуспешно пытаются привлечь к антимонархической деятельности. И, разделяя свободолобивые убеждения пропагандиста Степана Ситникова на словах, на деле он не готов участвовать в свержении монархии. Поэтому, когда полковник Третьего отделения Маслов в беседе стал провоцировать Ларионова на откровенный разговор, первой реакцией того был испуг. Тем более, что коммуникативная тактика Маслова была направлена именно на такую реакцию. Так же, как в разговоре с Самгиным, Ларионова успешно запугивают: «Я здесь уже неделю и про вас, например, знаю уже очень много, больше, чем вы можете подумать.

¹¹⁴ Шишкин М. Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова. М., 2007. С. 280-292.

У господина Булыгина, казанского жандармского офицера, есть про вас очень интересные сведения, и про ваш образ мыслей, и про разные ваши высказывания. Вы, верно, даже не догадывались об этом, признайтесь?»; «Всё это, к сожалению, очень серьёзно»¹¹⁵.

В обеих ситуациях, по задумке власть предержащих, жандарм призван был не просто запугать Ларионова и Самгина и тем самым привлечь на свою сторону, а убедить их во внутренней близости к тем, кого он считает своими врагами. Сходные цели имел и подполковник Чандвеецкий при допросе Александра Грацианского, одного из героев «Русского леса» (1953) Л. Леонова¹¹⁶: он применил старинные приёмы полицейского оболъщения, имея в виду приручить пылкого, пока необъезженного мальчика»¹¹⁷. В свою очередь, оказавшись на допросе, молодой человек – идейный вдохновитель молодёжной политической организации «Молодая Россия», реагирует на вопросы допрашивающего так же, как реагировал Самгин: он испытывает страх, но пытается бравировать. На предложение о сотрудничестве отвечает резким отказом. В то же время не может не отметить того, что Чандвеецкий верно подметил основу характера Грацианского: «<...> вы хотите жадно и много, но мнимые таланты ваши исчезающе мелки, людей вы знаете по романам <...>. Кроме того, вы мнительны и физического страдания боитесь больше любого позора»¹¹⁸. Весь допрос почти повторяет допрос Самгина: одинаковые интенции допрашивающих противопоставляются одинаковым реакциям допрашиваемых: первые используют традиционные для жанра допроса (являющего вынужденной коммуникаци-

¹¹⁵ Шишкин М. Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова. М., 2007. С. 286.

¹¹⁶ Леонов Л. Русский лес. М., 1991.

¹¹⁷ Там же. С. 363-364.

¹¹⁸ Там же. С. 371.

ей) приёмы, вторые пытаются вести себя так, как в их представлении должны себя вести «честные люди»: не показывать страха, не идти на сотрудничество, выказывать вежливое презрение. В данном случае со стороны Самгина и Грацианского происходит ориентация на авторитетных Степана Кутузова и Валерия Крайнова – профессиональных революционеров. Грацианский даже формулирует эту тенденцию: «Вдруг представилось ему, насколько достойней и жёстче вёл бы себя Валерий в подобном разговоре»¹¹⁹. Коммуникативные схемы во всех трёх допросах почти идентичны. Следующие допросы как бы продолжают, дополняют эту схему.

Между первым обыском и первым же допросом проходит несколько дней, и Клим успеваеt почувствовать отношение горожан к себе как революционному деятелю: Самгин «заметил, что на улицах и в городском саду незнакомые гимназистки награждают его ласковыми улыбками, а какие-то люди смотрят на него слишком внимательно» [XXII, 81]. Автор акцентирует внимание читателя на том, что Самгину далеко не безразлично отношение к нему, как к герою. Любопытство окружающих особенно навязчиво выражал Дронов: «он назойливо допрашивал:

– Значит, и ты причастен?» [XXII, 82]. Клим «не мог не чувствовать, что отношение это приятно ему» [XII, 81], но и опасался, как бы не пришлось «заплатить за внимание чересчур дорого» [XXII, 82]. Клим перед допросом настроился «героически», собираясь сказать «нечто внушительное, например:

“Прошу не толкать меня туда, куда я сам не намерен идти!”» [XXII, 82].

Но подспудная неоднозначность его внутреннего состояния выражается в следующей сразу за «героиче-

¹¹⁹ Леонов Л. Русский лес. М., 1991. С. 367-368.

ской» репликой пейзажной зарисовке: в жандармское управление Клим шёл «среди мокрых домов», где «метался тревожно осенний ветер, как будто искал где спрятаться <...>» [XXII, 82].

Такие «ножницы» между видимым и действительным создают неоднозначность положения Самгина. С одной стороны, он, по сути – обычный образованный гражданин страны. С другой – претендует на большее значение в обществе, поэтому позволяет думать о себе как о «комитетчике», хотя и не желает нести за это наказание. Отсюда возникает несоответствие поведенческих реакций Самгина и его внутренних ощущений.

Хотя допрашивающий находится в позиции «над» собеседником, во всех трёх вопросах Клим чувствует себя сильнее собеседника: интеллектуальный уровень допрашиваемого выше. У него притуплялось ощущение опасности, так как «он чувствовал себя умнее жандарма, и поэтому жандарм нравился ему своей прямолинейностью, убеждённой <...>», и «тонко развитое чувство недоверия к людям подсказывало ему, что жандарм во все не так страшен, каким рисует себя» [XXII, 205, 206]. Неоднократно на реплики ротмистра Попова (допрос в родном городе) или жандарма (допрос в Москве) у Самгина возникают подобные «реплики в сторону»: «Льстит, дурак, подкупить хочет»; «Вот скотина»; «Неумён». Но эти реплики возникали в его голове в ответ на фразы, близкие ему самому, то есть тогда, когда допрашивающий угадывал мысли, ощущения Самгина. Так, экспрессивная окраска внутренних ответов Самгина приобретает негативный оттенок, когда на первом допросе ему указывают на соответствие духа его записок духу консервативному. На втором допросе, когда Клим ощущает умственное превосходство, Самгин характеризует полковника, угадывает приёмы, которыми жандарм собирается на

него воздействовать (офицер «именно отеческим тоном стал уговаривать:

– Нет, нам надо решить: мы или они?» [XXII, 206]).

Поэтому эти оценочные ответные реплики – один из способов самозащиты, своеобразная маска, которую Клим надел, чтобы скрыть себя... от самого себя.

Через весь первый допрос рефреном проходят мысли Самгина о ротмистре. Дело в том, что незадолго до допроса Дронов так рекомендовал Попова: «жена <ротмистра> живёт с полицейским врачом, а Попов за это получает жалование врача». Ротмистр «так скуп, что заставляет чинить обувь свою жандарма, бывшего сапожника» [XXII, 81].

Эта характеристика создала в воображении Клима определённый образ жандарма – недалёкого и скупого, и соответственно создало настрой на будущую беседу. На самом же допросе Клим слышал «слова, очень понятные» ему и не мог не признать, что некоторые мысли ротмистра справедливы и близки ему. Поэтому он постепенно меняет отношение к жандарму. По-прежнему считая офицера недалёким, он видит его добродушие и справедливость высказываний. Это вызывает ответные (конечно, внутренние, «про себя») оценки (и переоценки) личности Попова: «Вероятно, Дронов наврал о нём и его жене»; «Конечно, Дронов налгал о нём» [XII, 85].

В чём сила допрашивающего? Во-первых, в самой ситуации допроса, когда допрашивающий по определению находится в более выгодной позиции по отношению к ответчику, во-вторых – в наличии у полковника более чёткой и «законной» «системы фраз». У Самгина, по сути, та же «система фраз». Но она скрыта. Поэтому происходит диалог двух союзников, а собеседников не двое, а трое: 1-й – допрашивающий, 2-й – Самгин реальный и 3-й – Самгин виртуальный (Самгин своих записок, фигурировавших в допросе как виртуальные оппоненты Сам-

гину реальному). Допрашивающий в этом случае исполняет функцию некоего «медиума», посредника, который озвучивает написанное Самгиным и тем самым выводит внутренний диалог-спор между Самгиным мысли и Самгиным дела на внешний уровень. Внутренняя борьба становится реальной борьбой, реальным диалогом. Сам Самгин устраивает себе допрос с пристрастием, определяя для себя, «с кем» он. Но высказаться откровенно не может благодаря пресловутому «долгу чести», долгу интеллигентного человека служить «делу свободы», внушённому ему с детства. Поэтому нужна фигура «законного» носителя консерватизма, который озвучил бы, интерпретировал записки Самгина для него самого и для читателя, оформил бы словесно истинное мироощущение Клина. Самгин реальный – не хочет истины, которая кажется ему «постыдной», недостойной, Самгин виртуальный посредством озвучивания жандармом записок Клина и их прямолинейного комментирования эту истину уже знает.

Поэтому проповедническая речь жандарма находит подтверждение в мыслях Самгина. Вывод, подытоживший обе встречи: в записках «ясно выражено ваше отрицательное отношение к политикам» [XXII, 205]; «Ваш путь – путь жертвенного служения родине» [XXII, 208].

Проблема Самгина, и, шире – интеллигенции – в утрате духовно-нравственных, национальных ориентиров, которые заменялись беспрестанно сменяемыми социально-политическими и экономическими доктринами. Обращение лишь к социальной составляющей жизни обедняло её, выхолащивало, что не могло не сказаться на всём облике интеллигенции, на её «коллективном портрете», типическим воплощением которой и стал Самгин. Общий настрой совпадает с внутренним настроением Клина. Он понимает, что испуган именно тем, что не оскорблён предложением жандарма служить в тайной по-

лиции. Многолетняя привычка воспринимать полицейских чиновников и саму тайную полицию как учреждение «душителей свободъ» заставляла его считать себя оскорблённым итогом беседы. А совпадение внутреннего состояния Клима с проповедью охранительных идей помогло в очередной раз ощутить дисгармонию между «делом» и «мыслью». Пожалуй, наиболее важный итог допроса в том, что он заставляет Клима приоткрыть глаза на собственное мировосприятие.

Комнаты допроса в обоих случаях описываются словами, характеризующими обычно домашнюю обстановку. Первый допрос: «в светлом <...> кабинете было по-домашнему уютно, стоял запах хорошего табака; на подоконниках – горшки неестественно окрашенных бегоний, между окнами висел в золочёной раме жёлто-зелёный пейзаж, из тех, которые прозваны “яичницей с луком”»: сосны на песчаном обрыве над мутно-зелёной рекою» [XXII, 83]. Внося в описание «по-домашнему уютной обстановки» такие детали, как «неестественно окрашенные бегонии», как пейзаж «яичница с луком», автор даёт читателю ироничную «подсказку»: такое несоответствие должно насторожить и обострить внимание читателя.

На втором допросе «обстановка кабинета была не такой домашней, как у полковника Попова, а серьёзнее, казённой» [XXII, 203]. В любом случае, комната, напоминающая дом, может расцениваться как нечто близкое, родственное Самгину. Об этом же может свидетельствовать посторонняя, на первый взгляд, фраза из какого-то разговора, услышанная Климом во время тюремного заключения: «Да не Оси-лин, дурак, а Оси-нин! Не – люди, а наш...» [XXII, 203]. Эта, казалось бы, совершенно не связанная с основным действием фраза может прочитываться как наполненная особым смыслом, если принять во внимание тот факт, что повествование организовано воспринимающим сознанием главного персонажа. Чут-

кое ухо Самгина уловило именно эту фразу среди множества других, и невольная игра словесных обозначений букв русского алфавита (принятых до реформы 1918 г.) – «не люди, а наш», – скорее всего, подспудно оформила его ощущения – поиск «своих», «наших» для своего «я». Получается, что автор, используя опосредованную характеристику (описание обстановки, фразы, вырванные из контекста и пр.), указывает на бессознательное причисление Климом самого себя к стану «враждебному».

Эти явления обретают определённую в процессе допросов. На первом допросе Клима оказался почти совершенно случайно («Предписание из Москвы; должно быть, имеете компрометирующие знакомства» [XXII, 84]). Случившееся с ним было расценено обществом как «боевое крещение», почти обязательное для людей, стремившихся ощущать себя передовыми для своего века (реакция на обыск у Клима: «Франтоватый адвокат Правдин, скорбно пожав плечами, сказал:

– Судьба всех честных людей России. Не знаем ни дня, ни часа...» [XXII, 81]). Первый допрос только «нащупывает почву» в настроениях Клима, определяет, что автор заметок «о необходимости консерватизма в литературе», о девочке, которая крикнула: «да что вы озорничаете?» – мыслит не как противник существующего порядка.

Финальную часть допроса (свой развёрнутый ответ на вопрос о неприятном ему Инокове, не воспроизведённый автором в тексте) Клима «не любил вспоминать, постарался забыть её» [XXII, 87]. Отрефлексировав собственное состояние после допроса, Самгин отдавал себе, тем не менее, отчёт: «он вёл себя неумело, неловко» [XXII, 87], и неловкость эта заключалась в резкой характеристике Инокова. Привычка к самооправданию заставляла подумать, что «они сами видели, как он [Иноков] груб и заносчив». Но эта сцена психологически подготовила Клима (да и читателя) к следующей сцене допроса,

которая служит своеобразным продолжением первой, её логическим завершением.

Второй допрос, хотя тоже довольно случаен – Клим вновь просто находится рядом с «комитетчиками», не отказывая им, впрочем, в посильной помощи – всё же более определён в смысле осознания Климом своих истинных симпатий. Этот допрос сразу начинается со слов: «Ну-с, так как же?» [XXII, 204], как бы продолжающих уже начатый разговор. На протяжении всей беседы звучит рефреном эта фраза, которую, в конце концов, поясняет жандарм, ведущий допрос: «Нет, нам надо решить: мы или они?» [XXII, 206].

Вопросно-ответная форма диалога в данном случае предполагает, что вопросы задаёт сторона, наделённая властью, и она же моделирует речевое поведение ответчика. Встречи с защитниками «престол-отечества» происходят у главного героя произведения именно в такой обстановке. На допросах используются традиционные формулы вежливости, и соблюдается внешняя канва беседы «на равных»: разговор о погоде, предложение закутить. Но ответы Самгина прерываются, их не дослушивают, тем самым определяя его подчинённое положение. После формального установления контакта жандарм переходит к проповеди законопослушного поведения, используя тривиальные, клишированные формулы убеждения: заверение собеседника в том, что о нём знают «многое, вероятно, всё» [XXII, 205], затем – запугивание исключением из университета, тюрьмой, ссылкой, в итоге – выражение надежды на благоразумие ответчика и предложение «идейного» сотрудничества с тайной полицией. Ответы Клина ожидаемы и «запрограммированы» целой плеядой его свободолюбивых предшественников («В шпионы я не пойду»; «На это я не пойду» [XXII, 207]). Они призваны показать «нравственную высоту» Самгина, и представляют собой скорее не прямые ответы на

вопросы, а оценку («Не понимаю вопроса», «Вы меня оскорбляете» [XXII, 206, 207]). Таким образом, допрос выглядит одним из ряда многих подобных же допросов политической полиции с целью привлечения в свои ряды «информаторов».

Однако подготовленная первым допросом вторая сцена на самом деле – лишь расстановка акцентов в облике Самгина. Не случайно через некоторое время, в беседе с Дроновым – одним из своих «двойников», «родственных душ», которому тоже предлагали службу «в охранке», Самгин заявляет, что «они, кажется, всем предлагают... служить у них», на что Дронов отвечает: «Нет! <...> Честному человеку не предложат! Тебе – предлагали? Ага! То-то! Нет, он [полковник Васильев] знал, с кем говорит, когда говорил со мной, негодяй! Он почувствовал: человек обозлён, ну и... попробовал. Поторопился, дурак! Я, может, сам предложил бы...» [XXII, 619].

Самгин не мог не признать, что «жандарм сделал правильный вывод из его записок» [XXII, 209]. И после допроса Клим испуган не предложением служить в охранном отделении, хотя убеждал себя: «Разумеется, я оскорблён морально, как всякий порядочный человек. Морально» [XXII, 209]. Клим понимал, что «испуган он именно тем, что не оскорблён предложением быть шпионом». Отгоняя от себя эти мысли, Клим долго ещё мыслит себя как будущий идейный центр (с идеей, правда, он так и не определился).

Но в тексте «Самгина» есть ещё одна сцена допроса, которая служит имплицитным завершением идейных исканий Самгина. Всё, о чём он думает и мечтает в последующем – лишь иллюзии, которые, если бы смог быть честным с самим собой, он осознал бы ещё в студенческий период своей жизни.

Узнав о том, что предстоит шествие (для подачи петиции Николаю II) рабочих во главе с Гапоном, Самгин

«представил себе торжественную картину: <...> на площади, перед Зимним дворцом, коленопреклонённая толпа рабочих, а на балконе дворца, плечо с плечом, голубой царь, священник в золотой рясе, и над неподвижной, немой массой людей плывут мудрые слова примирения» [XXII, 542-543]. Ещё недавно Клим был свидетелем патриотического подъёма, произошедшего в народе в начале русско-японской войны 1904-1905 гг. Он не оставил равнодушным и Клим, вновь всколыхнул его надежды на то, что царь произнесёт «какие-то исторические, примиряющие всех со всеми, чудесные слова» [XXII, 489]. «Опускаясь на колени, он [Самгин] чувствовал, что способен <...> бесстыдно зарыдать» [XXII, 488]. Но надежды не оправдались, и Клим «чувствовал себя ещё раз обманутым, но и жалел маленького человечка, который ничего не мог сказать людям, упавшим на колени перед ним, вождём» [XXII, 490].

Третий допрос произошёл уже в 1905 году, после событий Кровавого воскресенья, свидетелем которого стал Самгин. Заключительная сцена допроса не случайно изображена в период накала политической разобщённости в стране, во время «генеральной репетиции» революции 1917 г., это было время переоценки ценностей для каждого. Не нова мысль о том, что многие революционеры и «сочувствующие» отвернулись от революционной деятельности после московского восстания, вблизи увидев то, о чём грезили целые поколения.

И действительность позволила разглядеть и предугадать то, чего не могли при всём желании знать их идейные вдохновители. С одной стороны, надежда на новую жизнь давала широкие перспективы. Свобода понималась очень широко и всяким – по-своему. Поэтому «свободное» будущее ожидалось как время свершений для каждого. Но убедившись в 1905 г. в «бессмысленности» и «беспощадности» русского бунта, определённая (и,

как оказалось впоследствии, весьма прозорливая часть интеллигенции) пророчески утверждала: путь, который может выбрать Россия, и к которому вели страну они сами – это путь, заканчивающийся тупиком.

В «Вехах», представлявших собой квинтэссенцию критического отношения к идеологии и практическим установкам революционной, социалистически настроенной интеллигенции, прямо высказывались страхи за страну, за потерю ею духовности. Провозглашая примат духовной жизни над общественной, «веховцы» впервые открыто противопоставили себя признанной самой прогрессивной идеологии социализма. А чтобы противопоставить себя нескольким поколениям «борцов за свободу», нужно было приложить волевое усилие (даже если допустить, что этой волей двигал страх). Но их глас не оказался гласом вопиющего в пустыне. Не способные на подобные проявления воли, многие интеллигенты чувствовали приближение сил, контролировать которые они не смогут.

Этот страх перед надвигающейся стихией свойственен был и Самгину. События пятого года приоткрыли завесу неизвестности перед будущим, показав один из вариантов сценария, по которому будет развиваться действительность. Не близкие Климю идеи атеистического материализма, политического радикализма, идеализации народа/пролетариата получили (пусть и неполную) реализацию. Самгин боялся не за Россию, а за себя в России. Что, кстати, совершенно естественно и подчиняется основному инстинкту всего живого – инстинкту самосохранения. Этот всеобщий духовный кризис интеллигенции – от сельских учителей до академиков, от чеховских романтиков, которые мечтают о прекрасной жизни «через триста лет» или в ставшей мифической «Москве», до декадентов, циников и ренегатов.

Клим, невольно высказывая свои опасения, а также стремясь быть центром внимания, перестал соблюдать обычную осторожность: он, как свидетель расстрела мирной демонстрации, стал выступать с докладами по поводу этих событий (Он видел: «вне кружка Спивак люди подозревают, что он говорит меньше, чем знает, и умалчивает о своей роли. Это ему нравилось, это несколько окрыляло его» [XXII, 579]; Дронов – Климу: «Ты – революционер, живёшь для будущего, защитник народа и прочее...» [XXII, 617]).

Но не только жажда внимания диктовала ему эти действия. Им руководил страх, который он почувствовал во время расстрела, и который стремился передать другим. «Штучка, устрашающая для обывателей», – сказал Дунаев, один из большевиков, – по поводу газетной статьи Самгина, посвящённой данной проблеме. Доклады, которые делал Клим, были намеренно устрашающими: «Ему [Самгину] очень хотелось поугагать людей, и он делал это с наслаждением» [XXII, 575]; «<...> он очень хотел, чтоб людям страшно было слушать, чтоб страх отрезвлял их, и ему казалось, что он этого достигает: людям – страшно» [XXII, 578]. Сравнение Гапона с царём неоднократно звучало в его выступлениях. Мысль, хотя и неясная для самого Клим, всё-таки прослеживалась: проводилась параллель между двумя вождями, их ничтожеством, «незаконностью» занимаемого ими места.

Подобная общественная деятельность не могла не заинтересовать тайную полицию, и Самгина арестовали в третий раз. Во время ожидания следственных действий Клим получал сведения от товарищей об успехах восстания, «верил, что создаются союзы инженеров, врачей, адвокатов <...>», думал, что «вся интеллигенция должна organizоваться в единую, мощную силу» [XXII, 585], и, конечно, оставлял видное место в этом будущем «Союзе союзов» за собой. Именно в таком бодром расположении

духа застал его третий допрос. Общественно-политическая ситуация в стране сместила акценты в беседе: допрашивающий (полковник Васильев) не чувствовал себя «имеющим право» на проповедь, носителем истины. На это указывает и изображение комнаты допроса: в противовес первым двум допросам, «знакомый, уютный кабинет Попова был неузнаваем; <...> вообще кабинет имел такой вид, как будто полковник Васильев только вчера занял его или собрался переезжать на другую квартиру» [XXII, 585]. Самгин же, почувствовав уверенность, пытался моделировать если не жанр, то хотя бы тональность диалога. Временная смелость Клима позволила ему играть роль «значительного лица» в революционных кругах. Произошла временная смена ролей. После фразы Васильева «не в порядке дознания» жанр допроса сменился диалогом «двух русских честных людей» о Гаппоне.

Однако полковник Васильев не способен вести беседу, а тем более – допрос. Самгин воспринимает речь Васильева как безумную, и опасается, что «он [Васильев] может бросить в голову чем-нибудь, а то достанет револьвер из ящика стола...» [XXII, 587]. Но фразу о самозащите интеллигенции от анархии Самгин воспринял как «единственно разумное, что он сказал» [XXII, 589]. Эта фраза показывает читателю его спрятанные глубоко в сознании страхи, опасения. Этот подсознательный голос, вырвавшись наружу, оставил свои последствия: «недели две он [Самгин] прожил в состоянии человека, который чем-то отравлен» [XXII, 590]. Надежды, которые питал Клима по поводу Союза союзов, оказались – в переложении полковника – не надеждами, а страхами («как же вы не понимаете, что церковь, отвергнутая вами, может поднять народ и против вас? Может! Нам, конечно, известно, что вы организуетесь в союзы, готовясь к самозащите от анархии...» [XII, 588].

Консервативные и монархические настроения были непопулярны в среде, в которой воспитывались Клим и его товарищи. Навязывалась точка зрения на царя как на обманщика, на тайную полицию – как на врагов свободы и т.п. Однако внутренние противоречия, свойственные Климу, как раз и базируются на подсознательной близости к этим кругам, на невозможности проявить открыто эти симпатии: невольничество выражалось в том числе (и даже в первую очередь) в интеллектуальной несвободе, несамостоятельности мышления.

Эта мысль стала главной в сборнике «Вехи». Инициатор и организатор его создания М. Гершензон поставил в вину современной ему интеллигенции подмену истинного, единственно плодотворного стремления к формированию собственной личности тяготением к ложной, чисто внешней активности. Ленин назвал сборник «энциклопедией либерального ренегатства», а Горький воспринял почти как личное оскорбление. Авторы сборника – интеллигенты-разночинцы, стали «духовными отцами» образа Самгина. Именно таким интеллигентом, от страха перед революцией дошедшим «до бесстрашия», и пытался изобразить Горький Клима.

Хотя «Вехи» появляются в произведении только в последнем томе, «веховство» как явление проходит фоном на всём протяжении текста, а в сборнике оно явилось уже отрефлексированным. С.Н. Булгаков одним из факторов, под влиянием которых складывался характер русской интеллигенции, назвал «непрерывное и беспощадное давление на неё [интеллигенцию] полицейского прессы», что, по мнению философа, оправдывает в какой-то мере её «политический монодеизм» («Таннибалову

клятву” борьбы с самодержавием)»¹²⁰ и затрудняет возможность духовного развития.

Ту же психологическую «ловушку» описывает М. Гершензон: «Мы [интеллигенты] калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растёт заодно с волею <...> Русский интеллигент – это прежде всего человек, с юных лет живущий вне себя, в буквальном смысле слова, то есть признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности – народ, общество, государство. <...> И стали мы все калеками, с глубоким расколом между подлинным “я” и нашим сознанием. Сознание, оторванное от почвы, бесплодно расцветает пустоцветом»¹²¹.

Несмотря на «разность» героя и автора, Горький родственен Самгину в одном: поиски своего места в обществе, поиски истины, с одной стороны, чутьё художника на «правду жизни», с другой, не составили в итоге гармонического сочетания, и Горький всегда оставался для современников, потомков, да и для самого себя человеком с «двумя душами». Сомнения в правильности мироустройства, основанного на несовершенном человеческом разуме, зачастую не совмещались в его сознании с мечтой о возможности рационального переустройства мира¹²².

¹²⁰ Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 31.

¹²¹ Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 74-75.

¹²² Не секрет, что многие современники обвиняли Горького в «двоедушии», не понимая, с кем он – «с нами» или «с ними». Вот запись из «Дневника» К. Чуковского от 13 ноября 1919 года. Он приводит слова литературного критика А. Волынского об особых дипломатических способностях Горького: «Здесь с нами он говорит одно, а там – с нами – другое!» Чуковский добавляет, что «сам был свидетелем этого: как

В «Жизни Клима Самгина» писатель, может быть, впервые, сделал попытку не дать ответы на самые большие вопросы современности, а честно задать вопросы самому себе. Проблема «двух душ», искренности Максима Горького¹²³ обусловлена всем мировоззренческим комплексом писателя, в котором ни одна идея не могла занять господствующего места. Он не был человеком одной идеи. На протяжении всей жизни Горький был приверженцем многих, порой взаимоисключающих идей¹²⁴. И каждый раз искреннейшим образом верил в спасительность очередной. Так, на раннем этапе творчества он с восторгом проповедовал индивидуализм, потом отдал се-

большевистски говорил Горький с тов. Зариным – я не верил своим ушам и ушёл, видя, что мешаю». В другом месте «Дневника» приведено высказывание Д. Мережковского по тому же поводу: «Горький двурушник... Он азефствует искренне. Когда он с нами – он наш. Когда он с ними – он ихний. Таковы талантливые русские люди. Он искренен и там и здесь» (Чуковский, К. Дневник (1918-1923) // Новый мир. 1990. № 7. С. 162-163).

¹²³ П. Басинский в биографии Горького пишет: «На квартире писателя Телешова ещё до первой русской революции собирались Бунин, Серафимович, Вересаев, Зайцев <...> Горький и Шалапин. И вот в отсутствие Горького всегда заходил разговор о нём и его искренности. Спорили до хрипоты. Однажды Вересаев не выдержал и сказал: “Господа! Давайте раз и навсегда решим не касаться проклятых вопросов. Не будем говорить об искренности Горького...”» (Басинский П.В. Горький. М., 2006. С. 297).

¹²⁴ Анри Труайя, комментируя сказку Горького «О чиже, который лгал, и о дятле – любителе истинь», пишет: «Что же до его [Горького] видения мира, оно соответствовало его натуре – цельной, прямой, простой, наивной и горячей. Есть хорошие и плохие, герои и злодеи, палачи и жертвы. Никаких нюансов, никаких уступок. Полный мрак или свет, яркий и ослепляющий. Светотень была изгнана из искусства. Писать – значило для него бить демонов и превозносить ангелов. Но если автор превосходно выписывал персонажи отрицательные, то персонажи положительные выходили у него бледными и намеченными довольно условно. Короленко заметил это очень рано и советовал не приукрашивать людей» (Труайя А. Максим Горький. М., 2005. С. 88).

бя «коллективному Человеку», не изжив до конца ницшеанства.

Это «двоедушие» (или, скорее, «многодушие») отразилось в той или иной мере на всём художественном творчестве писателя, а в наибольшей мере – на его последнем произведении «Жизнь Клима Самгина». По словам самого Горького, этому произведению он придавал значение итога всему, что он сделал в русском обществе и литературе. Часть души Горького оказалась с теми, кого он же пытался заклеить. Пресловутые «две души» – Человека и просто человека. Испытание веры в Человека революцией разрушило довольно стройную «систему фраз» писателя. Сам он писал, что современная ему действительность пребывала в крайне подвижном состоянии формирования, отмечая, что материал текущей жизни «неустойчив», зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с чёрным и белым. Горький писал в 1925 г., что «и современное искусство слова ещё не настолько мощно и всевластно, чтоб преодолеть эту сложность бытия, где правда с неправдою танцуют весьма запутанный и мрачный танец!»¹²⁵.

Утрата внутренней гармонии, попытки снова поверить в свою веру ради высокой цели, ради лучшего будущего абсолютным успехом не увенчались. И в дискредитации Самгина во время диалогов с жандармами глубоко спрятаны опасения самого Горького. Проблема «сознания, оторванного от почвы», и «укоренённого» сознания кроется именно в расколе между подлинным «я» и общепринятым. С этим несоответствием внутреннего и внешнего в силах справиться далеко не каждый. Большинству (а именно к большинству принадлежит заглавный герой «Самгина»), идя на поводу у высоконравст-

¹²⁵ Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 497.

венных, а потому труднодостижимых в реальности идей, приходится невольно подменять смысл основополагающих ценностей.

Ценности обуславливаются не значимостью объектов окружающего мира, а их вовлечённостью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений («Ценности – это коды, которые мы используем, чтобы удержать социальную систему на некоторой линии развития, которая выбрана историей»¹²⁶). Сохранение только внешней стороны ценностной позиции при утере её внутреннего содержания ведёт к тому, что концепты своего и чужого, чести и бесчестия и прочее теряют свою одномерность, утрачивают антонимичность. Их противопоставление оказывается не таким уж очевидным. Скрещивание коннотационных смыслов и включённость в контекст делает их сопоставимыми не по категории «диаметрально противоположные смыслы», а по категории «понятия, обладающие некоторыми общими признаками». Признанное «своё» оказывается на самом деле «чужим», Клим Самгин в рассмотренных эпизодах вступает в конфликт с самим собой, с разными сторонами своей личности. Самгин – интеллигент, который не вынес давления бытия, взяв ношу не по силам. Выдающиеся амбиции заложили ещё в детстве, а выдающимися способностями природа не наделила. «Средний» – по авторскому определению, по ощущениям критиков, по ощущениям простых читателей. И поступает он в рамках своей личности, границ которой не хочет признать, попросту боится, что «рамка», в которую можно включить его личность, окажется слишком уж маленькой. Для таких как Самгин несоответствие желания изменить мир с возможностью его изменить – губительно.

¹²⁶ Пригожин И. Природа, наука и новая рациональность // Философия и жизнь. 1991. № 7. С. 36.

ГЛАВА II, В КОТОРОЙ ГЕРОИ СПОРЯТ О СВОБОДЕ, РАССУЖДАЮТ О НАРОДЕ, ДИСКУТИРУЮТ О ДОЛГЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРЕД НАРОДОМ, НО В ИТОГЕ ТАК НИ О ЧЁМ И НЕ ДОГОВАРИВАЮТСЯ

2.1 Идеальная модель спора и особенности полемического дискурса. Постановка проблемы

В классической реалистической литературе можно найти множество примеров проблем взаимопонимания: отношения разных поколений, столкновения носителей всевозможных полярных политических, религиозных морально-нравственных идей, историй «становления личности в условиях противостояния среде или её поглощения этой средой»¹²⁷. Однако в этой литературе понимание/непонимание (коммуникативная неудача) не всегда становится фатальной проблемой. Как обстоит дело в «Жизни Клима Самгина», рассмотрим в этой главе.

В первой главе в качестве объекта и субъекта коммуникации рассматривался образ центрального персонажа – Клима Самгина, то есть проблема коммуникации на уровне отдельной личности. Во второй главе речь пойдёт о коммуникативном кризисе на уровне всего общества. Однако рассмотреть всю полноту изображённой коммуникации у автора, чьё произведение отличает бесконечное многообразие речевых жанров, в рамках одной главы невозможно. Поэтому для анализа целесообразно будет взять один из дискурсов, занимающий в произведении важнейшее место – не только по объёму, но и по функциональной нагрузке – риторический спор.

При всей насыщенности произведения разговорами, философскими диспутами, спорами и размолвками, автору «Жизни Клима Самгина» удалось избежать того,

¹²⁷ Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 122.

что исследователи называют «чрезмерной словоохотливостью героев»¹²⁸. По замечанию А. Овчаренко, текст произведения отличается «соразмерностью диалогов и действия, монологов и повествования», «диалоги ведут сюжет»¹²⁹. Для Горького спор (дискуссия, диалог) – одна из главных составляющих подлинного общения, он всегда – обмен мнениями, точками зрения, соображениями.

В идеальном случае спор должен преследовать в качестве конечной цели выяснение истины, и, соответственно, быть информативным, то есть нести новые сведения для каждого из собеседников. А. Степанов формулирует определение «идеального» спора: «идеальный» спор – это «диалог, в котором один говорящий предлагает некий тезис (или даже развёрнутую концепцию), а собеседник приводит факты, этому тезису противоречащие, или выявляет его логические погрешности, выдвигая тем самым антитезис. Затем первый указывает на ошибки в опровержении и т.д. Спор всегда остаётся центрированной системой: в ней есть главный тезис, который выдвигает инициатор и который пытается опровергнуть противник»¹³⁰.

Тем не менее, даже классическая научная дискуссия невозможна без эмоциональных реакций, субъективных мнений и т.п. А бытовые споры почти всегда отличаются противоречивостью, нелогичностью, отрывочностью суждений. Риторическая и психологическая составляющая во многом и обуславливает коммуникативную неудачу. Таким образом, выяснение истины – цель любого «идеального» спора – отодвигается на второй план. На

¹²⁸ Овчаренко А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1982. С. 438.

¹²⁹ Бармин А.В. Функции диалога в эпопее XX века (На материале «Жизни Клина Самгина») // Горьковские чтения-1980: Материалы конференции «А.М. Горький и роман XX в.». Горький, 1980. С. 52.

¹³⁰ Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 123.

первый же план выступает иная цель – риторическое убеждение. Захватив в сферу своей компетенции художественную прозу, риторический дискурс, особенно с приходом такого литературного направления, как реализм, стал неотъемлемой частью произведения. Он выступил определённым средством убеждения, приобретя при этом ряд приёмов, позволяющих функционировать в эстетическом пространстве романа. Нарушение идеальной модели сдвигает спор из разряда информативных в разряд аффективных. Поэтому спор – реальный – всегда существует на границе информатики и воздействия, а «цель аффективного спора – не достижение истины, а убеждение собеседника в своей правоте. Построить общую логическую (не риторическую) модель такого «неправильного» спора, разумеется, невозможно: он осуществляется только как отступление от модели¹³¹.

В «Жизни Клима Самгина» возникает ощущение, что на протяжении всего романа, пронизанного монологами, диалогами, полилогами, не выполняется главная функция любого спора: выяснение истины.

При этом горьковский роман изобилует спорами, близкими скорее к реальным, чем к идеальным. В этом его отличие от дискуссий, описанных в литературе XIX века, и близких по структуре к платоновским диалогам: на каждый тезис оппонент высказывает свой антитезис, спор логичен, хотя чаще всего эмоционален. Таков, например, спор Павла Петровича Кирсанова и Евгения Базарова, где согласие хотя и не достигается, однако спорщики друг друга не перебивают, их ответные реплики всегда вытекают из предыдущей реплики оппонента. Это видно, в частности, из следующего фрагмента спора между Кирсановым и Базаровым:

¹³¹ См. подробнее об этом: Степанов А. Информация и референция. Информативные речевые жанры // Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.

«– Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – говорил между тем Базаров, – подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны.

– Что же ему нужно, по-вашему? Послушать вас, так мы находимся вне человечества, вне его законов. Помилуйте – логика истории требует...»¹³².

Спор происходит не из-за личной неприязни. Скорее, эта неприязнь возникает из-за непримиримых идеологических разногласий. Этот спор имеет свою композицию, логичен от начала и до конца. Когда спор начинает перетекать из информативного в фатический, он прекращается самими спорщиками: «Вот и изменило вам хвалёное чувство собственного достоинства, – флегматически заметил Базаров <...>. – Спор наш зашёл слишком далеко... Кажется, лучше его прекратить»¹³³.

В романе И. Тургенева (да и в большинстве произведений «Золотого века» русской литературы) спор – это непреходящий, но не первостепенный атрибут композиции. Он занимает место своеобразного «момента истины» и является одним из способов выражения идеологических разногласий и «трибуной», с которой каждый герой произведения может озвучить свою доктрину. Потому такие споры ближе к «идеальным».

«Жизнь Клима Самгина» была написана в веке XX, когда уже было художественно освоено изображение спора, приближённого к реальному. В первую очередь, это споры на страницах чеховских произведений. Эти диалоги часто нелогичны, не завершены, им мешают не только внутренние мотивы (такие, как нежелание спорить, некомпетентность одного из собеседников и т.д.), но и внешние «шумы»: от искусственного прерывания споров

¹³² Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Отцы и дети. Повести. М., 1983. С. 210-211.

¹³³ Там же. С. 215.

(например, в «Чайке» прерван диалог Нины и Треплева, в «Трёх сёстрах» – Наташи и Андрея и т.д.) до абсурдных, бессмысленных реплик (таковы, например, бильярдные термины Гаева в «Вишнёвом саде» или «Тарара... бумбия...» Чебутыкина в «Трёх сёстрах»).

«Жизнь Клима Самгина» насыщена диалогами. Полемика возникает по любому поводу. Дискуссий на протяжении романа – огромное множество. Это споры о политике, религии, литературе, нормах морали и пр. Спорят обо всём и ни о чём, спорят близкие родственники, приятели, враги и случайные попутчики. На протяжении всего произведения можно видеть, что спор нередко возникает не из-за принципиальных мировоззренческих противоречий, а из личной неприязни спорщиков друг к другу, желания «уколоть», обидеть, унижить противника. Вот несколько типичных характеристик спорщиков в произведении Горького: «<...> Клим Самгин наблюдал картину словесного буйства Варавки и Лютова. Было что-то голодное, сладострастное, и, наконец, даже смешное в той ярости, с которой эти люди спорили. Казалось, они давно искали случая встретиться, чтобы швырять в лица друг другу иронические восклицания, исхищряться в насмешливых гримасах и всячески показывать взаимное отсутствие уважения» [XXI, 328-329]; «<...> Макаров и Лидия заговорили так, как будто они сильно поссорились друг с другом и рады случаю поссориться ещё раз. Смотрели друг на друга сердито, говорили, не скрывая намерения задеть, обидеть» [XXI, 113].

Может быть, Самгин прав, и все люди представляют собой только «систему фраз»? И «Самгин» – не роман идей в чистом виде, а роман идей, преломлённых сквозь множество сознаний? Может быть, задачей Горького было показать, что не бывает абстрактных идей, лишь идея, воплощённая в действительность посредством сознания и развития её человеком – жизнеспособна? Ведь недаром

так настойчиво повторяется центральным персонажем мысль, к которой он пришёл ещё в юности и которой каждый раз подытоживает свои наблюдения над людьми: «человек – это “система фраз”». И вступление персонажей в полемику диктуется не желанием достичь истины (или, зная, что абсолютная истина недостижима, хотя бы максимально приблизиться к ней), а стремлением высказать себя, доказать свою правоту или украсить себя «павлиньими перьями разума»?

Конечно, утверждать подобное было бы упрощением, схематизацией несомненно гораздо более сложного в коммуникативном отношении произведения. Есть и такие герои, которые, подобно Самгину, не находя идей, «химически родных» им, и видя, что ни одна из идей, существующих ныне, им не по душе, не находят в себе ни сил, ни знаний, достаточных для их оспаривания, желают, тем не менее, показать, что они тоже умеют самостоятельно думать, что именно они – настоящие независимые умы.

Так, Самгин, впервые сознательно «выступая» на публике, говоря как раз о независимости интеллекта, руководствуется (правда, под влиянием спиртного) желанием «заявить о себе», «торопливо говоря то, что ему давно хотелось сказать: “я с детства слышу речи о народе, о необходимости революции, обо всём, что говорится людьми для того, чтобы показать себя друг перед другом умнее, чем они есть на самом деле. Кто... кто это говорит? Интеллигенция”» [XXI, 235]. Все герои ищут идею, которая позволила бы им вписаться в символический порядок, то есть оправдать в себе то, что они не понимают, но что мешает им жить (Алина: «Мне кажется, что спорить любят только люди неудачные, несчастливые. Счастливые – живут молча. <...> А несчастным трудно сознаться, что они не умеют жить, и вот они говорят, кри-

чат. И всё – мимо, всё не о себе, а о любви к народу, в которую никто не верит»).

Поиск «определяющей» идеи обусловил специфику коммуникации на страницах «Жизни Клима Самгина» – основой текста стал диалог-спор, посредством которого герои пытались найти для себя «определяющую точку». Исходя из этого, представляется актуальным определение места диалога-спора в структуре романа, осмысление «законов» объединения на первый взгляд несвязанных между собой диалогов и полилогов. В книге именно через диалог-спор прошли проверку на прочность практически все «системы фраз», бытовавшие в описываемые сорок лет – религиозные (Марина Зотова, Диомидов и пр.), социально-политические (Кутузов, Яков Самгин, Тагильский и пр.), философские (Томилини) и другие.

2.2. Коммуникация в «Жизни Клима Самгина». **Кризис сознания – кризис коммуникации** **– кризис эпохи**

2.2.1. Дискуссии конца XIX – начала XX вв. ***в книге М. Горького.*** ***Враждующие лагеря «борцов за свободу»*** ***и кризис коммуникации***

На страницах произведения, где статус события приобретает разговор, диалог, сама возможность слышать друг друга, умение/неумение строить диалогические отношения, является главной характеристикой персонажей. Идеальный диалог предполагает и «идеальных» собеседников – выслушивающих друг друга до конца, высказывающих только аргументированные доводы, не подвластных эмоциональным перепадам, имеющих

конечной целью не доказательство своей правоты, а выяснение истины по поводу предмета беседы. Однако таких идеальных собеседников на страницах книг можно увидеть, пожалуй, только в платоновских «Диалогах» и учебниках риторики.

В художественном же произведении, как и в жизни, идеальных диалогов и собеседников не существует. В жизни всё, что мешает адекватному разговору, взаимопониманию, называется «шумом» (= помехой) в информационном потоке¹³⁴. В художественном произведении такие шумы, как правило, – часть художественной задачи писателя. Думается, что и Горький, вводя столь обильное количество диалогов на страницы «Самгина», преследовал определённую цель. Известно, что большую часть «Жизни Клима Самгина» занимает идеологический материал, и, соответственно, «идеологические» диалоги. А то, что почти каждый персонаж характеризуется по большей части через прямую речь – то есть через диалог – свидетельствует об особой значимости для писателя именно этого вида речевой коммуникации.

Диалог (по Бахтину) предполагает спор или согласие со стороны одного из участников диалога, а также пародию или стилизацию¹³⁵. Но диалог согласия – вариант информационного сообщения, в котором один тезис, с доказательной базой которого все согласны, поэтому нет встречной информации. В пародии и стилизации преследуются иные художественные задачи, нежели собственно предмет диалога. Стоит согласиться с А. Степановым, считающим, что «именно оспаривание, переакцентовку, гибридизацию всегда имеет в виду Бах-

¹³⁴ Вспомните классический уже рассказ «Энтропия» Т. Пинчона, где такой «шум» «глушит» сигнал в информационном канале и тем самым становится причиной энтропии.

¹³⁵ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 169.

тин, говоря о диалоге»¹³⁶. Думается, что и для Горького именно такой вид диалога был одной из самых важных составляющих общения. Многие герои его книг не могут найти адекватного собеседника, мнение которого принимали бы во внимание, а соответственно, и построить диалог. Таковы, наряду с Самгиным, Фома Гордеев и Матвей Кожемякин из одноимённых повестей, Евсей Климков из «Жизни ненужного человека», Пётр из «Дела Артамоновых», Макаров из рассказа «О герое», Карамора из одноимённого рассказа, герои «На дне» и пр.

Известно, что одной из самых важных вопросов, которые затрагивал Горький в перечисленных произведениях, были проблемы жизни Идеи, Мысли. И большинство из персонажей испытывали неподдельный интерес именно к этой стороне жизни. Выяснение истины, проверка на прочность какой-либо идеи находит у Горького художественное воплощение в диалоге-споре. В этом случае он становился подлинным событием, порой даже двигателем сюжета. Такова и «Жизнь Клим Самгина». Спор здесь – явление не просто обычное, но и обыденное, непреходящий атрибут застольной беседы, вечерней прогулки, приёма гостей.

Специфика спора как типа высказывания в «Самгине» обусловлена ещё и особенностями повествовательной структуры произведения. «Жизнь Клим Самгина» многосубъектна: с формально-субъектной точки зрения произведение состоит из текста повествователя, внутренних монологов Клим, высказываний персонажей. Но формально-субъектная и содержательно-субъектная организации текста не всегда совпадают. С формальной точки зрения действительность воспроизводится чаще всего либо первичным субъектом речи – повествователем, либо центральным персонажем – Самгиным (диало-

¹³⁶ Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 122.

ги, внутренние монологи), реже – остальными героями романа (только прямая речь).

Казалось бы, слово, отражённое в восприятии Клина, должно восприниматься читателем в русле его оценок, однако текст, формально принадлежащий вторичным субъектам повествования, по существу оказывается «первичным». Повествователь не предоставил Климу права каким-либо образом корректировать речи героев, привносить особенности своего стиля в их реплики. Он может их лишь воспроизводить, при этом, правда, чаще всего даёт событиям свою оценку. Автор-повествователь «заставляет» Самгина слышать (а затем пересказывать или «передумывать» – уже со своей оценкой) огромное количество высказываний, цитат и пр. Несмотря на то, что действующие в произведении «восемьсот персон» показаны исключительно сквозь призму воспринимающего сознания Самгина – через его оценку, характеристику, через диалоги и монологи, свидетелем которых он обычно является, художественный мир организован так, что на одном полюсе находится Самгин, на другом – все остальные персонажи, чьи оценки выражены почти исключительно в прямой речи.

Хотя остальные персонажи имеют «право голоса» только тогда, когда их видит или слышит Самгин, читатель зачастую воспринимает ситуацию как полностью автономную: нарратор лишь обозначает присутствие Клина, делая его даже не участником, а свидетелем спора, беседы, события. Сам Клим редко участвует в спорах: обычно молча наблюдает, – считая, что ещё не нашёл своей «системы фраз», не встретил идей, «химически сродных» ему.

Поэтому он, как правило, предпочитает мысленный комментарий к чужим репликам, этот комментарий включает в себя не только встречную (условно) реплику, но и оценку спорщиков. Например, будучи ещё влюблён-

ным в свою сводную сестру Лидию и рассуждая о своём сопернике Макарове, желая принизить его достоинства, он думал, «что на месте Макарова он говорил бы умнее», а увидев в купце Лютове «ненужного» человека, на его вопрос:

«Разве я для забавы?» – ответил бы вопросом:

«А – для чего же?» [XXI, 318].

С самого начала повествования Клим не выступает как собеседник. Он – слушатель, иногда «игрушка» в руках хвастливого отца – «пожмут её – пищит» [XXI, 16]:

«Почти каждый вечер отец, подзвав его к себе <...> спрашивал:

– Ну, так как же, мужичок: что всего лучше?

Клим отвечал:

– Когда генерала хоронят.

– А – почему?

– Музыка играет.

– А что всего хуже?

– Если у мамы голова болит.

– Каково? – победоносно осведомлялся Самгин у гостей <...> [XI, 15-16].

В таком бесконечно повторяемом («почти каждый вечер») псевдиалоге «ради забавы» с давно известными вопросами и ответами Клим впервые в произведении вступает с прямой речью. Можно предположить, что это – подспудная демонстрация коммуникативных способностей Клима, вполне удовлетворившегося ответами, которые впервые были даны «давно, года два тому назад», и которые он уже находил «глупенькими» [XXI, 16]. Такая изначальная подчинённая позиция (свои ответы не нравятся, но ради «демонстрации своего ума» можно соблюсти правила предложенной взрослыми игры), характеризует Самгина как эмоционально предрасположенного к положению ведомого в диалоге. Поэтому дальнейшие попытки Самгина вписаться в парадигму общества вос-

принимаются им самим как труд, работа. А так как в эпоху социальных бурь диалог становится важнейшим событием, способом существования большинства персонажей, эта начальная характеристика Клим не позволяет рассматривать его как активного коммуниканта.

С первых лет жизни Самгин попадает в ситуацию, где сталкиваются противоречивые точки зрения, и понимает, что «в правде взрослых есть что-то неверное, выдуманное» [XXI, 22]. Невольно он ставит себя в позицию человека, которому из двух правд – настоящей и выдуманной («правды-истины и правды-справедливости») – придётся выбрать что-то одно. Однако здесь начинаются противоречия: всё, что настоящее – неприятно, а всё, что выдуманно – хорошо. Эти противоречия сначала возникают на глубоко личностном уровне: Клим заметил, что его «выдумывают», но выдуманный Клим был значительно, лучше, интереснее Клим настоящего.

2.2.1.1 Какую правду выбрать? Народники vs. марксисты

Поэтому логичным стало то, что на следующем возрастном этапе развития, Клим, будучи свидетелем идейного раскола интеллигенции на два лагеря, также затруднялся в выборе «правды». В 90-е гг. XIX в., когда Клим и его сверстники стали взрослыми молодыми людьми и могли более осмысленно воспринимать реальность, рядом с ними снова появился кружок народников: во флигеле у Самгиных поселился писатель-народник Катин. Здесь стали собираться люди одинакового с ним настроения: «<...> казалось, что они очень горды и чем-то обижены» [XXI, 104]. Разговоры, происходившие у Катина, ничем не отличались от тех, которые Клим в детстве слышал дома. Варавка так оценил их собрания: «Обыч-

ная русская квасоварня. Балаган, в котором показывают фокусы, вышедшие из моды» [XXI, 107].

Точка зрения Варавки близка к точке зрения автора-повествователя, который с иронией описывает способность всё с тем же жаром говорить о любви к народу и жертвенной роли интеллигенции, хотя любовь эта и подкреплялась искренней верой в истинность идеи, в её победу («вера эта звучала почти в каждом слове» [XXI, 107]) и надеждой на преемственность: «за молодёжью ухаживали <...>», «преподавали истину с несомненной и горячей верой в её силу» [XXI, 107]. Однако горячие речи, произносимые участниками вечеров, не были для Клина новыми, не трогали его: ему казалось, что «во флигель выметено всё то, о чём шумели в доме десять лет назад» [XXI, 109]. Молодёжь, которая приходила к Катину как к учителю, ощущала эту неактуальность: «они так говорят, как будто сильный дождь, я иду под зонтиком и не слышу, о чём думаю» [XXI, 107] (метафора «шума» в информационном потоке); «говорит так, как будто это было за триста лет до нас» [XXI, 108]; «что он [Катин] хвастается тем, что живёт под надзором полиции? Точно это его пятёрка за поведение» [XXI, 109].

Бурные споры представляли собой пересказ давно известного. Об этом говорят и интонации некоторых гостей: «<...> размеренно, тусклым голосом говорил о запросах народной души, обязанностях интеллигенции и особенно много об измене священным заветам отцов» [XXI, 105], говорил хотя и верные, но давно затёртые слова, и «в тоне его речи Клима всегда чувствовал нечто странное, как будто оратор не пытался убедить, а безнадежно уговаривал» [XI, 97]. Присутствующие изо всех сил стараются поддержать атмосферу былых 70-х: хвастают знанием народной речи, рассказывают о простой и мудрой душе народа, одеваются «à la мужик», устраивают вечеринки в народном стиле и пр. Однако возникает чувство, что со-

бравшиеся лишь изображают удалых людей, «выкрикивая не свои слова». Варавка метко назвал эти собрания «рыбьими плясками».

Собственно, перед нами – диалог согласия, который, хотя и не показан от начала и до конца, однако понятно, что в доме, где собираются единомышленники, придерживающиеся одних и тех же, актуальных десять лет назад, взглядов на народ, не продуцируют новых идей, а живут прошлым. Это подтверждает и частотность употребления этими людьми таких слов, как «каторга», «виселица», «ссылка». Снижается патетика рассказов о ссылках, тюрьмах и виселицах ещё одной деталью, неоднократно повторённой в тексте: «всегда было неловко видеть, как после пламенной речи своей он [Катин] выпивал рюмку водки <...>» [XXI, 109]. Лидия тоже подметила: «Почему они так кричат? Кажется, вот сейчас начнут бить друг друга, а потом садятся к столу, пьют чай, водку, глотают грибы...» [XXI, 110].

Таким образом, происходит стирание первоначального сакрального смысла производимых десятилетиями одних и тех же действий. Стремление зафиксировать в сознании и поведении то, что осознаётся как знак «повышенной культурной значимости»¹³⁷, становится попыткой «остановить мгновенье», и обусловлено неспособностью переориентировать сознание. Привычка думать о мире так, а не иначе, становится почти профессиональной обязанностью, маской. Это своеобразный карнавал, но не весёлый, праздничный, а ставший обыденностью, работой, игрой перед собой (страх изменить «заветам отцов») и другими, страх перед необходимостью искать свои собственные ценности¹³⁸.

¹³⁷ Лотман Ю., Пятигорский А. Текст и функция // Лотман Ю. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин, 1990. С. 133.

¹³⁸ В «Жизни Клима Самгина», подчеркивает Бахтин, «карнавал не праздничный, не веселый, но тем не менее это целый ряд шестивий

Между собой единомышленникам говорить не о чем, информативность их диалогов мала. Однако во флигеле собиралась и молодёжь – Макаров, Люба Сомова, Клим, – и именно ради неё заводилось большинство разговоров. Её это стесняло, и только «Иван Дронов требовательно и как-то излишне визгливо ставил вопросы об интеллигенции, о значении личности в процессе истории» [XXI, 107]. За вопросы об интеллигенции «отвечал» «человек, похожий на кормилицу» [XXI, 107], и присутствующим это было известно: «писатель Катин, предупреждая подняв руку и брови, тоже осматривал присутствующих взглядом, который красноречиво командовал: “Смирно! Внимание!”» [XXI, 108]. Но диалог-проповедь в данном случае оказывался нерезультативен, юные слушатели не усваивали заветы отцов через докторально прочитанную лекцию. По поводу услышанного и увиденного иронизировали:

Макаров, наблюдая, как извивается и корчится писатель, сказал Лидии: «Видите, с каким трудом родится истина?» [XXI, 109] и т. д.

Итак, диалог, в котором одна сторона – читает «проповедь», а другая – иронично воспринимает эту проповедь, нельзя назвать удавшимся. Во-первых, это – не диалог «на равных», когда у обеих сторон примерно одинаковые знания, положение и навыки ведения беседы. Во-вторых, при коммуникативной ситуации «проповедник» – «слушатель» проповедник должен обладать достаточным авторитетом, чтобы его проповедь была услышана и воспринята. В случае с народниками этого не происходит. Установка именно на проповедь, на внушение, претензии на учительство всегда так или иначе уводят горящих от совместного выяснения истины к задачам

масок. Лица здесь нет ни одного» // Разговоры с М. М. Бахтиным В. Д. Дувакина. // Человек, 1993 №№ 4-6, 1994 №№ 1-6, 1995 № 1.

убеждения и воздействия. Проповедь превращается в монолог, где «отцы» пытаются выступать в роли учителей при пассивном сопротивлении «сыновей».

Позднее поколение 70-х узнаёт о другом «варианте» отношения к народу – марксистском. Кризис народничества, его политическая несостоятельность заставила многих интеллигентов обратиться к этому новому политическому течению, получившему развитие в 1880-х гг. К 90-м гг. XIX в. основоположники марксизма в России внесли в общественное сознание идеи научного социализма. На арену общественно-политической борьбы вышла новая сила, которой впоследствии суждено было оказаться на вершине власти.

Народ, по Марксу, – угнетённые классы – движущая сила истории, а её высшее выражение – социальная революция. Маркс считал невозможным союз пролетариата и крестьянства, тогда как российский марксизм сделал ставку на этот союз. Кроме того, Маркс считал залогом революции обнищание пролетариата. Ленин не мог не видеть, что с предсказанием полного обнищания пролетариата Маркс поспешил, и что рабочий класс в Европе вряд ли пойдёт на баррикады, поскольку ему уже было что терять. В аграрной России революция была возможна лишь при союзе крестьянства и пролетариата под предводительством последнего¹³⁹. Таким образом, народники со своей любовью к крестьянской общине, дискредитированные в глазах младшего поколения неудачей (провал попыток политического переворота, «хождения в народ»), отодвигаются на второй план.

¹³⁹ Подробнее об этом в книге В.И. Ленина, посвящённой теоретическому обоснованию стратегии и тактики большевистской партии в период революции 1905-07 гг. в России: Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 11. М., 1960. С. 5-131.

Первая встреча с марксизмом как альтернативным политико-экономическим учением происходит у Клима в Петербурге, в годы студенчества (*том первый, глава третья*). В петербургский кружок, близкий по взглядам к этому учению, входили старший брат Клима Дмитрий (студент, включившийся в революционную работу), Марина Премирова (хозяйка дома, где квартировал Клим), Серафима Нехаева (влюблённая во всё «декадентское»), Степан Кутузов и Елизавета Спивак («профессиональные» революционеры, будущие большевики).

Сторонники марксизма обычно выступают в тексте романа как цельные натуры. Кутузов, например, статичен, всегда узнаваем («Он никогда не сумеет переодеться так, чтобы его нельзя было узнать» [XXII, 435]). Марксисты Кутузов, Спивак, Дунаев не «горят» своей идеей, не испытывают потребности доказывать кому-либо свою правоту: они уверены в абсолютной, конечной истинности своей теории. Горький предоставляет судить об их правоте самим читателям.

В новом кругу Самгин старается занять особое место, подвергая «про себя» всё критическому анализу. Но среди всех людей, когда-либо встреченных Климом, только один из марксистов – Кутузов – «вызывал у него впечатление существа совершенно исключительного по своей законченности» [XXI, 235]. Он показан в романе именно таким – безапелляционным, судившим о действительности исключительно с классовых позиций. Кутузов не сомневается, что до революции «некоторые, наверное, превратятся в людей, способных на что-нибудь дельное, а большинство <...> будет пассивно или активно сопротивляться революции и на этом – погибнет» [XXII, 443]; «в революции закон исключённого третьего будет действовать беспощадно: да или нет» [XXII, 443]. Он оказывается одним из немногих людей, способных на действие.

Этот образ трудно назвать характером. В нём воплотилась марксистская идея, «очищенная» от чужеродных примесей, олицетворяющая большевистскую логику. Отсутствие на его лице «маски», игры лишало Самгина уверенности в правильности своей концепции (человек – лишь «система фраз»), он «огорчённо чувствовал, что Кутузов слишком легко расшатывает его уверенность в себе, что этот человек насилует его, заставляя соглашаться с выводами, против которых он, Клим Самгин, мог бы возразить только словами: “Не хочу”» [XXI, 236]. Это показывает, что новое идеологическое течение имело на Климса большее влияние, нежели народничество, в которое он не верил с самого начала.

В любом случае большевизм показан как сила, способная взять власть в свои руки. О силе представителей большевизма говорил не только автор «Жизни Климса Самгина». К. Федин, в 1924 году написавший «Города и годы» – роман о путях интеллигенции в революции, противопоставлял социально-пассивному главному герою Андрею Старцову «проволочных» большевиков – Курта Вана и ему подобных. Революционеры сравнивались с «румкорфовыми катушкам», которые делали только то, что должны делать по своей природе, и потому они «вечно – вперёд и вверх». Ещё раньше подобное высказывал Б. Пильняк, в «Голом годе» (1921) назвав большевиков «кожаными куртками»: «Каждый в стать кожанный красавец, каждый крепок, и кудри кольцом под фуражкой на затылок, у каждого крепко обтянуты скулы, складки у губ, движения у каждого утюжны. Из русской рыхлой и корявой народности – отбор. В кожаных куртках не подмочишь. Так вот знаем, так вот хотим, так вот поставили – и баста»¹⁴⁰. Вторит ему Б. Лавренёв, называя кожаные

¹⁴⁰ Пильняк Б. Голый год // Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. Рассказы, повести, роман. М., 1990. С. 344.

куртки большевистских комиссаров прочными «покрышками» от суровой действительности¹⁴¹.

В романе эта сила «высвечивается со всех сторон, в том числе читатель не может не видеть, что для большевиков в высшей степени свойственны и способность фанатического превращения идеи в веру, и нетерпимость, <...> и подавление любых оппонирующих им идей <...>»¹⁴². В этом – двоякое отношение Горького к большевикам¹⁴³. Без изменений остаются не только убеждения, но и средства борьбы с враждебными идеологиями. Писатель сталкивает марксизм с другими течениями в общем диалоге, и марксизм не всегда выдерживает проверку полемикой.

Так, в споре между народником Долгановым и марксистом Дмитрием Самгиным первый одерживает полемическую победу, причём Дмитрий весьма неохотно вступает в спор, возникший из-за базовых положений философии марксизма: «мысль, что “сознание определяется бытием”, – вреднейшая мысль, она ставит человека в позицию механического приёмника впечатлений бытия и не может объяснить – какой же силой покорный раб действительности преображает её? А ведь действитель-

¹⁴¹ Лавренёв Б. Сорок первый // Лавренёв Б. Ветер: Повести и рассказы. М., 1988. С. 154.

¹⁴² Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н. Новгород, 1992. С. 189.

¹⁴³ В публицистической книге «Несвоевременные мысли» (отдельное издание – в 1918 г.) Горький резко критиковал взятый В. Лениным курс, утверждал преждевременность попыток установления диктатуры пролетариата, говорил о её разрушительных последствиях. Писатель полагал, что пролетариат в стране не готов стать во главе социальных преобразований, а люди, считающие себя «мозгом партии» – народные комиссары – «относятся к России как к материалу для опыта <...>» (Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре; Рассказы. М., 1991. С. 87).

ность никогда не была – и не будет! – лучше человека, он же всегда был и будет неудовлетворён ею» [XXII, 183].

Указание на то, что Долганов – человек из прошлого (он напоминал Климу «одного из посетителей литератора Катина, да и вообще Долганов имел вид существа, явившегося откуда-то “из мрака забвения”» [XII, 180]) даёт установку на восприятие его речей как неновых, банальных.

Долганов сразу опознаёт Дмитрия Самгина как соратника по политической деятельности («Давно из ссылки?» [XXII, 180]). Приняв Дмитрия за «своего», он определяет дальнейший ход общения как фатический, но доверительный «разговор ни о чём»: вопросы, на которые не нужен ответ («Ну, всё равно <...>» [XXII, 181]); сообщение о состоянии своего здоровья, и, попутно – о фактах биографии («У меня – ревматизм, адово ноют ноги. Сидел совершенно зря одиннадцать месяцев в тюрьме. Сыро там, надоело» [XXII, 181]). Однако степень доверительности требовала проверки: «<...>Долганов неожиданно спросил Дмитрия:

– Народник?» [XXII, 182].

Узнав, что Дмитрий Самгин – марксист, он сразу меняет ход и стиль беседы. Происходит как бы смена кода: соратник/ссылный переходит в статус соперник/носитель другой идеологии. Долганов считает своим долгом, только услышав знаковое слово «марксист», отреагировать на него: «Не похоже [что Дмитрий – марксист]. Такое русское лицо и вообще...» [XXII, 182]. Реплика сразу вводит в диалог оценочность: не совсем прямо, но достаточно ясно проговаривается, что марксизм – «нерусское изобретение», что типичной русской внешности и поведению должно сопутствовать другое, народническое направление мыслей.

Далее Долганов, уже переходя с оценивания конкретной личности носителя Идеи, переключается на

обобщённую оценку всех носителей: «Марксист – он чистенький, лощёный и на всё смотрит с немецкой философской колокольни, от Гегеля, который говорил: “Люди и русские”, от Моммзена, возглашавшего: “Колотите славян по башкам”» [XXII, 182]. Такое оценочное начало беседы свидетельствует о том, что противника «вызывают на бой» (это подтверждает и ремарка автора-повествователя: «Самгин понял: этот чудака настраивается к бою <...>» [XXII, 182]). Негативная оценка личности собеседника и его товарищей всегда направлена на эмоциональный отклик. Собеседник, как рассчитывает Долганов, не сможет не отказаться от беседы.

У Дмитрия, напротив, желания (да и умения) ораторствовать нет, он лишь из вежливости поддерживает беседу: Долганов – гость, Самгин – хозяин. Равнодушие Дмитрия можно объяснить не только его уверенностью в своей правоте. В Долганове, несмотря на его горячность и стремление высказать свою точку зрения, чувствуется, что «человек этот сердиться не способен», хотя «в словах не стеснялся» [XXI, 183].

На протяжении всего спора звучит лишь одна реплика Дмитрия Самгина (в ответ на заявление Долганова о том, что «мир осваивается воображением, а не размышлением»): «Это – идеализм» [XXII, 184]. Остальной диалог представляет собой высказывания Долганова, изредка прерываемые репликами Самгина («Старо всё это и, знаете, несколько газетно» [XXII, 183]), на которые тот не обращает внимания. Не увидев у Дмитрия встречных эмоций (тот говорил «неохотно»), и «постепенно впадая в тон проповедника, он обругал Трейчке, Бисмарка, ещё каких-то уже незнакомых Климю немцев, чувствовалось, что он привык и умеет ораторствовать» [XXII, 183]).

Казалось бы, эпизод можно назвать монологом Долганова. И всё же это – диалог. Прежде всего – за счёт

внутренне-полюемического слова¹⁴⁴. Даже не встречая ответных реплик, народник строит свою речь так, будто отвечает на вопросы собеседника, которые можно «достроить». Долганов последовательно оценивает моральные качества воображаемых оппонентов, говорит о плюсах противоположного учения, о его исторических славянофильских корнях. Далее, как бы отвечая на вопрос, перескакивает на основной постулат марксизма о зависимости сознания от бытия. И, отвечая на единственный вопрос Самгина-младшего («Вы – семинарист?»), говорит о духовных корнях народничества, об идеалистической направленности русского народа, о том, что народ «хочет иметь своих вождей, родных ему по плоти и духу, а вы – чужие!» [XXII, 184]. По сути, это – спор-провокация, который только внешне имитирует спор. У него другие коммуникативные задачи – не выяснить истину, не узнать противника, не услышать его доводы, а, во-первых, прочитать свою «проповедь», во-вторых – вызвать у оппонента эмоциональный отклик. Проповедь прочитать удаётся, но эмоционального отклика спор не вызывает, и поэтому коммуникативный акт терпит неудачу.

Думается, что такое построение диалога неслучайно. Спор структурирован как ответы на известные, хотя и воображаемые вопросы. Становится понятно, что раз известны вопросы – известны и ответы, так как Дмитрий уверен в своей правоте настолько, что не видит смысла продолжать беседу на подобные темы. Идейное противостояние уже перешло ту стадию, когда истину доказыва-

¹⁴⁴ «Внутренне-полюемическое слово – слово с оглядкой на чужое слово – чрезвычайно распространено как в жизненно-практической, так и в литературной речи <...>. Такая речь словно корчится в присутствии или предчувствии чужого слова, ответа, возражения» (Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 219).

ют «с пеной у рта». Этим и вызвано безразличие Дмитрия к высказываниям Долганова.

Долганов тоже искусственно пытается спровоцировать спор, начиная его с риторического приёма оценки моральных качеств оппонентов. Общее же его настроение (глаза сияли «ласков<о>» [XXII, 183]) говорит о том, что спор затеян скорее из чувства долга или по привычке.

Избрав делом своей жизни служение Идее, Долганов, как и его соратники, выработал в себе некие условные рефлексy: защита своей Идеи при каждом удобном случае стала его потребностью. Эта потребность возникла не случайно. Любое служение требует определённого самоотречения, а оно, в свою очередь – какой-то достойной, эквивалентной награды за жертву. Такой наградой становилось ощущение нужности, непреложной важности совершаемого Дела. Постепенно Дело жизни сделалось своеобразным пленом для сознания. Борцы за свободу сами оказывались заложниками, пленниками Идеи. Такое невольничество стало общей чертой подавляющей части российской интеллигенции, которую изображает Горький в «Жизни Климa Самгина».

Таким образом, несмотря на кажущуюся риторическую победу, Долганов спора не выигрывает – его не слушают, на его реплики, иногда довольно задиристые, не отвечают. Использование риторического дискурса подтверждает: он «духовный сын» народников 70-х, которые, по мнению марксистов, уже сыграли свою роль в истории. В эпизоде чувствуется позиция Горького, которая обозначена не только в самом событии спора, но и в том диалоге, который произошёл после ухода народника Долганова. Братья вместе со второй женой Ивана Самгина – финкой Айно – высказываются о природе народничества.

Дмитрий Самгин о Долганове: «У народников особый отбор. В Устюге был один студент, казанец. Замечательно слушали его, тогда как меня... не очень!» [XXII, 186].

Айно о Долганове: «Вот такой – этот настоящий русский, больше, чем вы обе [братья Самгины], я думаю. <...> О, этот может много делать! Ему будут слушать, верить, будут любить люди. Он может... как говорят? – может утешивать. Так? Он – хороший поп!

– Вот именно, сказал Клим. – Утешитель» [XXII, 186].

Итак, характеристика народников из уст трёх разных людей: хороший оратор, настоящий русский, который много может сделать. И три раза повторяется – «утешитель».

Подобная обобщённая характеристика народников, думается, появилась не случайно. Можно было бы пройти мимо этого наименования – «утешитель» – если бы оно не имело важнейшего значения для всего мировоззренческого комплекса писателя.

Феномен «утешительства», как уже отмечалось в 1-й главе, наиболее целостное воплощение получил в образе Луки в пьесе «На дне» (1902). Это целая философская система, приверженцем которой долгие годы был сам Горький. Как до сих пор не закончились споры по поводу горьковского «утешительного старичка», так не разрешился вопрос о том, избавился ли Горький от «комплекса Луки». Свойственная Луке способность «навеять человечеству сон золотой» характеризовалась Горьким исключительно отрицательно.

Однако понятийно-логическая автоинтерпретация далеко не всегда соответствует художественному прозрению писателя. Больше того, «комплекс Луки» с его «золотыми снами», «возвышающим обманом», «тёмной зага-

дочной ненавистью к истине»¹⁴⁵ в творчестве и жизненном поведении Горького отмечается многими исследователями и мемуаристами: М. Агурским, Валентиной Ходасевич, Ю. Данзас и другими. В своих письмах он различает две правды – нужную и ненужную, полезную и вредную (так же и на первых страницах «Жизни Клима Самгина» в доме родителей Клима «долго и скучно» говорили «о двух правдах: правде-истине и правде-справедливости» [XXI, 21]). Е. Кусковой¹⁴⁶ он пишет: «Я искреннейше и непоколебимо ненавижу правду, которая на 99 процентов есть мерзость и ложь. <...> людям необходима другая правда, которая не понижала бы, а повышала бы рабочую и творческую энергию». И дальше: «Ему [народу] не нужна та мелкая, проклятая правда, среди которой он живёт, – ему нужно утверждение той правды, которую он сам создаёт»¹⁴⁷.

Неоднократное использование наименования «утешитель» для обозначения внутренней сущности не одной личности (Долганова), а целого идеологического течения, говорит об особом отношении автора к этому направлению общественной мысли и её представителям. Оговаривается именно принадлежность его к этому течению, да и диалог построен на полемике между марксистами и народниками. Поэтому можно провести параллель между

¹⁴⁵ Адамович Г. М. Горький // Современные записки. 1936. № 61. С. 392.

¹⁴⁶ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869-1958), российская политическая деятельница. В конце 1880-х – начала 1890-х гг. народница, затем марксистка. Обвинённая В. Лениным и другими ортодоксальными марксистами в «предательстве рабочего движения», «экономизме» и т.п., она порвала с социал-демократами. После Октябрьской революции находилась в оппозиции к большевикам; была одним из руководителей Помгола (Комиссии помощи голодающим при ВЦИК). В 1921 выслана на Север, в 1922 – за границу.

¹⁴⁷ Кускова Е. Трагедия Максима Горького // Новый журнал. 1954. № 38. С. 240-242.

отношением Горького к выведенному им образу Утешителя и к народникам. Самому автору речи Луки напоминали сирену, которая «поёт ложь из жалости к людям, она знает, что правда – молот, удары её эти люди не выдержат, и она хочет всё-таки обласкать их, сделать им хоть что-нибудь хорошее, дать хоть каплю мёда и – лжёт»¹⁴⁸. Такая же любовь-жалость, по мнению Горького, была свойственна представителям народничества. Протест против утешительной, идеализирующей полуправды был естественен для Горького, знавшего жизнь народа не понаслышке. Стремление избавиться от такой любви-жалости (в самом себе, прежде всего), способствовать формированию свободного человека и породило концепцию двух правд.

Известно, что Горький сам не избежал увлечения народолюбивыми идеями, пришедшими к нему из книг. В юности Алексей Пешков, решив проверить теорию практикой, совершил своё «хождение в народ» – уехал работать в деревню. Свои впечатления он описал в автобиографической трилогии (1913-1914, 1915-1916, 1922), «Несвоевременных мыслях» (1918), «Беседах о ремесле» (1931). В деревне он увидел «буйное кипение мелких и крупных, совершенно непримиримых противоречий; в массе они создавали чудовищную трагикомедию, роль главной героини в ней играла жадность собственника»¹⁴⁹. До конца дней Горький неизменно сохранял если не враждебное, то недоверчивое отношение к крестьянам. В период революции им были написаны «Несвоевременные мысли», в 20-30-е гг. – серия публицистических статей («О русском крестьянстве», «О русской жестокости»), общая направленность которых осталась всё той

¹⁴⁸ Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 7. М., 1970. С. 603.

¹⁴⁹ Горький М. Беседы о ремесле // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 25. М., 1976. С. 348.

же: по мнению писателя, мужицкая сила – сила социально нездоровая.

В «Заметках о мещанстве» (1905) Горький пишет о народниках и объясняет причины провала «хождения в народ» – неверие народа «господам». В 1917 году, став свидетелем двух революций, Горький не изменил своего мнения: «Мы очень легко веруем: народники расписали нам деревенского мужика, точно пряник, и мы охотно поверили – хорош у нас мужик, настоящий китаец, куда до него европейскому мужику»¹⁵⁰.

Общеизвестна приверженность Горького к социальному активизму, ненависть к «мужику». Сам писатель называл себя марксистом, но «сомнительным», «плохим». Он взял от марксизма то, что отвечало его беспоконной душе и деятельному разуму. В одной из своих статей он писал: «социализм <...> содержит в себе мощный дух и пламя религии»¹⁵¹. Разочарование в христианстве заставило Горького искать новую «религию», понимаемую как коллективное проявление разумной воли. Наиболее систематизированно «пятая религия» (А. Луначарский), «обожествившая» народ, описана в «Исповеди» (1908)¹⁵². Попытки оправдать веру в «коллективного Человека» и даже написать для обожествляемого трудового народа «евангелие от Максима» (Г. Митин) – повесть «Мать», привели к пониманию шаткости, неполноценности теории. Горький как мыслитель не мог не почувствовать здесь некоего внутреннего противоречия: человек – бог, человек оправдан человеком – самим со-

¹⁵⁰ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Рассказы. М., 1991. С. 46.

¹⁵¹ Горький М. О «Бунде» // Цит. по: Басинский П.В. Горький. М., 2006. С. 309.

¹⁵² «В новой моей повести я старался осветить путь к слиянию с целым – счастье и источник высших наслаждений духа именно в этом слиянии, – нигде кроме» // Архив А.М. Горького. Т. 9. М., 1966. С. 46.

бой. Поэтому герои его более поздних произведений не перестают искать веры – в чём-то высшем (так, например, в «Самгине» философ Томилин эволюционировал от гностических позиций к философско-религиозным воззрениям: «Путь к истинной вере лежит через пустыню неверия»).

Внутренняя неуверенность Горького-мыслителя в окончательной истинности новой религии не позволила солгать Горькому-художнику. Г. Плеханов, например, утверждал, что Горький не понимает марксизма, что он – ни в коем случае не проповедник, а художник. Марксисты в изображении Горького – одни из немногих на страницах «Самгина» нашедшие своего «бога» в человеке и на том успокоившиеся. Горький показывает их «одномерными», односторонними, но именно в силу своей ортодоксальности являющимися наиболее цельными натурами, способными добиться намеченной цели.

2.2.1.2 Будущие герои революции по-горьковски

В этом смысле знаковым является образ основного идейного оппонента Самгина и «идеального» марксиста Степана Кутузова. Цельность его натуры видится не только через авторские ремарки, но, главным образом, через акты коммуникации с другими персонажами произведения. Кутузов, как и Дмитрий Самгин в приведённом эпизоде, в споры не вступает и их не инициирует. На многочисленные провокации собеседников он не поддаётся.

Так происходит даже тогда, когда один из его постоянных оппонентов Игорь Туробоев пытался серьёзно («без обычных гримас и усмешечек» [XXI, 252]) добиться от Кутузова ответа о структуре общества. В начале 1900-х годов, к которым относится описываемая сцена, трудно было не поддаться на подобную коммуникативную «про-

вокацию». Эти годы были периодом, когда марксизм вышел на общественную арену, и всерьёз решались вопросы классового разделения социума. Проблема эта была одной из актуальнейших.

Однако находились люди, которые считали этот вопрос решённым. Таков Кутузов, который на тираду Туробоева о том, что культура погибает из-за привычки людей жить за чужой счёт, возникшей по необходимости, но теперь подрывающей глубокий смысл и поэзию труда, отвечает лишь одной репликой: «Идеалист вы, Туробоев. И – романтик, а это уж совсем не ко времени» [XXI, 252]. Таким образом, Кутузов из вопроса Туробоева сделал вывод о личности последнего, а ответить на поставленный вопрос не посчитал нужным. Самгин же не видит для себя места в этом споре, повествователь не вводит его в диалог и даже не помечает ремаркой его эмоциональной реакции на спор.

То же самое происходит и чуть позже, на том же вечере, когда Клим, выпив слишком много, потерял контроль над собой, и стал говорить то, чего от него не ждали: «Мой дядя такой же продукт разложения верхних слоёв общества, как и вы сами... Как вся интеллигенция. Она не находит себе места в жизни и потому...

Туробоев из своего угла сказал:

– Вы, Самгин, кажется, стали марксистом, но, я думаю, это оттого, что за столом вы неосторожно мешали белое вино с красным...

Дмитрий громко засмеялся, Кутузов сказал ему:

– Не мешай» [XXI, 253].

Снова Кутузов не вмешивается в спор, хотя «Климу хотелось, чтобы с ним спорили» [XXI, 253]. Он занимает позицию наблюдателя, но его наблюдение совершенно иного качества, чем у Самгина. Уверенное поведение, нежелание вступать в споры, доказывать правильность марксизма говорят о том, что Степан в своём деле уве-

рен. А профессиональное занятие революцией позволяет ему смотреть на людей утилитарно, с точки зрения пригодности/непригодности к революционной деятельности, способности/неспособности оказать помощь революции. Отчасти поэтому реплики Кутузова обычно – не ответ на конкретный вопрос, а оценка, качественная характеристика собеседника ил результатов его деятельности. Полноценным спором эти диалоги назвать нельзя. Они не отвечают основным признакам спора как такового. Это, скорее, проповедь, лекция, просветительская беседа, а чаще всего – иронические реплики:

Самгин: «Сам народ никогда не делает революции, его толкают вожди. <...> Вот чему учит история...

– Любопытная история, – сказал Туробоев.

– Старенькая, – добавил Кутузов и встал. – Н-ну-с, мне пора идти» [XXI, 254].

Реплики Кутузова не являются антитезисом к предлагаемому тезису в чисто логическом смысле, не исключают друг друга: «народ», «революция» и «старенькая история» не оппозиционны, и ответная реплика – оценка, а не антитезис. Такой перманентный уход от спора свойственен и другим большевикам:

Властов (на реплику Самгина: «Революционер прежде всего – общественный деятель»), «<...> иронически усмехаясь, спросил: “В интересах какого же общества действует такой революционер? Если в интересах современного, классового, так почему же он – революционер, а не контрреволюционер?” [XXII, 469].

Татьяна Гогина: «Вы, Самгин, уверены, что вам хочется именно конституции, а не севрюжины с хреном?» [XXII, 509].

Спивак: «Кажется, вы занимаетесь интеллигентской возней с самим собою? Вот уже... не ко времени!» [XXII, 527].

Диалог с участием большевиков никогда не создаёт ощущения завершенности, даже реплики диалога чаще всего не являются законченными фразами. Споры никогда не развиваются по логической схеме, в них, как правило, не приводятся аргументированные доказательства, они не служат идеальными передатчиками информации, не оказывают задуманного собеседником воздействия. Автор «Самгина» вводит лишь подобия диалогов, а не полноценные диалоги. У читателя создаётся стойкое ощущение невостребованности в среде большевиков диалога как средства достижения истины. Большевики рассматривают диалог лишь как средство достижения цели и используют его почти вынужденно, когда диалог является единственным способом достичь желаемого.

На страницах «Самгина» есть только один полноценный спор с участием Кутузова. Он происходит в 1902 году (*том второй*). В это время революционная ситуация в стране нарастает. Эсерами было совершено покушение на министра внутренних дел Сипягина. Убийство министра произвело огромное впечатление и открыло новый этап в истории борьбы с монархией. После убийства профессиональные революционеры усилили свою пропагандистскую деятельность в буржуазных кругах и выступали в домах общественных деятелей, интеллигентов. В один из таких домов (к «патрону» Самгина) пришёл в качестве «докладчика» Кутузов.

Начало спора не приводится: Самгин опоздал и не застал «доклада». Но по услышанному им диалогу можно понять, что речь шла о создании Интернационала, о формировавшейся тогда РСДРП и методах её работы. Этот диалог можно считать осветившим основные положения программы большевиков. Однако этот спор так же далёк от «идеального», как и предыдущие выступления Кутузова: его интенции были не в достижении неведомой истины, а в убеждении других в силе уже найденной.

Отвечая на вопросы присутствующих, Кутузов последовательно раскрывает мотивы участия многих обывателей в революции: «появился новый тип русского бунтаря, – бунтарь из страха перед революцией» [XXII, 435]; характеризует главного идеолога партии – Ленина: «Он просто утверждает необходимость воспитания из рабочих, из интеллигентов мастеров и художников революции» [XXII, 436]; разводит рабочий класс – «действительно революционную силу», и мещан, стремящихся «переродиться», чтобы их не «пожрал Ваал»; говорит об идейных разногласиях в среде социалистов: «<...> мы не боимся действовать противузаконно, как боятся этого некоторые иные. Но – мы против “вспышкопускательства”, – и против дуэлей с министрами» [XXII, 439].

Кутузов быстро переходит от спора к проповеди. Большевик использует образные риторические приёмы, по стилю скорее принадлежащие не к информативному жанру спора, а к аффективному – проповеди: «все ищут ключей к тайнам жизни, выдавая эти поиски за серьёзное дело. Но – ключей не находят и пускают в дело идеалистические фомки, отмычки и всякий другой воровской инструмент» [XXII, 439]. Об этом говорят и авторские ремарки: «большинство людей примолкло. <...> Кутузов говорит, как профессор со своими учениками» [XXII, 439].

С жанром проповеди речь Кутузова роднит и своеобразная «память жанра»: изначально проповедь – толкование Библии, то есть разъяснение, иллюстрирование «истинного» текста. Так и Кутузов – «толкует» собеседникам «непонятные места» из своей «библии» – марксистского учения. Как известно, чтобы проповедь была действенной, проповедник должен быть авторитетен, его слово должно быть веским для слушателей. И если в церковной проповеди авторитетность обуславливается саном проповедника, его статусом посредника между Богом и людьми, то в мирской «проповеди» авторитет нуж-

но заслужить – наличием большего, чем у других, знания; более высокого социального статуса, морального превосходства. Кутузов берёт на себя такое «право», показывая абсолютную моральную устойчивость, уверенность в своей идее.

Непоколебимость эта выражалась в поведении: во время буйного спора он один спокойно «заклеивал языком лопнувшую папиросу» [XXII, 436], «покуривая, негромко, неохотно и кратко возражал» [XXII, 439]. В праве на проповедь Кутузову не отказывает и «главный скептик» – Клим Самгин, который «не впервые чувствовал гипнотическое влияние Кутузова, но никогда ещё не ощущал этого с такой силой» [XXII, 439]. Признавая силу Кутузова, Самгин отдаёт должное и силе духа: «Должно быть – он прав»; «Уметь вот так сопротивляться людям»; «Нет, его не назовёшь рабом, “прикованным к тяжёлой колеснице истории”» [XXII, 441].

Однако такое «право» Кутузову дают не все: в течение вечера его обвиняют в идеализации народа, в вульгаризме, в проповеди «якобы неоспоримых истин [XXII, 439] и т.д. На эти обвинения Кутузов не отвечает, а лишь иронизирует: «не пора ли прекратить эти “микроскопические для души увеселения”?» [XXII, 440]. Однако сам позже признаёт, что вечер – не из удачных. Оставшись наедине с Самгиным, Кутузов продолжает проповедь, в которой каждая мысль – звено одной цепи, что ещё раз подтверждает цельность Кутузова.

Как и в предыдущем диалоге, Кутузов получает возможность моделировать свою речь, так как его слово в глазах Самгина – авторитетно, и в данном случае Клим – сила ведомая. Лейтмотивом диалога служит вопрос Клима о легальных марксистах (в частности, об одном из его наиболее последовательных представителей на страницах произведения – Прейсе): «Не совсем понимаю, что его [Прейса] влечёт к марксизму» [XXII, 117]. Весь после-

дующий диалог представляет собой, по сути, монолог Кутузова, изредка перемежаемый вопросительными и/или уточняющими репликами Самгина (Кутузов: «Так – не понимаете, почему некоторых субъектов тянет к марксизму?» Самгин: «Не понимаю»), или рефлексией Клима по поводу услышанного («– Пощупали вас жандармы и убедились в политической девственности вашей, да?

Самгин не успел обидеться на грубоватую шутку, потому что Кутузов ласково продолжал:

– Волновались? Нет?» [XXII, 118]).

Ремарки повествователя в этом диалоге, как правило, характеризуют говорящего, описывают его действия («Выпив водку, он продолжал <...>; «Он съел всё, посмотрел на тарелку с явным сожалением и спросил кофе» [XXII, 119]), дают картины окружающей героев обстановки («четверо молчаливых мужчин как будто выросли, распухли. Дама, дочитав письмо, спрятала его в сумочку.

<...> Кутузов вполголоса рассказывал <...>» [XXII, 119]). Перемежая речь персонажа подобными зарисовками, повествователь не только позволяет дополнительно охарактеризовать ситуацию, но и создаёт иллюзию полноценного диалога или даже спора (в том случае, когда событие освещается с противоположных, порой даже взаимоисключающих сторон). Таким образом, по существу речь эта является проповедью, так как не встречает достойных возражений пассивного собеседника, и оратор сам моделирует своё выступление.

Беседы Самгина и самого «словоохотливого» из марксистов – Кутузова напоминают интервью: Самгин спрашивает, Кутузов даёт ответы. При этом личность вопрошающего остаётся более или менее закрытой. Цель интервьюера – получить как можно больший объём информации, и вопросы ставятся с таким расчётом, чтобы интервьюируемый выдал как можно больше нужной информации и охарактеризовал ситуацию с разных сторон

(Самгин действительно сообщал, что «затеял писать бытовые очерки “На границе двух веков” <...>», где «<...> намерен показать процесс разрушения всяческих “устоев” и “традиций” накануне эпохи всяческих мятежей» [XXII, 370]). Поэтому данный диалог трудно назвать полноценным. Скорее, он напоминает особый публицистический жанр псевдо-интервью, в котором вопросы придумываются самим ответчиком, и, соответственно, он задаёт тон и тематику разговора. Возникает ощущение, что Самгин лишь статист, приглашённый для создания естественной ситуации интервью и озвучивающий эти вопросы.

Несмотря на то, что Кутузов показан в книге единственным человеком, добившимся авторитета у Самгина, образ революционера остался непрописанным, схематичным, ходульным. В изображении Степана избыточны описания внешние, зачастую отсутствует мотивировка поступков. Отсутствие колебаний, ощущение, что он всегда знает, что сделать, чаще приводят в недоумение, чем в восхищение. Таким «сверхчеловеком» у Горького получился не только Кутузов. Марксисты писателю не удавались во всём творчестве. Например, Павел Власов в романе «Мать» (1906, вторая редакция – 1907) столь же целен и монументален. Достоинство этого образа достигается тем, что протожанром повести стало житие, и жизнь Павла отражена по свойственным его жанру канонам. А характер Ильи Артамонова-младшего в «Деле Артамоновых» (1925), несмотря на ту же цельность и верность идее, нелогичен, немотивирован и так же прописан внешне, с «чужой», внешней точки зрения.

Хотя у других писателей-современников Горького были несомненные успехи в изображении таких эпических героев. Например, Левинсон в романе «Разгром» (1927) А. Фадеева, при том, что абсолютно авторитетен (его слушают – за ним идут – ему подражают), описан

изнутри, читатель знает ход его мыслей, видит его внутренний мир. В «Разгроме» акценты перенесены на мир чувств, мыслей, переживаний. В этом и состоит художественная привлекательность образа. Ещё одним ярким произведением эпохи 1920-х стал «Железный поток» (1924) А. Серафимовича, в котором писатель в образе Кожуха искусно воссоздал тип непреклонного, беззаветно преданного советской власти большевика.

Если же говорить о героях, которые в полемике используют методы, подобные методам Кутузова, то можно упомянуть изображённый А. Чеховым в «Доме с мезонином» образ Лидии Волчаниновой. Обладая, как и Кутузов, цельной натурой, она демонстрирует своё презрение к социально пассивному художнику. «Это для вас неинтересно»¹⁵³, – сухо говорит она всякий раз, когда заходит речь о земстве, школах, крестьянах. Лидия Волчанинова уверена в своей правоте и не испытывает потребности её доказывать. Лишь раздражение заставило её отвечать на реплики художника. Она иронично оценивает работы героя: в ответ на реплику художника о том, что медицинский пункт в одном из сёл не нужен, она отвечает: «Что же нужно? Пейзажи?»¹⁵⁴; демонстративно читает газету во время разговора; резко изменяет тему разговора и т.д. Хотя демонстративное презрение всё же свидетельствует о том, что интеллигентов воспринимали скорее как врагов, чем как «неразумных детей», Лидии, как и Кутузову, придавала сил и уверенности вера в Идею, которую они олицетворяли.

В каждом из идейных течений есть свои слабые места, но объединяет их одно – краеугольным камнем каждое из них выбрало понятие «народ». Непрекращаю-

¹⁵³ Чехов А. Дом с мезонином // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М., 1977. С. 178.

¹⁵⁴ Чехов А. Дом с мезонином // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 9. М., 1977. С. 183.

щиеся идеологические споры не определились с одной из основных констант, без которых сама возможность полемики ставится под сомнение. В «правильной» дискуссии стороны сначала договариваются о значениях основных используемых терминов, стараются одинаково определить «все понятия, которые они используют, в их качественном и количественном наполнении»¹⁵⁵, найти коды, полностью или хотя бы частично общие для адресанта и адресата. В «Жизни Клима Самгина», говоря о «народе», спорщики зачастую наполняют это слово разным содержанием. Кутузов народом именуется его «передовую и наиболее сознательную часть» – пролетариат, для народников это, конечно же, преимущественно крестьяне.

Итак, основная социальная оппозиция в среде интеллигенции – между народниками и марксистами (преимущественно, большевиками), то есть между идеалистами и материалистами. Учитель Клима, философ-гностик Томилин пытается снять оппозицию, говоря, что материализм и идеализм – лишь две привычки мыслить о мире, а не противоположные и взаимоисключающие системы. Он кратко, но точно отмечает достоинства и недостатки этих привычек: материализм «проще, практичнее и оптимистичней, идеализм – красив, но бесплоден. Он – аристократичен, требовательней к человеку» [XXI, 124]. Томилин сводит противоречие между ними до уровня сентенции «о вкусах не спорят».

Споры в «Самгине» часто подменяются проповедью. Причём правом проповеди Горький наделяет только большевиков. Пожалуй, это единственные персонажи, которые изображены как натуры цельные, а потому – сильные. Получается, что только они со своей безапелляционностью и неизбежной ограниченностью способны на бескомпромиссную войну, а стало быть, единствен-

¹⁵⁵ Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 124.

ные, кто реально может взять власть в свои руки. Характерно, что после первой главы первого тома (где описывается детство Клим), на протяжении всего четырёхтомника – только два персонажа-ребёнка (Аркадий – Лаврушка, ученик медника, и сын Елизаветы Спивак) и оба они – именно большевики. Один – «пролетарский» мальчик, который пришёл в революцию детски играючи и очень естественно. Другой, сын революционерки со стажем, по-взрослому осознанно – и по-детски бесстрашно. Неудивительно, что Климу Аркаша – «чернобровый, с глазами, как вишни, с непокорными гребёнке вихрами, тоненький и гибкий, напоминал Бориса Варавку» [XXII, 523].

Итак, большевики – одни из немногих на страницах романа, кто в состоянии сохранить единство интенции своей речи. Внутренне уверенные в своей истине, они не идут на спор ради спора, ради самовыражения и уж тем более – ради выяснения личных отношений. Их высказывания нанизаны, как на нитку, на основной – классовый, социальный – идейный стержень, а потому их спор логичен и внеэмоционален, то есть внешне отвечает основным принципам идеального спора. Однако в том и заключается парадокс, что эти герои, уверенные в своей истине, не испытывают потребности в её поиске. Поэтому их участие в полемике превращает её в риторический жанр убеждения, проповеди. Они внутренне уверены в праве на неё (Самгин: «Он [Кутузов] не сомневается в своём праве учить, а я не хочу слышать поучений» [XXIV, 181]; «С каждой встречей он вызывает впечатление человека, который становится всё более уверенным в своём значении, в своём праве учить, действовать» [XXIV, 323]).

2.2.2. Интеллигенция: «чужие» среди «своих»: итог противоречия между идеей и реальностью

«Две реальности: народ и интеллигенция», как характеризует их А. Блок¹⁵⁶, стали основным объектом изображения в «Жизни Клима Самгина». Горький, говоривший об «адовой суматохе» рубежа веков, окрасившей 40 лет жизни интеллигента «средней стоимости», не в последнюю очередь имел в виду взаимоотношения народа и интеллигенции, оказавшие огромное влияние на историю страны, на эволюцию самой интеллигенции. Собственно, сущность отношений «интеллигенция/народ, революция» в «Жизни Клима Самгина» была обозначена на первых страницах произведения через озвучивание нескольких оппозиций: «Народ-страдалец – Авраам, интеллигенция-жертва – Исаак», «Фаусты и Дон Кихоты», «не революционер по натуре, но революционер по долгу чести» и пр.

Публицистическая вставка в начале романа вводит читателя в «коммуникативную ситуацию» эпохи, целиком замешанную на противоречиях, общественных и индивидуальных. Когда Горький писал первый том своей «главной» книги, он не предполагал, что она разрастётся так широко. Весомый четырёхтомник остался незавершённым, последние два тома Горький не успел отредактировать. Первый том же отредактирован тщательно, что, видимо, позволило писателю наиболее адекватно воплотить свои идейные и эстетические взгляды. Возможно, это и обусловило столь чёткую структуру первого тома: только он разбит на главы, прочие представляют собой сплошной повествовательный поток. Смена событий в первом томе прочно мотивирована, в остальных

¹⁵⁶ Блок А.А. Народ и интеллигенция // Блок А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Очерки, статьи и речи. Из дневников и записных книжек. Письма. М., 1955. С. 86.

трёх Горький как будто не считает нужным объяснять внешние причины метаний Клина.

Начало романа (начиная со второй страницы текста) представляет собой краткий экскурс в историю народнического движения и раскрывает причины его провала. Отдавая должное личностным качествам борцов за народную свободу (которым сам автор, несомненно, симпатизировал), описывая действия этих «честных людей» [XXI, 11], Горький, однако, сразу начинает с изображения противоречий, которые в дальнейшем будут только нарастать. В текст вводится множество синтаксических конструкций, состоящих из смысловых оппозиций: «Первые годы жизни совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру тех немногих людей, которые *мужественно и беззащитно* поставили себя “между молотом и наковальней”, между правительством *бездарного* потомка *талантливой* немецкой принцессы и *безграмотным* народом, отупевшим в рабстве крепостного права» (Здесь и далее курсив наш. – А.М.).

Далее: «Заслуженно ненавидя власть царя, честные люди заочно, с *великой искренностью* полюбили “народ”, и пошли воскрешать, спасать его. Чтоб легче было любить мужика, *его вообразили* существом исключительной духовной красоты <...>»; «<...> несколько десятков решительных людей <...> вступили в единоборство с самодержцем, <...> убили его [царя], и тотчас были *преданы одним из своих товарищей; он* [товарищ] *сам пробовал убить Александра Второго*, но, кажется, *сам же и порвал провода мины*, назначенной взорвать поезд царя. Сын убитого, Александр Третий, наградил покушавшегося на жизнь его отца званием почётного гражданина» [XXI, 11] и т.д.

«Мужество» / «беззащитность», «правительство» / «народ» и так далее: жертвенное мужество героев обречено на неудачу, искренность душевных порывов – люб-

ви к народу – сочетается с выдуманностью объекта этой любви. Причина таких противоречий на уровне целой организации кроется глубоко в сознании каждого из её членов. Обрисовав в нескольких фразах (всего 10 коротких абзацев) целую эпоху российской истории, Горький, как кажется, смог очертить и суть российской интеллигенции: её оторванность от действительности, «неотмирность», разобщённость, раздробленность, которая отразилась на всех уровнях: от индивидуально-личностного и узкогруппового до общественного. Эта идея станет во многом определяющей для дальнейшего повествования.

Публицистическое отступление в романе – суть «парад парадоксов», которые, уже будучи взрослым, любил устраивать Клим, сталкивая в своём сознании противоречивые, непримиримые воззрения. Всё, что впоследствии Самгин не мог свести к единому знаменателю, берёт свои истоки в детстве, когда Клим, сам того не сознавая, впитывал в себя экзистенциальный опыт предшествующих поколений.

«Народ – один из центров “двучентричного” произведения “Жизнь Клима Самгина”» – таковы отзывы всех без исключения горьковедов советского периода, обращавшихся к анализу этого романа. С тех пор, как А. Луначарский утвердил, что, наряду с Самгиным, центральным является и субстанция народа, идея двоецентрия «Жизни Клима Самгина» на десятилетия определила пути исследования книги Горького. Типичными стали утверждения: подлинный герой романа – народ: «он играет решающую роль в судьбах всех других героев, определяет своеобразие жанра, сюжета, композиции, произведения в целом»¹⁵⁷, и, что хотя «в эпосе почти нет страниц, не связанных с Самгиным, настоящим героем

¹⁵⁷ Овчаренко А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1982. С. 345.

её является народ»¹⁵⁸. Несомненно, тема народа занимала русскую литературу всегда, и Горький не стал исключением. Автор одной из статей, посвящённых литературным связям писателя, доказывает, что Горький продолжил тему, начатую Л. Толстым, Н. Помяловским, Г. Успенским, и показывает, как «была воспринята Горьким и как трансформировалась в его творчестве великая тема русской классической литературы – тема народа»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Овчаренко А.И. М. Горький и литературные искания XX столетия. М., 1982. С. 346.

¹⁵⁹ Жегалов Н.Н. Великое, вечно живое... Традиции русской классики в творчестве Горького // Вопросы литературы. 1984. № 8. С. 56. Вопросам преемственности М. Горького и его литературным связям посвящено немало трудов, в том числе: Алиев Э.А. Горький и классическое наследие: К истории литературно-критических дискуссий 20-х гг. // Филологические науки. 1975. № 5. С. 28-32; Бирюков Ф. Завещано Максимом Горьким (О значении горьковских традиций в развитии современной советской литературы) // Наш современник. 1978. № 5. С. 166-178; Желтова Н.И. Горьковедение 70-х гг.: Обзор // Русская литература. 1981. № 3. С. 175-184; Краснов Г.В. Проблема исторической личности в очерках М. Горького 1920-х годов // Горьковские чтения-2000: Материалы международной конференции «Максим Горький художник: проблемы, итоги и перспективы изучения». Н. Новгород, 2002. С. 95-99; Минакова А.М. А.М. Горький и советская философская проза 20–30-х годов // Горьковские чтения-1980: Материалы конференции «А.М. Горький и роман XX в». Горький, 1980. С. 78-86; Муратова К.Д. Горьковедение 1960-х гг. // Русская литература. 1968. № 1. С. 6-22; Овчаренко А.И. М. Горький и мировая литература // Москва. 1978. №№ 1-3; Примочкина Н.Н. Горький и Бунин: два художника в 20-е годы // Горьковские чтения-2000: Материалы международной конференции «Максим Горький художник: проблемы, итоги и перспективы изучения». Н. Новгород, 2002. С. 107-112; Сухих О.С. Идея великого инквизитора в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Горьковские чтения-1997: Материалы конференции «М. Горький и XX в.». Н. Новгород, 1997. С. 204-209; Холодова Г.М. Страдание и сострадание: О некоторых аспектах полемики Горького с Достоевским // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1988. № 36. С. 16-21; Шаталин М. «Клим Самгин» и советское литературоведение // Знамя. 1968. № 8. С. 223-239; Этгинд А. Горький и Безбе-

В годы переоценки ценностей о беспорности ведущей роли народа в общественно-политических процессах стали говорить более осторожно. Соответственно, стали отказываться ему и в определяющей роли в художественных произведениях, в том числе и в «Самгине». Однако невозможно просто отбросить целый художественный пласт, несомненно, значимый для мира произведения. Удельный вес «народных» сцен в произведении действительно велик. Споры «о народе» и «по поводу народа» не просто одни из самых многочисленных в тексте. Скорее, их можно назвать той основой, на которой строятся идейные противоречия «Жизни Клим Самгина». Именно «народ» – слово, бывшее «удивительно ёмким» и вмещавшее «самые разнообразные чувства» [XXI, 17], является камнем преткновения практически во всех идейных течениях изображённого сорокалетия.

2.2.2.1 «Временнообязанные» революционеры

Народническая идеология была господствующей в российском революционном движении 1860-х – начала 1880-х годов и представляла собой своеобразный синтез социалистических идей со славянофильскими представлениями о самобытном пути развития России. В середине XIX в. демократизация образования привела к расширению круга интеллигенции за счёт огромного числа разночинцев. Это обстоятельство имело немаловажное значение для дальнейшей (социальной) направленности её деятельности. Идеологи народничества (М. Бакунин, П. Лавров, Н. Михайловский, П. Ткачёв) призвали интеллигенцию вернуть долг народу, благодаря труду которого она получила образование, и способствовать его

дов: подтекст «Серебряного голубя» в «Климе Самгине» // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 30-53.

освобождению от экономического и политического угнетения. Именно в разночинной среде могла получить такую популярность теория неоплатного долга интеллигенции перед народом.

Народники видели потенциальный зародыш социализма в сельской общине, считая, что в России возможен переход к социализму, минуя капитализм, благодаря крестьянской общине с её коллективным землевладением, уравнительным землепользованием и традициями самоуправления¹⁶⁰. Народники предприняли «хождение в народ», пик которого пришёлся на 1874 г. Они вели пропаганду социализма, направленную, в конечном счёте, на то, чтобы поднять крестьянство на восстание. Однако «хождение в народ» кончилось полным его разгромом к концу 1875 г.: сотни пропагандистов были арестованы, а крестьянство оказалось плохо восприимчивым к революционным идеям. И не случайно Горький начинает своё повествование с описания реакции 70-х гг. XIX в., которая возникла в ответ на деятельность народнической организации.

Настроение интеллигенции восьмидесятых годов, несмотря на реакцию, можно было определить как либерально-народническое. Либеральные народники отказались от революционных притязаний своих предшественников, увлеклись «теорией малых дел», «постепенного прогресса». Но детство родившихся в семидесятых, в том числе и горьковского героя, всё ещё проходило под знаком притчи об Аврааме и Исааке, которую учили понимать «ино-ска-за-тель-но» [XXI, 24]. Служение народу,

¹⁶⁰ Народничество эволюционировало, в 1901-02 разрозненные кружки и организации последователей революционного народничества, существовавшие в России и за границей, объединились в партию социалистов-революционеров (эсеров). Идейная платформа новой народнической партии была дополнена некоторыми марксистскими положениями – признанием значения рабочего класса и др.

его просвещению и улучшению качества жизни входило в число безусловных императивов интеллигенции.

Как пишет Горький в своём «публицистическом» отступлении, «чтобы легче было любить мужика, его вообразили существом исключительной духовной красоты, украсили венцом невинного страдальца, нимбом святого и оценили его физические муки выше тех моральных мук, которыми жуткая русская действительность щедро награждала лучших людей страны» [XXI, 11]. Такое выдумывание, однозначные оценочные оппозиции, не признающие оттенков, создают первые противоречия в юных умах, и впоследствии эти противоречия становятся неразрешимыми. Славословия народу не совмещаются с реальностью. Страдания народа, возведённого интеллигенцией до «божественного» уровня, встали «в новом освещении, не менее туманном, но ещё более страшноватом» [XXI, 25]. Несовпадение действительного «народа» (празднично-весёлого в воскресные дни, бездеятельного во время стихийных бедствий) и того «обожествлённого» народа, о котором неустанно говорили, и стало первой причиной драматического непонимания, которое долгие годы не могли преодолеть обе стороны – ни интеллигенция, ни народ. Отголоски подобной «мифологизации» проходят через весь текст «Самгина». Так, например, деревенский мужик пересказывает речи «объясняющего господина» – пропагандиста из числа народников: «Где корень и происхождение? Это, говорит, народ, и для него, говорит, все средства...» [XXI, 375].

Интеллигенты, действующие от лица народа и во имя народа, несмотря на готовность к самопожертвованию, до известной степени оказались во власти иллюзий, которые создавались народолобцами, идеализировавшими, поэтизировавшими народ. Эти иллюзии стали причиной углубления взаимного непонимания. Мысль о давлении революционной парадигмы на сознание ин-

теллигентов звучит и в «Жизни Клим Самгина»: «<...> большинство интеллигентов – временнообязанные революционеры, – до конституции, до республики»¹⁶¹ [XXIII, 250]. Помогая революционерам каждый по своим мотивам, они объединяются сознанием долга интеллигенции перед народом, долга порядочного человека.

В третьем томе, охватывающем события революции 1905 года, сам Клим делает неутешительный вывод о трагическом противоречии между подлинной социальной ролью и навязываемым, односторонним представлением о ней: «Вообще интеллигенция не делает революций, даже когда она психически деклассированна. Интеллигент – не революционер, а реформатор в науке, искусстве, религии. И в политике, конечно. Бессмысленно и бесполезно насиловать себя, настраивать на героический лад...» [XXIII, 316]. Революция, подготовка к ней оказались той мерой долга, той ценой, которую должна была заплатить интеллигенция народу.

Установка на жертвенность и обусловила тот мотив невольничества, о котором писала Л. Киселёва и присоседившийся к её мнению С. Сухих. Этой установкой, пожалуй, и объясняются духовные скитания Самгина, всё существо которого противилось радикальным переменам, но не имевшего достаточно силы, чтобы сказать «нет»

¹⁶¹ Горький озвучил мысль о «временнообязанных» революционерах задолго до начала работы над «Самгиным», в 1917 г.: «Революционер на время, для сего дня, – человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления – страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остаётся консерваторм, являя собой печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей» (Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Рассказы. М., 1991. С. 27).

«мастеровым революции». А своей «системы фраз» у него не было по той же причине – он выдумывал себя с детства, позиционировал себя как должник народа. Он не смог противопоставить себя обществу, где мысль о жертвенности считалась аксиомой.

2.2.2.2 Интеллигенты в революции: от Бабеля до Солженицына

Между тем в творчестве современников Горького были примеры более «естественного», искренне заинтересованного отношения к революции. Например, Бабель в «Конармии» (1926) в образе героя-рассказчика Лютова отразил влечение интеллигенции к революции, желание найти своё место в ней. Герой, признавая за революцией право на требование жертв, тем не менее эстетизирует её, видит в ней не только Молоха. Он постоянно фиксирует внимание читателя на парадоксах революции: жестокость соседствует с бескорыстием, косность – с нравственной просветлённостью. Однако через всю «Конармию» трагическим фоном проходит невозможность слиться, отождествиться с новой силой. Поэтому, несмотря на разные ценностные установки, Лютова можно считать преемником, наследником Самгина. Он тоже пример фатальной невозможности найти себя через идентификацию с обществом.

С иных позиций рассматривает образ интеллигента в революции Пастернак. В его романе «Доктор Живаго» (1957) главный герой Юрий Живаго – один из лучших представителей русской интеллигенции. В эпоху исторического перелома у него больше сомнений, больше лирического пафоса, чем чётких ответов и решительных выводов. У него нет воли, если под волей подразумевать способность без колебаний принимать однозначные решения, но в нём есть «решимость духа не поддаваться

соблазну однозначных решений, избавляющих от сомнений»¹⁶². Пастернак стремился осмыслить проблему русской интеллигенции, привыкшей к мысли о самостоятельной ценности каждого мыслящего человека.

Однако на стадии подготовки революции лагерь интеллигенции был относительно един. Марксистов и народников объединяла оппозиция по отношению к институту государства, воплощавшемуся в триаде «православие, самодержавие, народность». Официально-самодержавная политическая сила считалась враждебной по определению. Монархические настроения, непопулярные среди разночинной интеллигенции, почти исключили возможность свободного, дискуссионного выражения мнений их носителей. Дурным тоном считалось положительно оценивать действия правительства, царя. Реплики сторонников монархии снабжаются авторскими ремарками, характеризующими внутреннее беспокойство, страх: «пугливо», «поспешно добавил», «смутился» и пр.: «Молодёжь развлекаться хочет, устала от демонстраций, конституции, революции. <...> Я, конечно, не отрицаю... Но “делу время, потехе – час”» [XXIV, 275].

В «невольничестве», внутренней несвободе видят причину кризиса интеллигенции и писатели-современники, и предшественники Горького. Например, проблеме интеллигенции и её роли в общественной жизни страны немало рассказов и драматических произведений посвятил Чехов. Во главе угла у чеховских героев также стоит комплекс раздвоенного сознания, отсутствия цельности, и, как следствие, фатальной предопределённости коммуникативного провала. А. Степанов посвятил целое исследование этому феномену и сделал вывод о смещении речевых жанров в творчестве Чехова: инфор-

¹⁶² Лихачев Д.С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 1. С. 5–10.

мативный жанр становится аффективным, условия для успешной коммуникации не соблюдаются.

Тема самоидентификации интеллигенции в революции нашла глубокое и многогранное воплощение в романе Федина «Города и годы» (1924). Эта тема раскрыта на примере художественного анализа судьбы русского «лишнего человека» Андрея Старцова, невольно ставшего участником и жертвой эпохи войны и революции.

Солженицын, значительно позже обратившийся к теме революции, слома эпох в своей эпопее «Красное Колесо» (1937, 1969-1990), также обращает пристальное внимание на интеллигенцию в революции, её отношения с народом. В произведении воссоздано «множество реальных и вымышленных, исторических и бытовых, драматических и комических сцен и эпизодов, отражающих»¹⁶³ взаимное непонимание. А.В. Урманов, в одной из своих работ исследуя отображение такого непонимания в слове, приходит к выводу о том, что глобальные лексические процессы обеднения, осквернения языка стали следствием деформации народного сознания, его привнесённой нецелостности. Это касается всех российских словесий: «Языкового взаимопонимания нет ни внутри интеллигенции, разорванной, разделённой на множество партий, фракций, направлений, группировок, ни внутри народных масс, которые тоже не являются монолитным образованием»¹⁶⁴. Учёный делает следующее заключе-

¹⁶³ Урманов А.В. Народное слово как элемент поэтики исторической эпопеи А. Солженицына «Красное Колесо» // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе: Сборник научных трудов. Выпуск 7. Благовещенск, 2006. С. 8.

¹⁶⁴ Урманов А.В. Народное слово как элемент поэтики исторической эпопеи А. Солженицына «Красное Колесо» // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе: Сборник научных трудов. Выпуск 7. Благовещенск, 2006. С. 32.

ние: разделение прошло не по границе народ/интеллигенция, а по границе верующие/отпавшие от веры, и что Солженицын отразил в своём произведении последствия попытки поставить под сомнение «теоцентрическое устройство мира».

Противоречие между тем, «как должно» (традиция), что есть (внутренняя сущность), рождает духовный и интеллектуальный диссонанс в среде интеллигентов. Стремление оправдать своё истинное мироощущение неизбежно ведёт к его искажению – для других и для себя. Находясь во власти общественной установки на активную социальную (освободительную) роль интеллигенции, Клим, как и герои произведений Чехова, Пастернака, Солженицына и других, внутренне протестует против этого насилия над личностью, в то же время не находя в себе смелости признаться в своём «невольничестве». Поэтому он ощущает кровное родство с «веховскими» философами: «Их мысли знакомы мне, возможно, что они мною рождены и посеяны» [XXIV, 238].

Невольничество проявляется прежде всего на уровне сознания Клим. Уже будучи состоявшимся в личном (Самгин женат), профессиональном (делает карьеру юриста), социальном (прочное общественное положение, авторитет) плане, Клим не изжил психологической особенности – бессознательно подчиняться воле общества.

Так, в одном из знаковых для русской истории эпизоде шествия рабочих-зубатовцев (второй том произведения) логика его рассуждений об обществе подчинена логике движения и настроения толпы. Сначала в мыслях Самгина шествие воспринимается как нечто единое и монолитное: «Мь», «Класс». Клим к этому времени не впервые наблюдал картины бунтов, выступлений оппозиции (одно из самых ярких предыдущих его воспоминаний – «хлебный» бунт в Нижнем Новгороде). Но никогда ещё он «не чувствовал раскольничьей правды учения о

классовой структуре государства» [XXII, 378], хотя шествие было как раз не оппозиционным, а проправительственным.

Описание самого шествия можно определить как «коллективный портрет»: «солидные люди шли в сосредоточенном молчании, молодёжь <...> разглядывал<а> чисто одетую публику у музея бесцеремонно и даже дерзко», «изредка в потоке шапок и фуражек мелькали головы, повязанные шальями, платками, но и женщины шли не шумно», «многократно и навязчиво повторялось сухое, длинное лицо Дьякона и круглое, невыразительное лицо Митрофанова», «один человек напомнил ему Дунаева» [XXII, 378]. Такие зрительные ассоциации-«узнавания» Климa неслучайны. Если вспомнить его отношение к данным героям, становится понятным начальное восприятие: Дьякон – несомненно «народен», из народа, но – «выломившийся» из своей среды, и потому неприятный Самгину, как все сложные, неоднозначные люди; зато Митрофанов, приятный ему – «типично русский здравомыслящий человек, каких миллионы» [XXII, 327]; и, наконец, рабочий-марксист Дунаев – человек неприятный в силу своей, как казалось Самгину, излишней весёлости и уверенности.

Так, шествие к памятнику Освободителю – некая модель народа как класса, где каждому типу полагается своё место, и где невыразительных Митрофановых – наибольшее количество, «похожих на Дьякона было меньше, и только один человек напомнил ему Дунаева» [XXII, 378]. Поэтому Климу и казалось, что «многие <...> смотрят на него и на толпу зрителей так же снисходительно, равнодушно, усмешливо, дерзко и угрюмо, а в общем, глазами совершенно чужих людей, теми же глазами, какими смотрят на них люди, окружающие его, Самгина» [XXII, 378]. Осознав это взаимоотношение, он наконец увидел «раскольничью» угрозу обществу, однако

это впечатление было впоследствии замещено другими событиями дня.

По мере развития событий восприятие Климата незаметно для него самого меняется, и причиной тому – услышанные им разноречивые реплики «из толпы»: «а по моему, зря допущено прохождение»; «освобождённые-то крестьяне голодом подымаются»; «Кто это придумал? <...> Превратить Кремль в скотопригонный двор...»; «тут происходит событие, которое надо понимать как единение царя с народом»; «странная затея – внушать рабочим, что правительство с ними против хозяев» [XXII, 380] и пр. Противоречия в толпе зрителей были сходны с неоднозначными настроениями внутри шествия, и «рабочих уже было много среди зрителей, они откалывались от своих, и останавливаясь у музея, старались зайти поглубже в публику» [XXII, 380], то есть из участников превращались в зрителей. Другая часть зрителей сгрудилась у монумента спасителям Москвы, «Козьма Минин бронзовой рукой указывал им на Кремль, но они стояли неподвижно» [XXII, 380].

Оставшаяся часть рабочих, решившая дойти до намеченной цели, вызвала у Самгина ассоциацию другого свойства – снимок с чьей-то картины: «чудовищная фигура Молоха, и к ней, сквозь толпу карфагенян, идёт, согнувшись, вереница людей, нанизанных на цепь, обречённых в жертву страшному богу» [XXII, 380]. Всё понижающийся эмоциональный заряд рабочих отражается на их внешнем виде («было много сутулых, многие держали руки в карманах и за спиной») и на внутреннем самоощущении Климата. И хотя он считает, что это воспоминание «явно неуместно», тем не менее, мысли его принимают определённое направление: народ – толпа, и без вождя она – «тело неодоухотворённое». Он даже приходит к мысли о нереальности явления, которая в разных вариантах не покидает его на протяжении всей жизни:

«Классовое самосознание? Да – был ли мальчик-то?» [XXII, 381]. Дальнейший ассоциативный ряд в сознании Климса подчиняется всё той же логике: от осознания силы класса – к осознанию народа как жертвы, далее – к патриотическим воспоминаниям о Сусанине, Комисарове и Халтурине.

Интеллигенты, подобные Самгину, также выступают в качестве наблюдателей, «честных свидетелей» происходящего: «<...> русская интеллигенция должна понять себя как некое единое целое. <...> интеллигенция, вся, должна стать единой партией, а не дробиться! Это внушается всем ходом современности. Это должно бы внушать нам и чувство самосохранения. У нас нет друзей, мы – чужестранцы. Да. Бюрократы и капиталисты поработают нас. Для народа мы – чудаки, чужие люди.

– Верно – чужие! – лирически воскликнул писатель Катин, уже несколько охмелевший» [XXI, 525]. Народник Катин, всю жизнь посвятивший сочинению народолюбивых рассказов, наконец, осознаёт свою «иностранность» по отношению к народу.

На протяжении повествования степень осознания своей чуждости у интеллигенции меняется. Перед событиями 9 января среди интеллигентов, решивших идти «честными свидетелями», происходит следующий диалог, который показывает, насколько интеллигенция противопоставляет себя народу:

«– Мы должны идти впереди. <...> Мы должны идти не как свидетели, а как жертвы, под пули, под штыки...

– Но – позвольте! Кто же говорит о пулях?

– Этого требует наше прошлое, наша честь...» [XXII, 544].

Позиция жертвы – народу, или царю – это позиция противопоставления. Интеллигенция не мыслит себя частью класса, не мыслит себя как отдельный класс (то есть

не формулирует конструктивных, позитивных признаков себя как класса), а существует как жертва одному классу и как враг другому. То есть, её существование зиждется на деструктивных, хотя и благородных началах.

Невольное «соединение» происходит у интеллигенции с народом во время всеобщих бедствий, подобных Ходынке. Вынужденные действовать по законам выживания, общим для всех, «объясняющие господа», пришедшие на Ходынское поле для проповедей своих истин, невольно оказавшиеся участниками давки, стали равными тем, кто пришёл сюда ради пакета пряников и конфет. Народник Маракуев, один из участников трагедии, делился впечатлениями об этом «слиянии» с народом: «Били друг друга затылками по лбу, лбами по затылкам. <...> Я – сам бил <...>. Куда же деваться? Облеплен людьми со всех сторон. Бил...» [XXI, 474]. Но, по всеобщим свидетельствам, большинство погибших – «из так называемой чистой публики. <...> В борьбе за жизнь одолевают те, кто попроще. Действующие инстинктивно...» [XXI, 486]. Сразу же после ходынской трагедии человек биологический вновь становится человеком социальным. Народники и марксисты возвращают себе статус «объясняющих господ» («Нет, вы подумайте обо всём порядке нашей жизни, как нами управляют, например?»; «А ведь просто: двинуться всей массой прямо с поля на Кремль, и – готово!»; «Нет, они [царь] – отлично понимают, что народ – дурак») [XXI, 484].

Чуждость, «иноязычие» интеллигенции ощущается на протяжении всего романа. Одна из ярких иллюстраций – сцена поднятия колокола на новую церковь, где присутствуют жители нескольких сёл и «дачное общество» (молодой Самгин, Лютов, Туробоев, Макаров, Алина, Лидия, Тимофей Варавка). К этому времени Клим уже провёл год в Петербурге, узнал о существовании нескольких новых политических течений, ощущал себя

взрослым и влюблённым. Принимал участие во всё ещё актуальных спорах о славянофилах и западниках, России и Западе. Клим старается занять особую позицию, но в результате не занимает никакой. Такая «типичная» интеллигентская среда в названном эпизоде резко контрастирует с народной средой. Это становится заметным сразу, после нескольких коротких сцен-диалогов.

Ещё до начала поднятия колокола дачники подошли к зданию школы, возле которого горбатая девочка-подросток наблюдала за группой детей. По приказу урядника («расчисть место господам») она стала стаскивать детей со ступенек и «почти бросала полуголые тела на землю <...>» [XXI, 368]. Дачники стали снова сажать ребят на ступени, но девочка крикнула: «Да – что вы озорничаете? Не ваши детёныши-то!» [XXI, 368]. Взрослые повиновались ребёнку, вероятно, признав за ней право крикнуть им подобное (фраза эта стала одним из важнейших лейтмотивов произведения: Клим всю жизнь ждал кого-то сильного, за кем бы признали право крикнуть «да – что вы озорничаете!?»).

Одна из «ключевых» фраз романа, произнесённая деревенской девочкой: «Да – что вы озорничаете?» – как бы обращена к «господам» вообще. Не зная народа, они пытаются решать его судьбу. Горький использует излюбленный приём многоголосия, в котором несколько раз звучат фразы («очисть место господам», «какие это тут пришли»), адресованные пришлым дачникам. Этот эпизод – хорошая иллюстрация к мысли, высказанной гораздо позже народником Катиным, который, чувствуя потерю былых позиций, сетует: «У нас [интеллигентов] нет друзей, мы – чужестранцы. <...> Для народа мы – чудаки, чужие люди» [XXI, 525]. Ещё неотрефлексируемая, но хорошо прочувствованная чуждость возмущает: «Точно мы заразные» [XXI, 384]. Соседняя с этой реп-

ликой фраза относится уже к следующему микродиалогу купец Лютов – хромой мужик:

«– А какой же ты веры? <...>

– Не-ет, наша вера другая» [XXI, 385].

Разговор идёт о религиозной секте, но соседство этих реплик и изначальная неопределимость темы разговора даёт основание воспринимать этот диалог продолжением предыдущего. Поэтому первые реплики разговора Лютова с хромым приобретают дополнительный смысл: мужики – «другой веры». Попытки установления контакта происходят только с одной стороны, сельчане не испытывают потребности в таком контакте, воспринимая гостей как «инородное тело».

Произошедшая через несколько месяцев после этого встреча молодых Самгина и Варвары с чернорабочим ещё раз показала, что народ – не тот, каким себе представляет его Самгин. Клим и Варвара, путешествуя по Волге, стали свидетелями разгрузки баржи. Работа проходила весело, под бодрый напев «Дубинушки», отчего всё действие «было гораздо более похоже на игру, чем на работу» [XXII, 292]. Именно мажорная тональность песни, которая считалась своеобразным гимном народников¹⁶⁵, «возбуждает тревожное чувство» у Самгина и наводит на мысль о том, что народ, который раньше пел эту песню «лениво, унывно, для отдыха» [XII, 293], и о котором он привычно думал как о страдальце, «жертве действительности», уже не тот, и нужно составлять о нём новое мнение.

¹⁶⁵ Песню написал В. Богданов; в переделке А. Ольхина – поэта, близкого к революционным народникам – она стала народной «революционной» песней.

2.2.2.3 Лютов: «личность неизвестного назначения»

В этот же ряд (несоответствие представляемого и реального) можно поставить и эпизод с ловлей несуществующего сома, произошедший непосредственно перед сценой поднятия колокола: мужик предлагает дачникам понаблюдать за ловлей огромного сома, который якобы обитает в ближайшей реке. Лишь через много лет выясняется, что шутку подстроил Лютов. Макаров объявил это Самгину сразу после самоубийства Лютова: «Помнишь, как сома ловили? Недавно, в Париже, Лютов вдруг сказал мне, что никакого сома не было, и что он договорился с мельником пошутить над нами. И, представь, эту шутку он считает почему-то очень дурной. Аллегория какая-то, что ли? Объяснить – не мог» [XXIV, 38].

Смысл этой аллегии раскрывается в разговоре, который произошёл незадолго до «рыбалки». Сам Лютов – человек, совершивший поступок, который ставит его в позицию «чужого среди своих». Он, не порывая с обществом, в котором родился и вырос (братья Лютовы – купцы, «торговля пухом и пером»), постоянно выходит за пределы нормального – в оценках общества – поведения и мировидения. По свидетельствам горьковедов, прототипом Лютова стал Савва Морозов. Общеизвестно, что Горький хорошо знал Морозова. В своём очерке «Савва Морозов» он пересказывает несколько бесед с ним, и в мыслях Морозова много общего с мыслями Лютова. Савва тоже увлечён учением Маркса: «У нас для многих выгодно подчеркивать кажущийся детерминизм этой теории, но очень немногие понимают Маркса, как великолепного воспитателя и организатора воли»¹⁶⁶. Морозов уверен,

¹⁶⁶ Горький М. Савва Морозов // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16. М., 1972. С. 501.

что революция неизбежна и, более того, она неизбежно примет характер анархии. Но «только таким путём достижима европеизация России, пробуждение её сил. Необходимо всей стране перешагнуть из будничных драм к трагедии. Это сделает нас другими людьми»¹⁶⁷. Как литературный герой Владимир Лютов стал «наследником» Фомы Гордеева – человека, выломившегося из своей среды.

Однако высказываемые Лютовым мысли, несомненно, самобытные, не нашли отклика в умах собеседников не потому, что слушатели априори не могут адекватно воспринимать высказывания говорящего: как раз наоборот, спор проходит среди образованных людей одного круга. Успешности коммуникации мешают, в том числе, и объективные причины: Лютов высказывает мысли, которые, если верить Марксу, не позволяют ему иметь классовое сознание. Купец, буржуа не может думать как анархист. Чувство самосохранения класса подсказывает совсем другие, гораздо менее анархические мысли. Более того, он дискредитирует себя как полноценный собеседник. Модель поведения, которую он выбирает – это модель поведения шута. Лютов принял на себя «вид безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда». Лишь после его смерти Алина открывает настоящее лицо: «Не любил он себя. <...> А людей – всех, как нянька. Всех понимал. Стыдился за всех. Шутком себя сделал, только бы не догадывались, что он всё понимает...» [XXIV, 32]. После одного из споров Макаров – ближайший друг Лютова – сказал: «Видел – кричит? Это он перекричать себя хочет» [XXI, 337]. При передаче реплик Лютова типичны такие ремарки повествователя: смеётся «гнусавым, дразнящим смехом», спрашивает

¹⁶⁷ Горький М. Савва Морозов // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16. М., 1972. С. 501.

«взвизгивающим» или крикливым голосом, активно жестикулирует, наскокивает на собеседника, «кривит губы» и пр.: то есть, эмотивная функция выдвигается на первый план, что не позволяет адресатам адекватно понять собеседника. Тогда как для взаимного понимания, для диалога необходима установка адресанта на собеседника. Для Лютова же собеседник неважен, он готов спорить всегда и везде, с первых минут знакомства с человеком. Он не ищет собеседника, ему нужен слушатель. Почти все сцены с Лютовым в «Самгине» – суть монологи. Лютов высказывает своё убеждение о русском народе: «Наш народ – самый свободный на земле. Он ничем не связан изнутри. Действительности – не любит. Он – шуточки любит, фокусы. Он сам такой – блажененький. Он завтра же может магометанство принять – на пробу. Да, на пробу-с! Может сжечь все свои избы и скопом уйти в пустыни, в пески, искать Опоньское царство» [XXI, 336]. Купца не воспринимают как полноценного собеседника, не принимают со всей серьёзностью его слов о свободе «страшно и всячески согрешить, чтобы испугаться и – присмиреть на триста лет в самом себе» [XXI, 336]. Дважды повторенная Лютовым мысль о внутренней свободе народа осталась непонятой. В результате долгой дискуссии участники и свидетели спора сделали вывод: «странный человек», «странная теория».

Лютов попытался донести свою мысль по-другому, наглядно, договорившись с мужиком разыграть группу интеллигентов – преуспевающего и вовремя «поумневшего» буржуа Варавку, его дочь Лидию, разорившегося дворянина Туробоева, врача-феминиста Макарова, скептика Самгина, свою невесту Алину. Выгодно сыграв на артистизме мужика и на нестандартности ситуации, Лютов всех заставляет на минуту поверить в чудо – трёхпудового сома, каких отродясь не бывало в местной речушке. Символическая сцена ловли сома на горшок с горя-

чей кашей (сом проглотит горшок, он лопнет, сом всплывёт) – надувательство «господ» мужиком, который, тем не менее, восхищает Лютова как выразитель загадочной талантливости русского народа. Во время сцены «ловли» мужик так естественно играл роль заядлого рыбака, а затем так искренне разыграл горе, что Клим понял, что «все вокруг – верят. <...> все смотрели упорно, как бы стараясь проникнуть до дна реки. Это на минуту смутило Самгина: а – вдруг?» [XXI, 340].

Полноценного диалога с мужиком у интеллигенции не получается. Интеллигенция, привыкшая к прекрасноту и якобы простоте мужицкой, поверила и в существование сома, и в другие небылицы, которые с бесхитрым видом рассказывал ему народ. Прекрасной иллюстрацией к этому служит фраза мельника, когда его уличили во лжи: «Оглядев всех непонимающими глазами, с великолепной наивностью спросил:

– Как же это могу я господ обмануть?» [XXI, 342].

Значима и подытоживающая фраза Лютова: «Уж теперь ведь в сома-то вы не поверите, нет? Не для сомов эта речушка <...>» [XXI, 344].

Владимир Лютов – «личность неизвестного назначения», не принявшая ни одной из многочисленных идей века, свидетельствует: «Немец философствует машинально, по ремеслу, по праздникам. А мы – страстно, самоубийственно, день и ночь, и во сне, и на груди возлюбленной, и на смертном одре. Собственно, мы не философствуем, потому что это у нас, ведайте, не от ума, а – от воображения, мы – не умствуем, а мечтаем во всю силу зверства природы. Зверство поймите не в порицающем, а в измеряющем смысле» [XXI, 335]. И купец Лютов, и дворянин Туробоев – люди, «выламывающиеся» из своего сословия, не принявшие ни одной из многочисленных идей времени.

И если многие персонажи (Дронов, Томилин, Стратонов, Тагильский) на протяжении романа меняют свои взгляды, то Туробоев и Лютов ищут и не находят себя всю жизнь. Они чувствуют себя «чужими среди своих», так как не приняли мировоззренческий комплекс, присущий родному классу, так как не «привязали себя на поводок идеи» (выражение Туробоева). Парадоксальность ситуации заключена, однако, в том, что как бы герои ни бежали от разума, все они обречены на поиск общей идеи, которая сориентировала бы их в мире.

В романе показано, что подобная напряжённость внутренних исканий обусловлена самой кризисностью века, когда люди выбиты из нормального существования, а потребность заново самоопределиться требует от них личного отношения к, казалось бы, абстрактно-теоретическим проблемам. Потребность заново осмыслить общие основы действительности, понять, на чём держится мир, оказывается необходимой ступенью самопознания, и потому не только профессиональные «учителя жизни», такие, как Томилин и прочие «объясняющие господа», но чуть ли не все персонажи подают свои реплики в споре о смысле и направлении истории. Конечно, любая идея – это схема, и она упрощает человека, приверженного ей. Но и отсутствие внутреннего стержня ведёт к разрушению личности. Показателен финал «неприкаянных» персонажей книги: Туробоев гибнет в дни московского восстания, Лютов кончает жизнь самоубийством («Удрал Володька», – говорит о нём Алина Телепнёва, его бывшая невеста).

На рубеже XIX-XX вв. было множество подобных Лютову – «выломившихся» из среды людей, интересующихся учением Маркса. Были и другие – в силу разных причин, выступавшие на стороне этого учения. Таковы, например, Прейс, Стратонов, Берендеев – члены кружка легальных марксистов, воспринявших экономическую

сторону учения: марксизм как социал-демократическое движение с начала XX в. разделился на революционное (В. Ленин и др.) и реформистское (Э. Бернштейн и др.) течения. В реформизме подверглись критике теоретические основы марксизма. Революционное крыло марксистов, естественно, воспринимало своих оппонентов как чужих. Данной проблеме посвящён один из диалогов между Самгиным и Кутузовым. Этот разговор открывает новую сторону в отношениях «народ-интеллигенция». Кутузов заявляет, что у «непролетариев» есть две основные причины ухода в марксизм: «обман зрения или классовая интуиция» [XXII, 119]. Интеллигенты «классово чужды» пролетариату, и «богаченькие юноши марксюют по силе интуитивной классовой предусмотрительности, чувствуя, <...> что социальная катастрофа – неизбежна. Однако инстинкт самосохранения понуждает вертеться» [XXII, 118-119].

2.2.2.4 Народ: «злоумышленники» или «хамелеоны»?

Ещё один эпизод с непосредственным участием «народа» – поездка Самгина в деревню «по казённой надобности»; он – случайный свидетель разграбления «магазеи» с хлебом. Самгин попал в деревню как раз во время нарастания недовольства народа своим положением. Клим, по сути, стал свидетелем рождения первой русской революции, которая, как и все революции, началась с «голодного бунта».

В предыдущем эпизоде – разговоре с женой Варварой – он «авторитетно» размышлял о чертах, присущих народу («Мышление афоризмами характерно для народа <...>» [XXII, 351]). Через некоторое время он едет в деревню, и возница говорит с ним, «как с иностранцем» [XXII, 352], видимо, не рассчитывая на понимание господином крестьянских проблем. Возница же и поясняет

непонимающему Самгину причины происходящего разграбления, комментирует и специфику бунта (ключа от склада с хлебом у бунтующих нет, да он и не нужен – «ключом только одна рука может действовать, а тут требуется приложение руки всего мира. Чтобы даже и ребяташки. Детей-то – не осудите?») [XXII, 355-356]). При встрече с крестьянами Самгин понимает, что они обладают достаточной силой, чтобы дать отпор представителю официальной власти (сельчане не знают, что Клим – просто «проезжающий», и подозревают в нём судебного чиновника). В сознании и крестьян, и Самгина ещё прочно присутствует традиционный образ «господ»: « – Адвокат? <...> – Стало быть: и нашим и вашим»; «Яишну кушать желаете? <...> Господа обязательно яишну едят» [XXII, 359]. Иронический модус этих высказываний показывает, что прежнее подобострастие сохранилось далеко не у всех.

Последующий диалог, произошедший между возницей и Климом, напоминает ситуацию чеховского «Хамелеона». Возница, ощущая силу бунтовщиков, откровенно сочувствует им, заставляет Самгина опасаться мужиков. Оставшись один на один с Климом, который, пусть даже и посторонний, случайный, но всё же чиновник, возница резко меняет тактику: «Сволочь народ! <...> Али это порядок – хлеб воровать? Нет, господин, я своевольства не признаю. <...> Вам бы, для памяти, записать фамилии ихние <...>?» [XXII, 361]. Отношения господин/мужик, чиновник/мужик предстают в прежнем, многовековом виде. У образованного и наделённого властью господина – сила, у мужика – подобострастие и дальновидная хитрость. В диалоге нравоучительные замечания Самгина подхватываются мужиком, переворачивающим и доводящим до абсурда их смысл:

«– Разве тебе не стыдно доносить на своих?

– Да я – не здешний.

- Всё равно. Это – нехорошо.
- Уж чего хорошего. <...> Али это – жизнь?
- Удивляюсь я, – продолжал Самгин, но возница

прервал его:

– Ещё бы не удивиться! Я сам, как увидел, чего они делают, – испугался» [XII, 361].

Ставшая хрестоматийной ситуация хамелеонства, жизненная позиция «и нашим и вашим» моделирует коммуникативную неудачу в диалоге. В данном случае непонимание происходит не из-за непросвещённости, «темноты»¹⁶⁸ мужика, не из-за того, что он не понимает смысла происходящих событий, хотя диалог этот можно сравнить не только с «Хамелеоном» Чехова, но и с его же «Злоумышленником». Внешне ситуации общения схожи. Самгин воспринимается мужиком как чиновник, перед которым нужно держать ответ, и сам моделирует ситуацию допроса, причём информацию, которую при допросе обычно сообщают вынужденно, возница готов дать сугубо добровольно.

Если в «Злоумышленнике» допрашиваемый из-за своего невежества, из-за незнания закона не может дать адекватных ответов следователю, то здесь ситуация обратная. Мужик-возница хорошо понимает опасность своего положения – он находится между двумя равноблизкими силами: официальным лицом, которое может привлечь к ответственности, и мужиками из бунтующей деревни, которые тоже «привлекут к ответственности» своими способами. Это знание и стремление избежать обеих опасностей диктует абсурдную двойственность по-

¹⁶⁸ Ср.: А. Блок о народе: «<...> та же всё лёгкая усмешка, то же молчание “себе на уме”, та же благодарность за “учение” и извинение за свою “темноту”, в которых чувствуется “до поры, до времени”» (Блок А.А. Народ и интеллигенция // Блок А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Очерки, статьи и речи. Из дневников и записных книжек. Письма. М., 1955. С. 85).

ведения. Диалог с Самгиным подтверждает этот страх: «Вы сами видели, господин, я тут посторонний человек» [XXII, 362].

Этот эпизод позволяет сделать следующие выводы: средний, обычный мужик пойдёт за силой, мужика формируют в организованную силу люди, характер занятий которых не связан с землёй (мужик-возница, нанятый Самгиным, комментирует: «Кузнецы, печники, плотники – они, всё едино, как фабричные, им – плевать на законь» [XXII, 355]); народ, люди деревни, перестают быть тёмными, наивными и светлыми душами, как их изображали народолюбивые писатели. Чиновничья интеллигенция уже не воспринимается как сила, способная держать деревню в страхе перед государством. Во всём этом видится Горький с его проповедью социальной активности, нелюбовью к мужику, неверием в крестьянство как в социально-активную силу, его ставка на пролетариат.

Тема богостроительства, «чудо» выздоровления де-вушки-калеки, сотворённое коллективной волей народа в «Исповеди» (1908)¹⁶⁹, трансформировалось в попытки «оздоровления» общества подобным же способом «коллективного чуда». Однако эпизод разграбления «магазеи» (в хронотопе произведения – это примерно то же время, что и время написания «Исповеди», то есть 10-е гг. XX в.) обнаруживает неготовность к социальным преобразованиям.

¹⁶⁹ В повести «Исповедь» впервые прозвучала тема богостроительства, которое Горький с А. Луначарским и А. Богдановым проповедовали в каприйской партийной школе для рабочих, что вызвало расхождение писателя с Лениным.

2.2.2.5 «Дорожные» споры

Свободолюбивые анархистские настроения в народе пугают Самгина. При прямых столкновениях он понимает, что не знает, как себя вести один на один с мужиками, рабочими. В этом отношении т.н. «дорожные» споры (дискуссии, свидетелем которых Самгин стал в пути) в «Жизни Клима Самгина» имеют весьма большое значение, ибо позволяют, во-первых, понаблюдать «народ» – ведь Самгину не так часто приходится иметь с ним дело непосредственно, и повествователю в условиях избранной им повествовательной стратегии («мир через призму восприятия Самгина») довольно сложно сталкивать центрального персонажа – буржуа, интеллигента – с демосом; а во-вторых, собрать вместе большое количество людей совершенно разных и часто весьма самобытных верований и убеждений. Как правило, споры в дороге являются «многоголосыми», и представляют собой отрывочные высказывания, порой несвязанные прямой логикой, и лишь соседство двух произнесённых разными людьми реплик позволяет уловить третий, имплицитный смысл.

В качестве примера рассмотрим одну из таких дискуссий. Так, один из споров во втором классе поезда совпадает с новым витком жизни и скитаний Клим: он разводится с женой и едет в Русьгород поверенным в делах Марины Зотовой. Это время – также и новый виток в общественных настроениях. Это период реакции, наступившей после революции 1905 года. Разговоры в поезде красноречиво свидетельствуют о том, что наступила пора подведения итогов, переоценки ценностей.

Самгин, попав в общество случайных людей, сразу же воспользовался случаем и пустился в рассуждения по поводу попутчиков. Повествователь, оговорив обыденность ситуации, «обыкновенность» путников, даёт слово Самгину: «В сущности, есть много оснований думать, что

именно эти люди – основной материал истории, сырьё, из которого вырабатывается всё остальное человеческое, культурное. Они и – крестьянство. Это – демократия, подлинный демос – замечательно живучая, неистощимая сила. Переживает все социальные и стихийные катастрофы и покорно ткёт паутину жизни» [XXIII, 204]. Такие мысли предваряют дебаты, которые вскоре разразятся в разных уголках вагона.

Как правило, «дорожные» разговоры (как и все разговоры в ситуации знакомства) начинаются с фатического общения, с установления контакта: выявление общих интересов, обнаружение противоречий в убеждениях. На их основе завязываются знакомства, возникают конфликты. Не стал исключением и этот эпизод. Одно из условий успешной коммуникации – обоюдное желание участвовать в разговоре. Каждый стремился вступить в разговор. Особенно выделялись «ехидно сладкий, взвизгивающий голосок» [XXIII, 204], густой и влажный бас служителя церкви, и остроносый желчный человек, который «непрощено и вызывающе откликнулся на все речи в шумном вагоне» [XXIII, 205]. Остроносый, ловя обрывки фраз незнакомых людей, пытается объединить (хотя вряд ли имеет своей целью именно объединение всех говорящих) разных по статусу и жизненному опыту людей, каждый из которых выбирает собеседника, способного вступить в полноценный диалог.

Спор, несмотря на эту попытку связать все реплики одним излишне активным участником, не выстраивается в одну логическую цепочку, не перерастает в общий, и тогда словоохотливый пассажир берёт инициативу в свои руки. В его уста вкладываются рассуждения о народе и интеллигенции, но с практической точки зрения пользы/вреда. Народ, по его мнению, – мужик, и «ему одна свобода нужна: шерстью обрастать...» [XXIII, 207] – для стрижки. А интеллигенция «опивает» и «объедает» госу-

дарство. Философствования его обрываются на ближайшей станции. Он уходит, и его тут же обвиняют в воровстве («<...> говорун этот – обыкновенный вор, и тут у него были помощники; он нам зубы заговаривал, а те – работали» [XXIII, 209]).

Во время остановки происходит частичная смена состава пассажиров, и внимание концентрируется вокруг нового пассажира – ветеринара. Его грубоватое поведение, насмешливые замечания настраивают попутчиков недружелюбно. Дальнейший спор мотивирован лишь возрастающей неприязнью к новому спутнику. И хотя ветеринар заговаривает о недавнем мужицком восстании – проблеме, которая близка всем, его размышления о вероятности крестьянской войны воспринимаются враждебно. Несмотря на то, что ветеринар завёл разговор, лишь чтобы скорее прошло время в дороге (отвечал, «явно обрадованный возможностью поспорить» [XXIII, 211]), он наталкивается на излишне эмоциональную реакцию собеседников. Не завладев их расположением, он обречён на противодействие, мотивированное даже не идейным несогласием, а личной антипатией. Таким образом, диалога не получается, спор перерастает в скандал, который все «уверенно ждали».

В данном случае многоголосый спор посвящён одной теме – политическому положению в России. Он как бы подытоживает важный исторический этап в развития страны, происходя вскоре после революции 1905 г., во время реакции. На протяжении всего пути у Самгина нет возможности выслушать хотя бы один полноценный диалог, однако и по отдельным репликам он делает важный вывод: «<...> люди начали думать политически, расширился интерес к жизни» [XXIII, 207]. Но нет ни единодушия, ни стремления найти истину в этих спорах. Возникает спор ради спора, спор ради времяпрепровождения, который перерастает в выяснение личных отно-

шений. Коммуникация становится неустойчивой, ей угрожает неудача. Отсюда – ещё один парадоксальный вариант пустого спора – спор для «поддержания разговора», он должен заполнить коммуникативное зияние, неизбежный без него провал. Такая имитация переводит информативный спор в другой класс речевых жанров – фатические, единственная цель которых – поддержание общения.

Немногочисленные встречи Клима с реальным, не книжным народом, во-первых, помогли ему осознать всю неполноценность почерпнутого из книг и идеологических споров в своём «интеллигентском» кругу знания о действительности, и, в частности, о народе. Во-вторых, по мере развития сюжета можно проследить динамику развития народа в сторону осознания себя исторической силой. В изображении «народных» сцен сказалась и оценка Горьким-идеологом значения этой социальной силы. Всё-таки он считает народ-крестьянство – ведомым, а народ-пролетариат – ведущим в социальных преобразованиях.

2.2.3. Многоголосие как предел коммуникативной неудачи

Многоголосие в «Жизни Клима Самгина» – один из видов полилога. Его важнейшая функция – создание историко-литературного, общественно-политического фона эпохи; подведение итогов какого-либо литературного, философского, общественно-политического события; раскрытие через изображение множества точек зрения разных сторон события. Многоголосый спор в «Жизни Клима Самгина» является ещё и формой выявления мироощущения главного героя, и, как следствие – отражает идейный разброд интеллигенции и в целом русского общества. Произведение строится «через воспринимающее

сознание Самгина», и именно характер привлекающих внимание Клима реплик является важной составляющей характеристики его личности.

Горький использует положение центрального персонажа Самгина как наблюдателя в художественных целях. Внимание Клима рассеивается: он или теряет интерес к предмету спора, или погружается в собственные размышления и теряет нить разговора, или его отвлекают внешние причины. Неоднократно используемый Горьким приём – постоянное перемещение «фокуса» внимания Самгина с одного предмета на другой, позволяет не только проследить всё многообразие взглядов на самые разные проблемы истории и современности, но и установить контекстуальные ассоциативные связи между разноречивыми высказываниями.

По мнению А. Степанова, «случайные и бессмысленные реплики, прямо не вытекающие из контекста разговора, как показывают многие исследования, наиболее насыщены коннотациями. Это происходит оттого, что у читателя, который сталкивается с соположением несходного, возникает желание упорядочить <...> текст, связать его элементы с некой эквивалентностью»¹⁷⁰.

Когда-то, прочитав «Шагреневую кожу» Бальзака, Горький был восхищён созданной писателем картиной хаотического многоголосия на пиру, когда, казалось бы, не связанные между собой реплики присутствующих складываются в композиционное, ритмическое и содержательное целое, из соседних, не связанных между собой ни субъектом, ни предметом высказывания фраз, можно вывести особый, не лежащий на поверхности смысл. Горький активно использовал подобный приём в «Жизни Клима Самгина». Своё восприятие он вкладывает в уста Клима: «<...> хорошо слышен шум голосов, чётко выде-

¹⁷⁰ Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 75.

ляются громкие, для всех произносимые фразы, и, слушая их, Самгин вспоминает страницы ужина у банкира, описанные Бальзаком в его романе «Шагренева кожа» [XIV, 330].

Активное использование Горьким многоголосицы давно заметили исследователи творчества писателя. Так, А. Волков¹⁷¹ обращает внимание на частотность употребления писателем приёма многоголосых «политико-литературно-гастрономических» споров. И действительно, мало кто из писателей уделяет такое внимание многоголосице. Каково же место этой «забавной путаницы фраз» в структуре романа? Естественно, такая полемика – прекрасная и «экономичная» возможность экспрессионистической обрисовки настроений, интересов, событий в области политической, литературной, философской мысли. Горький, рассчитывая на культурно грамотного читателя, лишь одной-двумя фразами обозначает начало (развитие, финал) какого-либо события. Так создаётся культурно-исторический фон произведения, на котором происходят дальнейшие столкновения идей героев «Жизни Клима Самгина». Подобные многоголосые споры могут быть не только хаотической разноголосицей «обо всём на свете».

Спор может быть посвящён одной теме – политике, философии и пр. Приём многоголосия не может быть охарактеризован как диалогическая речь, так как в данном случае не выполняется важнейшее условие речевой коммуникации данного вида – высказывания не «стимулируются предшествующими, выступая в качестве реакций на них»¹⁷². Характерная особенность горьковских многоголосых безымянных «споров» – именно во внешней

¹⁷¹ Волков А.А. Художественный мир Горького (Советские годы). М., 1978.

¹⁷² Диалогическая речь и монологическая речь // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 228.

хаотичности реплик, из которых две-три фразы связаны логически (то есть, представляют собой фрагмент спора), остальные высказывания, под действием каприза внимания Самгина, выхвачены из какого-либо связного диалога.

В отличие от толстовских салонных разговоров, которые автор «Войны и мира» называет «разговорной машиной» и «подчёркнуто изображает как механизм»¹⁷³, то есть акцентирует внимание именно на формальности подобных бесед¹⁷⁴, на их принципиальной «ненужности», Горький использует ситуации застольных бесед в других целях.

Рассмотрим несколько наиболее характерных эпизодов, в которых используемый приём многоголосия имеет структурообразующее значение.

2.2.3.1 «Многоголосый» марксизм

В этом отношении значим вечер в кружке марксистов в петербургской квартире у родственников Самгиных – Премировых. Это был новый для Клина хронотоп: он недавно приехал из провинциального города своего детства, который «застрял» на общественной ступени народничества. Здесь же Самгин открыл и новые для себя идеи – марксизм, декадентство, и новые личные отношения – с Серафимой Нехаевой, и новый круг людей, который принял его как равного, взрослого, что было невоз-

¹⁷³ Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 188.

¹⁷⁴ Хотя Л. Гинзбург, исследуя механизмы салонных диалогов в творчестве Л. Толстого, обращает внимание на то, что «этот разговор несёт в себе психологическую характеристику его участников, и он же отражает их душевное состояние в личных мотивах, то скрытых, то проявляющихся наружу», всё же главной художественной задачей для Толстого стало педалирование «неестественности», искусственности изображаемой среды (Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 189).

можно в родном городе. Дискуссии, свидетелем которых становится Клим, читатель не имеет возможности воспринимать как целостное высказывание из-за построения повествования всего четырёхтомника через воспринимающее сознание главного героя. Внимание Клима, присутствующего на многолюдных собраниях, как правило, не фокусируется на одном споре. Дополнительное значение в данном случае образуют соседние реплики, произнесённые разными людьми и в разном контексте, но образующие третий смысл. Реплики персонажей перемежаются с авторским повествованием – характеристикой спорщиков, пересказом их речей и пр. Так, декадентка Нехаева, с которой Клим ощущал некоторое духовное родство и пытался даже примерить на себя её «систему фраз», дискутирует о русском менталитете. Слух Самгина выхватывает обрывок её разговора с безымянным собеседником:

«– В России знают только лиризм и пафос разрушения.

– Вы, барышня, плоховато знаете Россию.

– Снежная любовь, ледяное милосердие.

– Ого! Какие слова!

– Выдуманнные души...»

После авторской ремарки, мотивирующей переключение внимание Клима на другую участницу вечера, Самгин-младший слышит от Елизаветы Спивак:

«– В вашем городе есть ещё Самгины?»

Соседство фраз о выдуманных душах и упоминание фамилии Самгиных наводит на мысль о «выдуманности» душ и самих Самгиных. Тем более что сразу выясняется: этот вопрос Спивак уже задавала Самгину-старшему, и информативность ответа Клима для неё равна нулю. Складывается ощущение, что Горький поместил второй разговор именно для коннотативного совмещения смыслов этих реплик. Выдуманнные, книжные, никак не от-

вечающие реальности соображения Серафимы Нехаевой о России, её заключительная фраза о выдуманности (таких же, как она, умеющих видеть только книжный текст и переносящих поэзию на жизнь), и переход (сделанный уже не Нехаевой, а повествователем) от этой книжной выдуманности – к выдуманности реальной, подспудно указывающей на тотальность этого явления (Самгин – не один).

Вечер заканчивается печально для авторитета Самгина-младшего, который он было успел завоевать осторожным молчанием и умело вставленными в разговоры «умненькими» фразами. Клим изредка вступает в полемику с окружающими, но всегда при этом либо находится в состоянии раздражения, либо намеревается дискредитировать собеседника или защищаемые им тезисы. В эти моменты он высказывается с достаточной долей откровенности, причём высказывает те мысли, которые не намеревался выносить на всеобщий суд.

На этом вечере он, выпив лишнего, высказал в кругу революционно настроенной молодёжи мысли, совершенно не совпадающие ни с их настроением, ни с тем образом «Самгина-младшего», который сложился у завсегдатаев этого дома (не напрасно старший брат после выговаривал Климу: «Что ж ты так вчера? <...> Молчал, молчал... Тебя считали серьёзно думающим человеком, а ты вдруг такое, детское. Не знаешь, как тебя понять. Конечно, выпил, но ведь говорят: “Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке” <...> Вышло, знаешь, так, будто в оркестр вскочил чужой музыкант и, ради озорства, задудел не то, что все играют» [XXI, 255]).

Давнее желание показать независимость своего ума, искреннее несогласие с проповедуемыми в кружке идеями социальных преобразований, но неумение сформулировать причины своего несогласия (как сейчас, так и в последующем Клим не раз будет повторять, что на

проповеди Кутузова он может ответить только своё протестующее («не хочу») не позволили Климу вступить в спор «на равных». Климу высказал мысли о «потерянности» интеллигенции, причём изрекал не свои мысли, а афоризмы своего отчима Варавки, и спорил «ради спора». Молодой задор и вино (Туробоев: «Вы, Самгин, кажется, стали марксистом, но это оттого, что за столом вы неосторожно мешали белое вино с красным» [XXI, 253]) не стали помощниками в создании логически выстроенной речи. Руководствуясь в споре желанием противоречить представителям «несимпатичного» учения (автор комментирует: «Климу хотелось, чтобы с ним спорили» [XXI, 253]), он противоречит сам себе, показывая неустойчивость своих мнений.

Этот эпизод – одно из первых публичных выступлений Клима в обществе, которое характеризует его несостоятельность как мыслителя, «неприкаянность» как носителя всех комплексов интеллигенции («Мой дядя продукт разложения верхних слоёв общества, как и вы сами... Как вся интеллигенция. Она не находит себе места в жизни и потому...» [XXI, 253]).

2.2.3.2 «Многоголосое» прошлое и пёстрое настоящее

Не найдя себе места среди питерской интеллигенции, Самгин перебирается в Москву, где попадает в кружок дяди Хрисанфа – хлебосольного московского патриота. В противовес питерскому салону Марины Премировой, где тон задавала молодёжь марксистского толка, здесь собирались преимущественно люди из прошлого – забытые литераторы, общественные деятели эпохи «хождения в народ», актёры на покое: «люди солидного возраста и одинакового настроения; все они были обижены, и каждый из них приносил слухи и факты, ещё более углублявшие их обиды <...>» [XXI, 413].

Новые люди, которых пытается понять Самгин – Семион Диомидов, Варвара Антипова, Пётр Маракуев, дядя Хрисанф – круг московской интеллигенции, отличающейся от петербургской подчёркнутой «русскостью». К этой публике добавлялись представители нового поколения – и студенты, и молодые политики – народники и марксисты, и люди, которых интересуют вопросы религии.

Сцена воскресного собрания, на котором гости высказываются без авторских ремарок, предварена довольно подробной характеристикой присутствующих. Писатель даёт ясную картину, изображающую характер каждого персонажа, поэтому впоследствии читатель может попытаться сам, без комментариев повествователя, определить, кому принадлежат реплики в застольной сумятице. Для Самгина все гости старшего поколения представлялись людьми, сыгравшими свою роль: актёры, которые были убеждены, что «сыграли все свои роли так, как никто никогда не играл и никогда уже не сыграет» [XXI, 413]; писатель-народник, создавший себе славу в середине семидесятых идеализацией крестьянства и переживший свою славу; писатель – автор рассказов о жизни мелких людей, страдающих от мелких несчастий; профессор, скомпрометировавший себя статьёй с призывом о земском соборе.

Молодое поколение представляют гости падчерицы дяди Хрисанфа – Варвары и Лидии Варавки, квартировавшей у них: студент-медик Макаров, бутафор Диомидов, живущий вопросами религии, марксист Поярков, народник Маракуев.

Очевидна текстуальная переключка с «прошлым» спором, когда Самгин под влиянием спиртного наговорил лишнего: «не забывая пасхальную ночь в Петербурге, Самгин пил осторожно <...>» [XXI, 420]. Он извлёк из нелестной для себя ситуации полезный вывод – люди,

немного выпив, становятся словоохотливей и откровенней. Поэтому стихийно возникающий многоголосый спор Самгин сам осознаёт как таковой и намеренно ждёт «самого интересного момента, когда <...> люди, не успевшие охмелеть, говорили все сразу. Получалась метель слов, забавная путаница фраз» [XXI, 419].

2.2.3.3 Различимы ли голоса в «многоголосии»

А. Волков утверждает, что подобные споры обнаруживают «мелкотравчатость сидящих за гостеприимным столом обывателей. Он [спор] типичен для буржуазной интеллигенции, берущейся судить обо всём и ни о чём <...>»¹⁷⁵. Подобный приём Горький действительно использует в большинстве случаев при описании «дебатов» в среде интеллигентов. Однако, скорее всего, утверждение, что писатель преследовал лишь разоблачительную цель, было бы схематизацией, упрощением его художественного замысла. Волков делает однозначный вывод, вполне, впрочем, в духе своего времени: «Если прислушаться к высказываниям подвыпивших литераторов, то создаётся впечатление пьяного идейного сумбура. Всё это говорит о легковесности интересов»¹⁷⁶.

Более детальный анализ позволяет выявить, что за внешней бессвязностью скрывается какой-то второй, скрытый смысл: политические, гастрономические, литературные, театральные темы, переплетаясь, образуют определённый рисунок. Политическая кухня соседствует с национальной гастрономической, религиозная тема сменяется литературной. Соседство действительно получается ироническое. Заявление народника Маракужева о том, что «в рейхстаге две трети членов – попы», соседст-

¹⁷⁵ Волков А.А. Художественный мир Горького (Советские годы). М., 1978. С. 321.

¹⁷⁶ Там же.

вует с восторгами дяди Хрисанфа по поводу того, что Христос вошёл в плоть русского народа. Безымянные реплики о могуществе Англии («В Англии даже еврей может быть лордом!»; «А я утверждаю, что Европой будут править англичане...» [XXI, 420]), скорее всего, принадлежат гостю – актёру, о котором читатель уже знает, что он – большой поклонник «английской горькой». Ироническое звучание приобретает декламация стихотворения «Писатель, если только он / Волна, а океан – Россия, – / Не может быть не возмущён, / Когда возмущена стихия...» [XXI, 421], непосредственно за которой следует реплика «А главное, держите ноги в тепле» [XXI, 421].

Подобная разногласица действительно свидетельствует о некоей сумятице в умах, об отсутствии единого внутреннего стержня. В домашней обстановке, которая царит у дяди Хрисанфа, казалось бы, созданы условия для успешной коммуникации: гостеприимные хозяева, дружеские отношения между гостями, один социальный круг. Однако качественный состав собравшихся за столом не позволяет создать жизнеспособный диалог. Разные поколения не могут (да и не хотят) понять друг друга; старшее поколение живёт только прошлым, поэтому не в состоянии адекватно воспринимать новое. Привычка преподносить готовую истину, проповедовать её превратилась у них в застарелый обычай и мешает им воспринимать новые веяния, мысли. Диалога, преемственности не получается.

Противопоставляя питерскую молодёжь и московских хлебосольных народников в таком «хаотическом хитросплетении голосов», Горький не просто даёт характеристику двум соперничающим идеологиям. Именно в хаосе слов он показывает: едины ли множества сознаний только по принципу принадлежности к одной общественно-политической группе, или же стройность идеологии и её жизненность действительно организует различ-

ные сознания в единомыслие. Безапелляционность приверженцев марксизма, преимущественно социальная направленность бесед (в том числе и в неформальной обстановке) в противовес московскому кружку (где преимущественно осталась старая и уже забытая народническая гвардия) даёт основания предположить, что единство мысли, идеи присуще скорее юношам, «мыслящим по Марксу».

2.2.3.4 «Итоговое» многоголосие и итоговая речь Самгина

Своеобразным подведением итогов может служить эпизод в заключительном томе произведения. Новогоднее пиршество у Елены Прозоровой (вдовы работодателя Самгина), на которое собралось не менее полусотни человек, вписано в контекст произведения как один из многочисленных эпизодов непрекращающейся дискуссии. Автор изображает разношёрстность, пестроту собравшихся на праздник людей («Были актрисы, адвокаты, литераторы, два офицера сапёрного батальона, был старичок с орденом на шее и с молодой женой <...>, преобладала молодёжь, студенты, какие-то юноши мелкого роста, одетые франтовато» [XXIV, 303]).

Казалось бы, их полемика ничем не выделяется из числа таких же горячих и ни к чему не приводящих разговоров. На самом деле праздник у Елены Прозоровой – своеобразное средоточие всех общественно-политических и литературных кружков, в которые был вхож Самгин. Попытка Самгина искусственно создать свою «систему фраз», которая отвечала бы и внутренним запросам личности, и веяниям времени, окончилась неудачей. «Итоговая» речь Клим Самгина в четвёртом томе показывает, что мысли, которые Клим искренно считал только свои-

ми, глубоко оригинальными – лишь вольный пересказ речей предыдущих ораторов.

Автор-повествователь создаёт картину хаотического многоголосия на пиру, когда, казалось бы, не связанные между собой реплики присутствующих складываются в композиционное, ритмическое и содержательное целое, из соседних, не связанных между собой ни субъектом, ни предметом высказывания фраз можно выявить особый, не лежащий на поверхности смысл.

Подобное многоголосие внешне не позиционируется как спор и не может обладать его основными признаками. Многоголосый спор в «Жизни Клима Самгина» эмоционален и бестолков. Он превращается у многих в застарелую привычку, теряет свою направленность на выяснение истины, становится бессмысленным и подогревается лишь горячительными напитками («В комнатке <...> был устроен буфет, оттуда приходили приятно возбуждённые люди; прожевав закуску, облизав губы, они оживлённо вступали в словесный бой» [XXIV, 306]).

Противоречия, фатальные для результата, обусловлены введением риторической и психологической составляющих в модель идеального спора. Отступление от идеальной модели удаляет спорящих от цели совместного выяснения истины и приближает к цели риторического убеждения. Цель аффективного спора – не достижение истины, а убеждение собеседника в своей правоте. Горький педалирует принципиальную незавершимость споров, гиперболизирует их, создавая эффект хаотически бессмысленной полифонии голосов.

Думается, в художественные задачи Горького и не входило достижение эффекта стенографического описания дискуссий. Рассчитывая на опытного читателя, который по ключевым репликам может уловить суть спора, он составляет из них своеобразную мозаику. Соединение декадентских стихов и песен («Мы –

пленённые звери, / Голосим, как умеем...» и пр.), пересказа великосветских сплетен («Какой-то проходимец, босяк, жулик Распутин хвастает письмом царицы <...>» [XXIV, 313]), политических разговоров («События конца японской войны и пятого-седьмого годов показали нам, что мы живём на вулкане <...>» [XXIV, 308]) создаёт исчерпывающую картину идейного, интеллектуального, нравственного разлада в рядах интеллигенции.

Предваряя выступление Клима Ивановича, повествователь сначала даёт возможность читателю «услышать» затянувшуюся здравицу известного адвоката разнообразию индивидуальностей и свободе развития духа, а затем – речь Клима на ту же тему и с подобными же выводами, которую пирующие не дают ему даже закончить.

Клим Иванович уверен, что «никто из этих людей не сказал больше, чем мог бы сказать он, никто не сказал ничего, что не было бы знакомо ему, продумано им. Он – богаче. Он – сильнее» [XXIV, 314]. Поэтому он уверен и в успехе своей стихийной лекции. Не предполагает Клим и того, что его тезисы будут оспариваться: речь произносится докторально, нацелена на одностороннюю коммуникацию на уровне лектор-слушатель. Мысль о жертвенной роли интеллигенции, не дававшая Самгину покоя с детства, наконец, получила преломление в отрицании роли интеллигенции в качестве идоложертвенного мяса. Однако на поверку она оказалась «старенькой историей». Это доказывают многочисленные реплики, прервавшие речь Самгина. На любое из высказываемых им положений у присутствующих есть контраргумент:

«Из всего, что было сказано здесь, самое значительное – это слова о Фаусте и Дон-Кихоте. <...>

Нас воспитывают Дон-Кихотами». / «Ваш Дон-Кихот и Фауст – бог и дьявол Достоевского...».

«Мне очень понятна мысль <...> о страшной власти равенства...» / «В семидесятых годах признавали действующей силой истории – личность...», «через двадцать лет начали проповедовать, что спасение – в безличной воле масс...» [XXIV, 314] и пр.

В итоге происходит срыв запланированной коммуникативной ситуации: реципиенты не воспринимают речь Самгина так, как он этого хотел: «Он не мог продолжать речь свою, публика устала слушать» [XXIV, 315]. «Коронная» речь Самгина (которую, кстати, попросила произнести хозяйка вечера лишь затем, чтобы «прекратить этот кавардак» – слишком эмоциональную, вышедшую из-под контроля полемику о Столыпине), позиционируемая им как «нечто своё, глубоко выдуманное», лишь отвлекла гостей от опасной «политической» темы и ушла в никуда, растворилась в других разговорах.

Мучительный путь размышлений и самоанализа, которыми испещрён жизненный путь героя, вылился в несколько шаблонных, неоригинальных фраз, не раз слышанных и давно отрефлексированных интеллигенцией. В 1909 году вышел сборник «Вехи», провозгласивший примат духовной жизни над общественной, и тогда же оценённый как некий итог духовных поисков русской интеллигенции (интеллигент-разночинец Дронов: «Сто лет доили корову и вот вам сливки»).

Таким образом, речь Самгина в смысловом целом многоголосого спора представляет собой своеобразную контаминацию слышанных ранее реплик, выхваченных им из чужих разговоров, и подытоживает его собственные духовные искания, которые суть отражение исканий интеллигенции в целом.

Всё вышесказанное позволяет воспринимать Самгина, его сознание, его мировоззрение как квинтэссенцию мировоззренческих устремлений всей интеллигенции. Его сознание вместило в себя все искания, проблемы, слабости интеллигенции, поэтому постижение феномена Самгина – путь постижения феномена русской интеллигенции, её судьбы, её роли в исторических катаклизмах рубежа веков. Вся картина спора представляет собой вариации одного тезиса, хотя внешне он не выражен. О чём бы ни спорили на вечере – спорят о примате индивидуального или общественного. Тем не менее, к каким-либо определённым выводам прийти не могут: специфика подобных споров призвана показать принципиальную незавершимость дискуссий. Все эти споры безрезультатны.

Столкновения идейных позиций героев часто оказываются только следствием разных коммуникативных мотивировок: спора ради спора, спора ради демонстрации собственной правоты, спора ради самовыражения и т.д. Разные установки лишают полемику смысла, а человека – возможности выяснить истину и превращают коммуникацию в «разговоры глухих», где каждый говорит о себе. Это подтверждает и завершение дебатов на новогоднем вечере: речь Самгина, утонувшую в ответных репликах, венчает танец под фривольную песенку Беранже, на которую все присутствующие с удовольствием переключаются, позабыв о духовных ценностях, о которых только что горячо спорили. В речи Самгина Горький запечатлел мучительно-неразрешимый процесс превращения людей в невольников мысли. Весь комплекс психологических состояний и рефлексий Клина – отражение этих процессов в лагере интеллигенции, ибо Самгин – «монументальный ультрасредний», и именно в нём воплощено в мельчайших подробностях не

индивидуально-особенное, не исключительно оригинальное, а массовое для истории России.

Таким образом, от первого к последнему тому не происходит налаживания стабильного канала коммуникации, несмотря на несколько десятилетий поисков взаимопонимания – между разными идеологическими течениями, между разными социальными кругами и пр. И всё же динамика происходит и в отношении количества, и в отношении «качества» многоголосия.

Во-первых, количество резко увеличивается к концу повествования: от трёх-четырёх в первых томах к десяткам – в последнем. С одной стороны, это можно «списать» на неотредактированность четвёртой части произведения: случаи многоголосия – непрописанные ещё образы, лишь наброски к эпизодам, передающие основной его смысл, настроение. Однако, хотя и нельзя сбрасывать со счетов незавершённость произведения, всё же, скорее всего, смысл такой перемены кроется в другом. Горький осознал кардинальные перемены в отношениях между людьми, смену жизненных ориентиров, обезличивание идей, их массовость. Идеи вышли из закрытого пространства гостиной, салона – на дорогу, в толпу.

Ценность индивидуальности стала снижаться, на первый план выходит не герой-личность, а герой-толпа. Закрытая, камерная работа Мысли закончилась – началось Действие согласно этой Мысли. А массовое действие всегда опрощает, огрубляет, схематизирует Мысль, делает её более удобной, более легко применимой к действительности. Носители и создатели Мысли становятся ненужными, так как Идея уже воспринята, упрощена и может воспроизводиться среднестатистическими умами.

Изменяется и тематическая направленность этих споров. От «политико-гастрономических», происходящих

в довольно спокойной обстановке разных гостиных, споры с выходом на открытое пространство становятся «однотемными», заострёнными в одну сторону. Так, Горький, изначально использовавший приём многоголосия с теми же целями, что и Бальзак, в процессе работы над «Жизнью Клима Самгина» приходит к своей структуре и функциональному назначению этих споров. Многоголосые безымянные разговоры делятся с самого начала на полилоги закрытого общества с известными действующими лицами (и можно предположить с известной долей вероятности, кто автор конкретных реплик); полилоги открытого пространства, где известны, в лучшем случае, два-три конкретных персонажа, а также социальный статус безымянных участников.

В любом случае повествователь даёт краткие характеристики участникам события, обрисовывающие место действия, социальный статус, внешность, отличительные особенности говорящих. В зависимости от обстановки варьируется и эмоциональный настрой говорящих. В толпе, подверженной массовым психозам, преобладает отрицательный эмоциональный заряд. «Салонные» споры, проходящие в более спокойной обстановке – благодушной, спокойней.

Типичное описание полилогов открытого пространства можно увидеть при встрече Самгина с евреями-беженцами во время первой мировой войны. Коллективная жалоба используется здесь для усиления эффекта аффектации:

«Стиснутые в одно плотное, многоглавое тело, люди <...> кричали:

- Почему нас не пускают в город?
- Мы виноваты, что война?
- Нас грабят.
- Мы бедные люди.
- Нам сказали: идите, и всё будет...

– Нам гнали по шее...

– Учите сеять разумное, доброе, вечное и делаете войну <...>» [XXIV, 426].

По той же схеме происходят и выражения волеизъявления толпы. Особенно это проявляется в финале произведения, во время февральской революции. Единая направленность толпы не позволит инакомыслия, в толпе может существовать только тот, кто либо является единомышленником сотен других людей, её составляющих, либо поддаётся её воле. Неприятие самостоятельной мысли становится фатальным для живого, результативного диалога, любой спор превращается в «диалог глухих», где каждый говорит о своём, то есть собеседники существуют в параллельных дискурсах. К такому «диалогу глухих» ближе всех подошла идеология марксистов, также не допускающая инакомыслия. «Диалог глухих» не исключает речи о другом, в том числе о собеседнике. Но эти речи – всегда прикрытие слова субъекта в своей символической системе. За ней стоит желание найти другому место, ячейку в уже готовой системе ценностей.

Многоголосие в «Жизни Клима Самгина» – один из видов полилога. Его важнейшая функция – создание историко-литературного, общественно-политического фона эпохи; подведение итогов какого-либо литературного, философского, общественно-политического события; раскрытие через изображение множества точек зрения разных сторон события. Многоголосый спор является крайним выражением отсутствия стремления найти истину. Возникает спор ради спора, спор ради времяпрепровождения, который перерастает в выяснение личных отношений. Коммуникация становится нестабильной, ей угрожает неудача. Многоголосый спор в тексте «Жизни Клима Самгина» отображает коммуникативную неудачу на всех уровнях: бытовом, бытийном, личном, общественном.

Изображённая в «Жизни Клима Самгина» коммуникация направлена на поиск главной идеи-истины. Поэтому основным её видом на страницах книги является диалог-спор, который, с одной стороны, становится явлением обыденным, а с другой – достаточно весомым, чтобы стать событием, движущим сюжет. Изображённые Горьким диалоги-споры близки к реальным (с нарушением баланса между информативным и фатическим спором в сторону последнего). Это отличает их от споров, описанных в литературе XIX века (выдержанных в ключе «идеального»: логичного и завершённого).

Многочисленные дискуссии на протяжении романа представляют собой споры о политике, религии, литературе, нормах морали. Через диалог-спор прошли проверку на прочность практически все идеологические течения и направления, бытовавшие в описываемые сорок лет – религиозные (Марина Зотова, Диомидов и пр.), социально-политические (Кутузов, Яков Самгин, Тагильский и пр.), философские (Томилин) и другие.

Диалог у Горького – это чаще всего спор при принципиальном несогласии между собеседниками. Отсюда – неизбежное полемическое «напряжение» между собеседниками – носителями разных (и часто разнонаправленных) информационных и эмоциональных полей. Многие герои его произведений не могут найти «равного» себе собеседника, мнение которого было бы для них авторитетно, а соответственно, и построить диалог. Таковы (помимо Самгина) Фома Гордеев и Матвей Кожемякин, из одноимённых повестей, Евсей Климков из «Жизни ненужного человека», Пётр из «Дела Артамоновых», Макаров из рассказа «О герое», Карамора из одноимённого рассказа, герои «На дне» и пр.

Помимо диалога-спора в «Жизни Клима Самгина» присутствует и так называемый диалог согласия, проис-

ходящий между единомышленниками. Такие диалоги не продуцируют новых идей, их информативность близка нулю. Таковы диалоги между народниками. Стремясь передать молодому поколению готовую истину, они постепенно подменяют диалог проповедью. Но в данном случае такой речевой жанр нерезультативен: «проповедник» не обладает достаточным авторитетом. Видя неактуальность поднимаемых им вопросов, его не слушают, над ним иронизируют. Установка на проповедь, внушение, претензии на учительство так или иначе уводит говорящих от совместного выяснения истины к задачам убеждения и воздействия. Проповедь превращается в монолог, где «отцы» пытаются выступать в роли учителей при пассивном сопротивлении «сыновей».

Уверены в истинности своей теории и представители другого идеологического течения – марксисты. Твёрдые сторонники марксизма – Кутузов, Спивак, Дунаев – натуры цельные и непротиворечивые. В отличие от народников, они твёрдо стоят на ногах, потому что исповедуемая ими идея нова и только набирает силу.

Марксисты в изображении Горького – одни из немногих на страницах «Самгина» увидевшие в человеке своего «бога». Хотя они показаны несколько «однобокими», именно отсутствие разносторонности делает их цельными, не знающими сомнений, и потому имеющими «право на проповедь». Получив это право, они довольно уверенно используют его: одни из немногих на страницах романа сохраняют единство интенции своей речи; будучи внутренне уверенными в своей истине, они не идут на спор ради спора, ради самовыражения и уж тем более – ради выяснения личных отношений; спор логичен и внешне эмоционален, так как основан на твёрдых убеждениях, – то есть спор с участием марксистов внешне отвечает основным принципам идеального спора. Однако внешняя «правильность» не означает подобного же внутреннего

содержания: эти герои, уверенные в своей истине, не испытывают потребности в её поиске. Поэтому их спор превращается в риторический жанр убеждения, проповеди. Не удивительно, что марксисты имели на Клина гораздо большее влияние, нежели народники, в чьё учение он не верил с самого начала. Горький отказывает большевикам только в одном праве – этическом. Это слабое место в их теории, однако ими самими как недостаток не воспринимаемое.

Самым ярким представителем сторонников Маркса является основной идейный оппонент Самгина Степан Кутузов. На цельность его натуры указывается в авторских ремарках; она обнаруживается в актах коммуникации с другими персонажами. Кутузов не вступает в споры и не инициирует их подобно Самгину, не поддаётся на провокации собеседников. Но если всё же вступает в диалог, то никогда не выстраивает его по логической схеме, как правило, не приводит аргументированные доказательства. Кутузов, как и народники, переходит от жанра спора к жанру проповеди. Образные риторические приёмы, используемые им, по стилю принадлежат скорее не к информативному жанру, а к аффективному.

«Разрываясь» между различными идеологическими течениями, не имея реальной почвы, интеллигенция была уверена в одном: её путь – это жертвенное служение народу. Следствием мифологизации собственного предназначения стала идеализация народа. Отношения между ними окончательно утратили адекватность и обратились в абсолютное взаимное непонимание, переживаемое интеллигенцией как драма.

Осознанием этой драмы стал вывод Самгина о противоречии между собственным существованием и навязываемым, односторонним представлением о его смысле. Революция стала ценой, которую назначила себе интеллигенция.

Противоречие между идеалом и действительностью вызывает у интеллигентов внутренний диссонанс, а желание оправдать своё настоящее мироощущение искажает его. Постоянно находясь под влиянием догмы (интеллигент – активный участник социальной жизни страны, сторонник освободительного движения), Клим протестует против этого насилия над личностью, при этом не находя в себе смелости признаться в своём «невольничестве». В этом он схож с героями произведений Чехова, Пастернака, Солженицына и других. Неслучайно Самгин ощущает духовное родство с «веховскими» философами.

Несмотря на социальное благополучие (Самгин женат, делает карьеру юриста, имеет прочное общественное положение, авторитет), Клим чувствует своё невольничество. На уровне сознания Клим не изжил психологического свойства – бессознательно подчиняться воле общества.

Находкой Горького являются «многоголосые» споры, один из видов полилога, представляющие собой отрывочные высказывания, порой несвязанные прямой логикой. Они возникают во время встреч главного героя с народом, которого он сторонится и боится. Эти встречи (с бурлаком на Волге, с бунтарями в деревне, с рабочими во время революции 1905 года, с попутчиками в поезде) позволяют повествователю в условиях избранной им повествовательной стратегии «столкнуть» центрального персонажа с большим количеством людей совершенно разных и часто весьма самобытных верований и убеждений.

Немногочисленные столкновения Клим с реальным, не книжным народом помогли ему осознать всю неполноценность знания о действительности, почерпнутого из книг и идеологических споров в своём «интеллигентском» кругу. Важны эти сцены и для осмысления динамики развития мышления народа, постепенно осознающего себя исторической силой. Сказалась здесь и оценка

Горьким-идеологом значения этой социальной силы. Ведущим в социальных преобразованиях Горький признаёт пролетариат, крестьянство же остаётся ведомым.

«Многоголосый» спор используется автором-повествователем и для создания картины хаотического многоголосия на новогоднем вечере (IV том), когда, казалось бы, не связанные между собой реплики присутствующих складываются в композиционное, ритмическое и содержательное целое. Из соседних, не связанных между собой ни субъектом, ни предметом высказывания фраз можно выявить особый, не лежащий на поверхности смысл. Подобное многоголосие внешне не позиционируется как спор и не может обладать его основными признаками. Многоголосый спор в «Жизни Клима Самгина» эмоционален и бестолков. Он превращается у многих в застарелую привычку, теряет свою направленность на выяснение истины, становится бессмысленным и подогревается лишь горячительными напитками.

Произнесённая на празднике «итоговая» речь Клима Самгина, в которой он попытался озвучить свою собственную «систему фраз», оказалась неудачной. Обнаружилось, что мысли, которые Клим искренно считал только своими, глубоко оригинальными, — лишь пересказ давно известного, своеобразная контаминация слышанных ранее реплик, выхваченных им из чужих разговоров. Этим и подытоживаются его духовные искания. Речь перерастает в аффективный спор, цель которого — не достижение истины, а убеждение собеседника в своей правоте. Горький педалирует принципиальную незавершимость спора, гиперболизирует её, создавая эффект хаотически бессмысленной полифонии голосов. В итоге происходит срыв запланированной коммуникативной ситуации: реципиенты не воспринимают речь Самгина так, как он этого хотел.

В речи своего главного героя Горький запечатлел мучительно-неразрешимый процесс превращения людей в невольников идеи. Весь комплекс психологических состояний и рефлексий Климата – отражение этих процессов в лагере интеллигенции, ибо он – «монументальный ультрасредний», и именно в нём воплощены в мельчайших подробностях не индивидуально-особенное, не исключительно оригинальное, а массовое для истории России.

Горький показывает, что с 1870-х до 1910-х (от первого к последнему тому произведения), несмотря на многолетние поиски взаимопонимания между разными социальными слоями, идеологическими течениями, стабильный канал коммуникации в обществе не налаживается.

Тем не менее, коммуникативная динамика прослеживается и в отношении количества, и в отношении «качества» многоголосия. Количество таких споров увеличивается (от трёх-четырёх в первых томах к десяткам – в последнем). Думается, что эта «передвижка» неслучайна: писатель, осознав кардинальные перемены в отношениях между людьми, смену жизненных ориентиров, обезличивание идей, их массовость, «выводит» идеи из закрытого пространства гостиной, салона – на дорогу, в толпу.

Изменяется и «качество» (тематическая направленность, степень коммуницируемости) этих споров: от спокойных «политико-гастрономических» к «однотемным» спорам на открытом пространстве дороги, площади. В «Жизни Климата Самгина» происходят все возможные отступления от правил идеального информативного спора. Часто они вообще выходят за границы спора как такового. Причём трансформация происходит всегда в сторону аффективности, риторики.

Неумение (или нежелание) наладить коммуникацию приводит к уклонению от ответственности за собственные коммуникативные неудачи, к стремлению скрыть своё истинное лицо за метафорической или реальной маской и принимать участие в диалоге как бы не от своего лица. Дискуссии не столько помогают рождению истины, сколько выявляют личностные особенности и интеллектуальные способности спорщиков. Любая идея служит или может служить самооправданию героя: то в человеке, что психологически противоречит общепринятым понятиям о норме, выравнивается, вводится в русло нормы с помощью идеологии.

Спор, диалог даже при искренних попытках найти компромисс, неизбежно превращается в монолог, проповедь своей истины, и, как результат этого тотального непонимания, возникает «диалог глухих». Горький, описывая 40 лет жизни российского интеллигента, говорит о процессе подготовки к гигантскому провалу коммуникации в масштабах целой страны. История общественной мысли, рождённая в противоречиях между духовным и социальным, властью и гражданским чувством, продвигалась в сторону всё большего непонимания, противоречия с годами не снимались, а лишь нарастали. Всё это в конечном итоге привело к окончательному провалу коммуникации, когда все хотели «взрыва», революции, чтобы снять все противоречия, даже ценою многих жизней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последнее произведение Горького «Жизнь Клима Самгина» подвело своеобразный итог не только экзистенциальным поискам автора, но и целой эпохе – драматичной истории русских революций. Создававшееся Горьким на протяжении десяти лет – с 1926 по 1936 год, оно вобрало в себя как непосредственно исторический опыт, так и опыт осмысления истории. Необходимое для объективного, масштабного взгляда временное расстояние уже было пройдено. Страна оказалась на новых исторических рубежах, и Горький вновь поднял важнейшие для национальной самоидентификации вопросы о судьбах народа и интеллигенции в революции, о месте личности в истории.

Писатель показывает, как интеллигенция, много говорившая о жертвенности в пользу народа, после свершившейся революции 1917 года, действительно оказалась в роли жертвы. Одну из причин этого Горький видит в индивидуализме, в «неутолённом и неутолимом самомнении», в утрате укоренённости в народной почве, в разрушении коммуникации с Богом. Отсюда кризис автокоммуникации и невозможность самоидентификации – правильного определения своего социального предназначения.

Клим Самгин становится «средним арифметическим», представителем самой многочисленной разновидности российской интеллигенции, типическим её воплощением в эпоху «смены вех». Интеллигенции, раздираемой противоречиями, мечущейся между различными идеологическими системами в поисках своей собственной «системы фраз». Главное заблуждение Клима и интеллигенции в целом заключается в том, что поиски личной идеологии ведутся далеко за пределами собственной личности, вне её экзистенциального опыта, а не внутри.

Горьковский герой неадекватно интерпретирует действительность, воспринимая мир как собрание идеологий, среди которых он не может найти имманентную себе. Самгин – «герой сознания», для которого слово идентично поступку, но который не может на протяжении всей жизни найти своё слово, не может по определению стать участником успешной коммуникации. У него нет внутренней опоры, он всегда готов принять желаемое за действительное, и переоценка ценностей, отсутствие взаимопонимания и провалы коммуникации становятся неизбежными.

Это становится особенно очевидным во взаимодействии интеллигенции с «адовой суматохой» XX века. Персонажи показаны через призму всевозможных идейных, философских и политических течений. Каждое течение, направление проходит «проверку на прочность» скрещиванием «точек зрения», отображённых в коммуникации. Читатель становится свидетелем идейной борьбы народников (Яков Самгин, писатель Катин) и марксистов (Кутузов, Дмитрий Самгин, Любаша Сомова, Елизавета Спивак, Поярков, Гогин), атеистов (Томилин) и религиозных фанатиков (Диомидов, в 1900-е годы – Лидия Варавка), декадентов (Нехаева), а также «выломившихся» из своей среды философа Томилина, купца-миллионера Лютова, аристократа Туробоева, циничного Дронова, сторонницы новой религии Марины Зотовой.

Диалоги-споры между ними становятся каркасом сюжета. Их динамика определяется усиливающимся информационным шумом, в результате которого они регрессируют до «диалога глухих», до «параллельного дискурса» на всех уровнях – от неудавшегося диалога с самим собой до гигантского провала коммуникации в масштабах целого общества. Коммуникация в этом случае становится фатально безуспешной, так как теряется об-

щий код, благодаря которому информация доходит от одного адресата к другому.

Таким образом, Горький затрагивает актуальнейшую для всего XX столетия онтологическую проблему – проблему непонимания и некоммуникации. Воспроизводимый им в «Жизни Клима Самгина» исторический сюжет имеет библейский аналог – сюжет о строительстве Вавилонской башни, который напоминает людям о том, что разные языки были даны им не для общения, а для разобщения – в наказание за богоборчество.

Российское общество рубежа веков, охваченное кризисом гуманизма, кризисом веры, не могло договориться само с собой – люди, говоря на одном языке, фактически говорили на разных. Утратив общий код, единый язык превратился в разные наречия, откуда и возникло всеобщее тотальное непонимание – плата за отказ от коммуникации с Богом. Как говорил горьковский марксист Кутузов, общество пыталось найти ключи к тайнам, но, не находя их, начинало пользоваться «отмычками», суррогатом истин. Вольно или невольно, но истина была проговорена – с победой революции началась эпоха симулякров, знаков без означаемых.

Диалог эпохи и личности переродился в кризис эпохи и кризис личности. Герой Горького стал воплощением этого кризиса, квинтэссенцией интеллигенции, потерявшей себя и так и не преодолевшей отчуждения общества и человека.

Научное издание

Алёна Владимировна Маркович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологического образования

С кем спорил Клим Самгин?

Дизайн обложки – А.В.Маркович

Лицензия ЛР № 040326 от 19 декабря 1997 г.

План университета 2013 г.

Подписано в печать Формат бумаги 60x 84 1/16. Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе. Усл.печ.л. Уч.-изд.л.

Тираж 100 экз. Заказ

Типография Благовещенского государственного
педагогического университета.

Типография Благовещенского гос.пед. университета
675000, Амурская обл., г.Благовещенск, ул. Ленина, 104